

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ФОРТИФИКАЦИЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Санкт-Петербург
1995

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**ФОРТИФИКАЦИЯ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

(МАТЕРИАЛЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА ИИМК)

**ПАМЯТИ
ИГОРЯ
НИКОЛАЕВИЧА
ХЛОПИНА**

**Санкт-Петербург
1995**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

ВЫПУСК 20

Редакционная коллегия: В.М.Массон (отв.редактор),
С.В.Белецкий, М.Ю.Вахтина, Ю.А.Виноградов, В.Ю.Зуев, Л.Б.Кирчо,
О.А.Щеглова

***Издано в рамках программы Отделения истории РАН
"Возрождение России. Россия и мировая цивилизация".***

ISBN 5-201-01166-7

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

**ANCIENT AND MEDIEVAL
FORTIFICATION**

(IHMC METHODOLOGICAL SEMINAR PAPERS)

**IN MEMORY
OF PROFESSOR
IGOR
CHLOPIN**

**St.-Peterburg
1995**

ДРЕВНОСТЬ

В.М.Массон

(Санкт-Петербург)

ФОРТИФИКАЦИЯ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Создание охраняющих и ограждающих сооружений в масштабах территории компактного проживания или региона обитания является специфической чертой человеческого общества, масштабы и характер которых прогрессивно развиваются вместе с развитием самого общества и под его прямым воздействием. Фортификационная архитектура является блестящим примером ответных реакций на социальный заказ, формирующийся в технической сфере. В развитии фортификации исходной была функция убежища, изначально - от агрессивных природных сил, прежде всего, диких животных, а затем, со все возрастающим значением, обороны от иных племен и обществ. Со временем развиваются такие функции фортификационных сооружений как фискально-административная, специфически военная, ориентированная на формы и средства нападения, и, наконец, престижная. Исходной основой для реализации этих функций была строительная техника и производственный потенциал конкретных обществ. Вместе с тем, в развитии фортификации прослеживаются и некоторые эпохальные черты.

Многочисленные археологические факты показывают отсутствие жесткой связи между появлением оборонительных сооружений и формированием цивилизаций и государственных образований. Видимо, речь идет о целом спектре явлений, которые можно характеризовать как первобытную фортификацию, представленную в обществах догосударственной (но не предгосударственной) эпохи. В отличие от более поздней военной архитектуры, здесь, как правило, еще отсутствуют жесткие каноны и модули, не говоря уже о масштабах и мощи оборо-

нительных построек. Ров, земляной вал и палисад зачастую в различных сочетаниях - таковы основные строительные приемы первобытной фортификации в древней Европе. В аридной зоне используют иной строительный материал - сырцовый кирпич, а в горных и предгорных районах - камень. Вокруг поселений первых земледельцев Ближнего Востока VIII-V тыс. до н.э. как центров сосредоточения прибавочного продукта и, видимо, иных ценностей, возведены стены из камня или сырцового кирпича (Иерихон, Хаджилар, Телль-Эс-Савван, Марзаллия). Появляются и первые башни, развивающиеся, видимо, на основе контрфорсов, но еще не образующие строго вымеренные системы, обеспечивающие сплошную защиту при помощи стрелкового оружия.

Стремительного развития достигает широкомасштабная фортификация в периоды резкого усиления в обществе военных функций, в периоды его частичной милитаризации. Таким для Европы было II тыс. до н.э., когда повсеместно формируются укрепленные региональные центры. Как правило, расположение этих центров коррелирует с богатыми гробницами военных лидеров. В степной зоне Восточной Европы этому соответствуют укрепления типа овального Аркаима на Южном Урале или Ливенцовки в низовьях Дона. Развиваются сложные строительные приемы, сочетающие палисады, бревенчатые сооружения, каменные и земляные насыпи. Когда (с изменением социального ландшафта) такие укрепленные микроцентры исчезают, функцию макроубежищ выполняют кельтские оппидумы, развивающие те же строительные приемы при ограждении обширных территорий. В этих условиях выступает связь с фортификацией и лидирующих населенных центров, которые, по специфике выполняемых функций, можно именовать городами.

В эпоху древних государств с их мощными производственными и организационными ресурсами наступает подлинный расцвет фортификации. Формируются региональные (национальные) школы военной архитектуры: переднеазиатская, хараппская, римская. Появляется специфический тип населенного пункта, нацеленный именно на оборонительные функции - крепости. Зачастую функции крепости и регионального экономического центра совпадают. Именно с расчетом на такую двойную функцию были возведены урартские крепости Закавказья. Особое развитие фортификация получает в зонах повышенной военно-политической активности, например, в Передней

Азии. Здесь складываются фортификационные каноны, уделяющие особенное внимание предвратным сооружениям как слабому звену в системе обороны. Наряду с долговременными фортификационными сооружениями, устраиваются и временные, ярким примером чего служат римские лагеря, нередко превращающиеся в постоянно функционирующие укрепленные городки. Для мощных государственных образований новым видом фортификации становятся макрорегиональные укрепления. Так, в Средней Азии, плодородные оазисы обводятся стенами, призванными ослабить давление со стороны кочевых объединений. Наиболее известна стена, построенная в III в. до н.э. на С границе Маргианы. Аналогичные стены ограждали бухарский и самаркандский Согд. В письменных источниках сохранились упоминания о наличии такой стены в округе Балха в современном Северном Афганистане. В гигантских масштабах этот прием использован Римской империей, стремящейся оградить свои рубежи в Британии и на Балканах. Эти сооружения возведены с учетом опыта, накопленного фортификацией, но в грандиозных масштабах, ярчайшим примером чего является Великая китайская стена. Фортификация становится и престижной визитной карточкой ведущих городских центров. Эта функция получает особое развитие в средневековой Европе, идя рука об руку с чисто фортификационным назначением феодальных замков, определяющих палеокультурный ландшафт своей эпохи.

К.Х.Кушварева
(Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ ОБ ОБОРОНЕ ПОСЕЛЕНИЙ ЮЖНОГО КАВКАЗА (IX-II ТЫС. ДО Н.Э.)

Специфика рельефа Южного Кавказа, на территории которого 72% составляют горные покрытия, непосредственно сказалась на характере древних мест обитания и их защите. В предгорной и горной зонах имеются сотни экологических ниш, где для обороны поселений достаточными были их природные особенности. Судя по топографии горных поселений, древний человек при выборе мест обитания, помимо ряда необходимых для жизнеобеспечения факторов (наличие водных источников, пастбищ, выровненных участков для посевов и др.), придавал огромное значение оборонному фактору.

Для Южного Кавказа характерна высотная зональность и пестрота ландшафтов. В их формировании, помимо гор, большую роль играли низинные и равнинные пространства, издревле выполнявшие ведущую роль в хозяйственной жизни региона. Здесь проблему обороны решали путем создания искусственных сооружений. Межгорные впадины были тесно связаны с горной и высокогорной зонами, где находились истоки больших и малых рек Кавказа. Для этих зон характерно использование естественных укрытий, усиленных рукой человека.

Мезолитические и ранненеолитические стоянки IX-VI тыс. до н.э. (Квачара, Алианча, Дарквети, Холодный грот, Самеле-кде, Фируз 1-2 и др.) - пещеры, гроты, скальные навесы, известные пока в незначительном количестве, прямо указывают на стремление человека использовать для жилья естественные укрытия. На этом этапе военный фактор, видимо, не имел значения; укрытия спасали охотников и собирателей от холодных периодов года и окружавшей их дикой фауны.

Согласно новейшим данным (горная стоянка Чох), Кавказ являлся самостоятельным очагом зарождения и дальнейшего развития земледелия и скотоводства. Переход к производящему хозяйству стимулировал демографический взрыв и, как следствие - широкое освоение просторных низинных и долинных пространств.

В конце неолита - энеолите (V-IV тыс. до н.э.) здесь были основаны десятки общинных поселков открытого типа. Монотонность застройки стандартными домами, однотипность, примитивность и бедность их убранства говорят о материальном равенстве членов общины и отсутствии общинных накоплений. Эта картина полностью подтверждается содержимым синхронных могильников (Кюль-тепе, Аликемек-тепеси), среди которых большинство погребений, по принятой оценочной шкале, относится к категории бедных. В таких условиях возникновение военной опасности могло иметь случайный, эпизодический характер. Отсюда, нецелесообразность трудозатрат общины на постройку оборонительных сооружений; все силы ее членов направляли на хозяйственные нужды. Зафиксированные на нескольких поселениях (Арухо, Имирис-гора) рвы должны быть расценены не как элемент защиты поселений, а как часть первых ирригационных устройств.

К концу IV тыс. до н.э. картина резко меняется. Прогресс земледелия и скотоводства приводит к резкому увеличению численности

населения, накоплению прибавочного продукта, имущественному неравенству (борьба за скот и передел пастбищ). На протяжении следующего тысячелетия (ранняя бронза) наблюдается постоянный отток избыточного населения из долин и низин в предгорья и горы, где осваиваются благоприятные для ведения комплексного хозяйства экологические ниши. При выборе мест поселений теперь строго учитываются оборонные факторы. Это прямо свидетельствует о постоянной военной ситуации. Предпочтение отдается высоким, труднодоступным, естественно укрепленным местам (гребни и склоны гор, мысы, скальные платформы). Теперь удачно выбранные естественные укрытия дополнительно укреплены искусственными сооружениями. Намечается иерархия поселений, при которой крупные центры защищаются с особой тщательностью (стены, цитадель), тогда как сельские поселки-спутники (например, Квацхелеби) не имеют укреплений. Самое крупное из известных, поселение Арич (12 га) расположенное на высокой скальной платформе с отвесными обрывами, было по всему периметру укреплено двойным обводом монументальных каменных стен. На высоком речном берегу располагалось поселение Шенгавит; оно ограждено мощной каменной стеной толщиной 4 м., имеющей башни и подземный выход к реке. Оборонительные укрепления зафиксированы на поселениях Элар, Шреш-блур, Кюль-тепе II. На крупном поселении Яник-тепе - очевидно также "центре" округа, "пойман" момент обострения военной опасности. Здесь участок оборонительной стены сложен из неотесанных камней на глиняном растворе. Толщина стены доходила до 5 м. и превышала по мощности все известные на древнем Кавказе стены. Она была восстановлена после сильного разрушения (следы пожара) и вскоре же дополнительно укреплена каменной кладкой с внешней стороны, кирпичной - с внутренней. В стене имелся узкий проход со ступенчатым сводом, наскоро заложенный, очевидно, в связи с возникшей острой ситуацией. Позднее, с внутренней стороны прохода, было построено полукруглое сторожевое помещение для постоянной охраны входа.

Таким образом, оборона поселений III тыс. до н.э. была вызвана к жизни коренными социально-экономическими изменениями и нашла свое материальное выражение в сложных инженерных конструкциях, требующих значительных трудовых затрат больших коллективов. Возросший уровень благосостояния общин уже позволяет в этот период

отрывать множество рабочих рук из сферы производства продуктов питания.

К концу III тыс. до н.э. наблюдается распад культурной общности периода ранней бронзы. На базе старого наследия и под влиянием этнических передвижений и других новаций формируются новые культуры, бытовавшие в 1-ой пол. II тыс. до н.э. (средняя бронза). Они исследованы, главным образом, по погребальным комплексам, которые прямо указывают на резкую стратификацию общества; наряду с "царскими" или "княжескими" захоронениями местной элиты, полными варварского великолепия постоянно встречаются бедные могилы рядовых общинников. Этот период характеризуется значительным расширением скотоводческого хозяйства, расцвета металлургии и тесными связями с цивилизациями Юга. Сосредоточение богатств у высшей прослойки общества, неравномерное обогащение в среде общинных и племенных объединений должны были создавать постоянную конфликтную ситуацию, которая требовала постоянного усиления обороны мест обитания. На освоенных высокогорных кочевьях, куда на летний период теперь выгоняли скот - основное достояние населения - для его защиты возводят так называемые циклопические крепости из крупных каменных глыб. В горной крепости Шаглама II, например, ее недостроенная часть служила загонem для скота. В высокогорном Кельбаджарском районе открыто обширное (диаметром 22 м) круглое поселение, окруженное двухметровой каменной стеной; оно служило, безусловно, для защиты скота. С внешней стороны к стене были пристроены небольшие помещения - жилища скотоводов. Мощная оборонительная каменная стена открыта в горном "центре" Каракепег-тепеси. Сезонными убежищами для пастухов в горах служили пещеры и скальные навесы.

Единственное исследованное стационарное поселение этого времени - Узерлик-тепе позволяет изучить оборонительные сооружения низинных районов. Камень здесь отсутствует, поэтому все постройки возведены из сырцового кирпича. Поселение, обитатели которого вели натуральное хозяйство, основанное на ирригационном земледелии, расположено в Мильской степи, на пути к соседним пастбищам Нагорного Карабаха, и, было безусловно, центром обмена продуктами между земледельцами и скотоводами. Расположенное на невысоком естественном холме, оно со всех сторон было опоясано оборонительной стеной.

Стена, расчищенная на протяжении 35 м, имела ширину 2 м. С восточной стороны обнаружен вход, фланкируемый контрфорсами. Основная хозяйственная жизнь поселян протекала под прикрытием оборонительной стены. Вне ее находились лишь временные очаги открытого типа.

Таким образом, можно сделать вывод, что 1-ая пол. II тыс. до н.э. характеризуется резким усилением социально-экономической дифференциации кавказского общества, постоянным присутствием военной ситуации и совершенствованием военного дела.

Во 2-ой пол. II-нач. I тыс. до н.э. строительство крепостей достигает небывалого размаха. Практически вся южная часть Закавказья покрыта сетью больших и малых защищенных поселений и крепостей. Только в северо-восточной Армении зафиксировано 58 таких объектов. Крепости цепью опоясывали важнейшие узловые пункты горных перевалов, пастбищ, проходы по ущельям. При умелом использовании природного фактора создается продуманная система крепостей с ближней и дальней связью. Все они имеют архитектурные особенности, позволяющие вести фланкирующий бой, дополнительные укрепления перед входом, образуют "каменные мешки" для захвата противника и пр. Сооружение большого числа крепостей, огромное количество выпускаемого оружия, появление так называемых "могил воинов" и создание регулярного войска (изображения на бронзовых поясах) свидетельствуют о возросшем уровне инженерной мысли и общем подъеме военного дела. Это было вызвано постоянными межплеменными войнами за скот, пастбищные угодья, рудники, скопившиеся на поселениях богатства и пр. С IX в. до н.э. возникает необходимость отражения новой грозной силы, требующей мобилизации всех резервов населения. Это планомерные походы Урарту в Закавказье, приведшие в конечном итоге к завоеванию большей его части.

Двухсотлетнее господство Урарту было ознаменовано грандиозным размахом строительства. Среди оставленного материального наследия - сложные ирригационные сооружения, огромные укрепленные города, монументальные крепости. Этот отрезок истории отражен также в надписях царей Урартского царства.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ОСЕДЛЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Развалины замков и крепостей являются неотъемлемой частью среднеазиатского пейзажа. Но все они - средневековые и, редко, античные. На северной подгорной равнине Копетдага, в местах изначального проживания оседлых земледельцев, склоны холмов с остатками их поселений были многократно прорезаны траншеями с целью обнаружения оборонительных сооружений. Поиски были тщетными - края этих поселений были оформлены внешними стенами жилых построек.

Каково же было удивление археологов, приступивших в 1956 г. к изучению древней дельты р. Теджен, когда в верхнем строительном горизонте энеолитического поселения Ялангач-тепе были расчищены обводные стены с круглыми башнеобразными постройками в местах излома. Первоначально возникла мысль, что исследуемое поселение было культовым центром всего оазиса. Затем выяснилось, что все поселения древней дельты, начиная с IV тыс. до н.э., были окружены стенами. И тут же возник вопрос о том, от кого же должны были защитить эти укрепления жители поселка.

На всех поселениях Геоксюрского оазиса были найдены кремневые наконечники стрел. В среднем энеолите, на фоне развитой металлургии меди, эти предметы выглядели странно. При изучении этих наконечников под микроскопом были обнаружены следы сработанности, которые позволили утверждать, что они служили инструментами - сверлами, резцами, развертками и т.п. Типологически близкие формы наконечников зарегистрированы на правом берегу Амударьи, в культуре Заман-баба. Следовательно, раньше эта неолитическая охотничья культура соседствовала с культурой земледельческого энеолита и древнейшие оборонительные укрепления были специально построены в дельте Теджене ее колонизаторами против аборигенов-охотников, которые, видимо, пытались противостоять агрессии своих западных соседей.

В эпоху бронзы, во II тыс. до н.э., ареал земледельцев расширился и были возведены новые крепости. Многие поселения древней дель-

ты р.Мургаб представляли собой квадратные крепости. На подгорной равнине Гиндукуша и в Среднеазиатском междуречье квадратные крепости построены по единому плану с четырьмя воротами в середине сторон. Ворота оборудованы специальными Т-образными ловушками. Строительство этих крепостей было единовременным актом, что говорит о предварительном планировании на местности по отработанным принципам защиты с элементами фортификации.

Планировка крепостей эпохи поздней бронзы (Дашлы-3, Сапалли) помогает установить этническую принадлежность строителей этих выдающихся архитектурных комплексов. Корни сакрального изображения индуизма, буддизма и родственных религий - мандалы и ее разновидности янтры - уходят в первобытную древность, ко временам ведическим. Одним из элементов этого изображения является так называемый "квадрат защиты" разной степени стилизации с неизменными воротами в середине каждой стороны с Т-образными ловушками. Рисунок "квадрата защиты" существовал всегда, но его реалистические прототипы не были известны; скорее всего, их и не предполагали. Раскопанные крепости земледельцев эпохи бронзы в Северном Афганистане и в Среднеазиатском междуречье своей планировкой тождественны рисунку "квадрата защиты" янтры. Поскольку это изображение исконно индоарийское, можно с полной уверенностью утверждать, что раскопанные крепости были в свое время сооружены индоариями, часть которых ушла в Северную Индию, а часть - на правобережье Амударьи. Так, реальные крепости послужили прототипами для сакрального символа по крайней мере со времени Атхарваведы. С другой стороны, доказано, что строители этих крепостей - выходцы из земледельческих оазисов северной подгорной равнины Копетдага, вернее - их потомки, что явилось одним из доказательств ираноязычной сущности древнейших земледельцев Средней Азии.

Л.Б.Кирчо
(Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ФОРТИФИКАЦИИ В ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

Первые ограды - обводные стены из сырцового кирпича - выявлены в Южной Туркмении на памятниках Геоксюрского оазиса эпохи

среднего энеолита (сер.-2-ая пол. IV тыс. до н.э.; Массон 1982). Ограды из отрезков прямых стен (длинной 7.4-10 м, шириной ок. 0.6 м) и круглых построек (диаметром 3.1-4.5 м) представляли собой в плане части неправильных многоугольников с выступающими по углам круглыми "башнями" и окружали либо группу жилых и хозяйственных построек (Ялангач-депе), либо небольшое поселение (Муллали-депе). "Башни", судя по заполнению и наличию очагов, использовали как жилые помещения (Хлопин 1969).

Обводные стены (кон. IV-нач. III тыс. до н.э.) исследованы на Алтын-депе. В ЮЗ части поселения, на раскопе 8 в 1979-80 гг. выявлены остатки трех сменявших друг друга обводных стен эпохи энеолита (Архив ИИМК, Ф.35, оп.1, 1979, д.24; 1980, д.38). Каждую стену возводили, отступая вверх по древнему склону холма, предшествующая же образовывала для нее ступенчатый фундамент. Стены ориентированы по линии ЮВ-СЗ. В З части исследованного участка, судя по керамическим и каменным вымосткам и глинобитным (с использованием сырцового кирпича) нивелировочным уровням, был расположен въезд на поселение.

Наиболее ранняя стена "энеолит 3" толщиной 1 м сохранилась в высоту на 0.7 м. Стена прослежена на 8 м и в ЮВ части имела наружный пилон-контрфорс шириной 1.45 м. Под стеной отмечены культурные слои, так что она, видимо, не является самой ранней для данного участка поселения. Комплекс керамики в слоях, прилегающих снаружи к стене "энеолит 3", синхронизирован В.М.Массоном с материалами 3 горизонта поселения Геоксюр 1.

Стена "энеолит 2" толщиной 1.5 м сохранилась в высоту на 1 м и прослежена на протяжении 13 м. В стене выявлен заложенный проход шириной 2.3 м, к ЮВ от прохода, с внешней стороны, к стене пристроен пилон-контрфорс (1.25 x 1.5 м). В СЗ части наружная грань стены поворачивает внутрь поселения, ограничивая, видимо, пространство въезда. Между въездом и проходом на стене выявлен плоский выступ-пилястр (2.8 x 0.25 м). Комплекс керамики из прилегающих снаружи к стене слоев синхронизируется с материалами 2 горизонта Геоксюр 1.

Наиболее поздняя стена "энеолит 1" толщиной 1.7 м сохранилась в высоту на 1.4 м и прослежена также на протяжении 13 м. В этой стене заложенный проход имел ширину 1.7 м. Со стороны поселения около прохода отмечены вымостки. Снаружи, в ЮВ части, найдены остатки

контрфорса шириной около 1.4 м. Проход и контрфорс стены "энеолит 1" располагались почти точно над соответствующими элементами стены "энеолит 2". В СЗ части (за счет двух выступов снаружи и изнутри) стена имела толщину около 3 м. Именно здесь прослежены вымостки из камня, обломков сырца и керамики, образующие поверхности въезда на поселение. При стратиграфических исследованиях напластований в 1979 г. было выяснено, что внутри поселения за стеной "энеолит 1" почти параллельно ей, шла стена толщиной 0.9 м. То есть, на определенном этапе вдоль обводной стены был коридор. К этой параллельной стене изнутри поселения подходил мощный слой золы. Керамика геоксюрского типа из прилегающих и подстилающих стену "энеолит 1" культурных напластований в основном соответствует комплексу 1 горизонта Геоксюр 1. Таким образом, возведение и функционирование всех трех обводных стен относится к геоксюрскому времени, т.е. к концу среднего - началу позднего энеолита.

Позднеэнеолитические обводные стены на ЮЗ краю поселения выявлены в 1981 г. на раскопе 14, к СЗ от раскопа 8 (Архив ИИМК, Ф.35, оп.1, 1981, д.47). Здесь, у подножия древнего холма, на протяжении свыше 11 м исследованы остатки по крайней мере двух стен, расположенных ступенчато по склону холма и ориентированных по линии С-Ю. Более ранняя обводная стена (№1) толщиной 0.9-1 м сохранилась в высоту на 1 м. В южной части стены имелся проход шириной ок. 1 м. У основания стены расчищена кладка, уходящая за пределы раскопа и, возможно, являвшаяся остатками более ранней стены. Слои, примыкавшие к стене 1, содержали керамику позднегеоксюрского типа.

Более поздняя стена 2 толщиной 1.4-1.6 м сохранилась в высоту на 1.5 м. Постройки изнутри города, в основном, отсутствовали. Лишь в одном месте косая стена свидетельствовала о существовании пристройки на одном из этапов функционирования обводной стены. Культурные слои, уходящие под стену 2 и примыкавшие к ней со стороны поселения, содержали расписную керамику времени Намазга III.

В восточной части поселения при изучении жилого квартала на раскопе 5, на краю холма, в напластованиях периода позднего энеолита была выявлена верхняя часть обводной стены (Kircho 1994). Эта стена была возведена во время, предшествующее постройке зданий 11 горизонта, так что к моменту их обживания, она

возвышалась над дневной поверхностью (уровнем основания стен домов 11 периода) на 0.5-0.8 м. В изученной части обводная стена толщиной 1.1-1.4 м состояла из двух отрезков, образующих внутренний угол, и прослежена на 10 м. На позднем этапе существования стена была снаружи укреплена по крайней мере двумя квадратными контрфорсами (ок. 0.5x0.5 м). На финальном этапе существования стена была укреплена массивной забутовкой, облицовывавшей склон холма так, что внешняя поверхность всего сооружения в 11 периоде представляла собой пологий пандус с уклоном 26-28°. В СВ части этот пандус прослежен по крайней мере на 4 м вниз по склону холма. Под забутовкой вплотную к стене подходили мусорные зольные слои. Изнутри городища к стене примыкали жилой дом и двор Б 11 горизонта, причем канава-водоотвод из двора Б прорезала верхнюю часть обводной стены.

Таким образом, уже в конце среднего - позднем энеолите Алтын-депе, одно из двух крупнейших поселений Южной Туркмении (или его части) было окружено мощными сырцовыми стенами. Стены, толщиной 1-1.7 м, имели специальные проходы и местами были укреплены контрфорсами. К этому же периоду относится и начало обустройства южного въезда на поселение, парадно и монументально оформленного в период ранней бронзы (Массон 1981). Все это свидетельствует о дифференциации строительства и выделении специальной функции укрепления поселения. В то же время, фортификационный, оборонительный характер этих сооружений остается неясным. Возведение более поздних стен с отступом вверх по склону по отношению к более ранним, что создавало ступенчатые подножия стен, пологий пандус с уклоном около 30°, открытые, незащищенные предвратными сооружениями въезд и проходы облегчали, а не затрудняли проникновение внутрь городища. Более вероятным поэтому представляется функционирование обводных стен в качестве подпорных, укрепляющих край поселения, что в условиях мощных зимне-весенних паводков было чрезвычайно важно.

Косвенным образом подпорное назначение обводных стен подтверждается стратиграфией наслоений на краю холма, исследованных на раскопе 5 в 11-9 строительных горизонтах. Как было указано выше, в 11 периоде жилые строения изнутри поселения подходили непосредственно к обводной стене. В следующем периоде на этом участке посе-

ление расширилось и фундамент дома 10 горизонта был построен частично на обводной стене, а частично на мусорных, в основном зольных слоях, находившихся снаружи, за стеной. Однако вскоре вся СВ часть дома, построенная на зольнике, оказалась разрушенной в результате сползания мусорных слоев вниз по склону холма. В то же время, расширение площади на этом участке было, видимо, необходимо жителям поселения. В 9 горизонте здесь был расположен двор, а в конце 9 периода были проведены работы по укреплению края холма - на специально утрамбованной и снивелированной площадке была возведена новая обводная стена. Эта стена, укрепленная изнутри ритмично повторяющимися контрфорсами, функционировала в 8-6 строительных периодах - в эпоху ранней бронзы (Kircho 1988).

В.М.Массон, анализируя монументальные обводные сооружения Алтын-депе, также пришел к заключению, что несмотря на высокий уровень специализации строительного дела и выработку фортификационного канона, функция обороны в архитектуре эпохи ранней и средней бронзы выражены слабо (Массон 1981), что отражало спокойную в военном отношении ситуацию в этой отдаленной части древневосточного мира. Появление фортификационных сооружений выраженного оборонительного характера, менее монументальных, чем на Алтын-депе, но достаточно эффективных против давления степных племен, относится к эпохе поздней бронзы, когда происходило широкое освоение дельт и долин крупных рек Средней Азии древними земледельцами.

М.Б.Рыски
(Санкт-Петербург)

ФОРТИФИКАЦИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Оборонительные сооружения появляются в Юго-Восточной Европе с эпохи неолита. Это рвы, валы и палисады на поселениях культур расписной керамики, воронковидных сосудов, линейно-ленточной керамики, а позднее культуры лендьял. Зафиксированы подобные сооружения и на поселениях трипольско-кукутенской общности. Целям обороны служило и расположение поселений в естественно укрепленных местах - на краях высоких террас, на мысах рек.

Для трипольских укрепленных поселений характерно расположение построек по периметру рва с сохранением незастроенного центрального пространства, которое интерпретируется как загон для скота (поселения типа "крааля"). Кроме сооружений, явно относящихся к фортификации, на поселениях обнаружены кольцевые конструкции иного назначения. В.Подборский сравнивает эти объекты с британскими "хенджами". Методами аэрофотосъемки зафиксировано около 60 подобных "колец" на поселениях Чехии, Моравии, Баварии и Подунавья. Для них характерны следующие признаки: расположение внутри системы укреплений; отсутствие на территории "кольца" жилых и хозяйственных построек; находки предположительно связываемые с сакральной функцией (погребения жертвенных животных, культовая пластика и т.п.); ориентация проходов во рвах по сторонам света. Подобные кольцевые объекты интерпретируют как культовые сооружения и даже своеобразные "календари" древних земледельцев, а их появление связывают с усложнением социальной организации неолитических общин (В.Подборский, Дж.Хокинс).

Подобные культовые кольцевые структуры создавали и в более поздние эпохи, вплоть до средневековья, например "Большая ротонда" в столице Алании на Северном Кавказе, исследованная В.А.Кузнецовым и У.Ю.Элькановым.

В эпоху энеолита-ранней бронзы на Северном Кавказе распространились памятники майкопской культуры, которую автор предлагает рассматривать как культурную общность, состоящую из трех групп: собственно майкопской, новосвободненской и субстратной энеолитической (М.Б.Рысин).

Фортификационные сооружения зафиксированы только на поселениях субстратной энеолитической группы, занимающих предгорную зону и располагающихся в естественно укрепленных местах - на мысах высоких речных террас и останцах плато. Мысовые поселения с западной стороны защищены рвами, а на долговременных поселениях Мешоко и Ясенова Поляна обнаружены обводные каменные стены сухой кладки. В Мешоко проход на поселение был фланкирован стенами (А.Д.Столяр; А.А.Формозов). В степном Закубанье обнаружено синхронное майкопским памятникам энеолитическое поселение Свободное, также окруженное рвом, располагающееся в низкой речной пойме. На этом поселении как и на части поселений субстратной группы майкопс-

кой общности применяли планировка типа "крааль" с расположением построек у рва и сохранением в центре свободного пространства (А.А.Нехаев). Поскольку в окрестностях укрепленного поселения Мешоко обнаружено более 40 пунктов стоянок майкопского времени, можно предположить, что само поселение Мешоко выполняло функции крепости-убежища для обширной территории, а строительство таких укреплений отражает определенный уровень прогресса в социальной стратификации местных племен.

В то же время поселения собственно майкопской группы расположены на открытых местах, на первых надпойменных террасах, и следы фортификационных сооружений на них не обнаружены.

Для последующей эпохи средней бронзы неизвестны укрепленные поселения, однако бытовые памятники этого времени на Северном Кавказе расположены в естественно укрепленных местах (Старчики, Дегуакско-Даховское поселение, стоянка Замок).

В степной зоне для этого времени известно только одно укрепленное поселение - Михайловка на Днепре. Это многослойное поселение расположено на трех соседних холмах на краю высокой береговой террасы. Укрепления относятся к развитому этапу эволюции ямной культурной общности, к периоду максимального расширения ее ареала и значительному росту населения в степной зоне (судя по данным погребальных памятников). В этот период максимально расширяется площадь Михайловского поселения - культурный слой обнаружен на всех трех холмах. Система укреплений включает рвы и каменные стены как с напольной стороны, на плато, так и со стороны берега реки. От берега на вершину холма через ров вел проход. Рвы и поверхность склона террасы укреплены каменным панцирем. Прослежена подтепка камней для кладки стен, использование приема "перевязки швов", а также применение глинистого связующего раствора (О.Г.Шапошникова). Центральный холм имел свободное от застройки пространство внутри системы укреплений, которое могло использоваться в качестве загон для скота. Уникальный характер системы фортификации Михайловского поселения и длительное обитание здесь ямных племен могут найти объяснение в его расположении на месте традиционной переправы, на "перекрестке" степных путей, в первую очередь "кавказских".

Короткий период перехода к эпохе поздней бронзы характеризуется нестабильностью и сменой направления культурных связей. По на-

блюдению В.С.Бочкарева, в это время "центр культурогенеза" смещается с Кавказа в Волго-Уральский регион, где в эпоху поздней бронзы формируются новые культуры и вырабатываются культурные стандарты для всей Юго-Восточной Европы.

В переходный период в Северном Причерноморье распространяются памятники культуры многоваликовой керамики. Краткий расцвет этой культуры отмечен появлением сотен поселений и могильников, а также сооружением племенного святилища, напоминающего древневосточные зиккураты, в Приазовье, на р. Молочной. В низовьях Дона на путях связей с племенами Северного Кавказа появляется укрепленное поселение - Ливенцовская крепость, исследованная С.Н.Братченко. Укрепления состоят из рва и каменных стен сухой кладки. Находки здесь кремневых наконечников стрел и кусков обожженной обмазки свидетельствуют о штурме, пережитом защитниками крепости.

Одновременно, на границе степной зоны в Приуралье, столь же краткий расцвет пережила сеймо-турбинская группа. Исследователи называют ее "несостоявшейся цивилизацией". Ядро этого культурного феномена, его движущую силу составляла воинская аристократия (воины на колесницах, запряженных лошадьми) и, обслуживающие их нужды, ремесленники. Усложнение общественного устройства и выделение элиты (воинов-колесничих) вызвало к жизни новую форму организации жизни коллективов - в укрепленных лагерях (В.С.Бочкарев). В междуречье Урала и Тобола на сегодня известно более 20 подобных крепостей-центров. Лучше других памятников изучены крепость Аркаим и комплекс Синташта, включающие крепость, святилище и могильники. Система укреплений Аркаима и Синташты состоит из внешних рвов и стен с башнями, проходами, контрфорсами. Стены сложены из глины с использованием деревянных клетей. Дерево применяли также для устройства частоколов на верху стен и для укрепления поверхности рвов и стен. Мощность стен увеличена за счет примыкающих к ним изнутри построек. Входы в крепость усилены башнями и фланкированы стенами. Внутри стен существовала система ниш и проходов для выхода на стрелковые галереи и для вылазок защитников крепости в тыл нападающим. Для отвода дождевых и талых вод, которые могли повредить ров, служили дренажные каналы. Исследователям удалось установить, что сооружение крепостей велось по предварительно со-

ставленному плану, с разметкой всех укреплений и внутренних сооружений. Дерновый слой на месте строительства выбирали, а поверхность под фундаменты стен и контрфорсов заливали илистым грунтом, обладающим цементирующими свойствами (Г.Б.Зданович, В.Ф.Генинг).

Создание крепостей-центров подобных Синташте и Аркаиму, явилось качественным скачком в эволюции фортификационных сооружений Юго-Восточной Европы. По-видимому, не случайно это совпало с другим качественным скачком в развитии военного дела - появлением боевых колесниц, запряженных лошадьми. Новое эффективное средство нападения очень быстро распространилось из Приуралья через восточноевропейские степи до Балкан, Малой Азии и Египта, а в качестве адекватного "ответа" столь же быстро совершенствуются средства защиты, в первую очередь фортификационные сооружения, о которые разбивался мощный натиск конницы.

Ю.А.Заднепровский
(Санкт-Петербург)

РАЗВИТИЕ ФОРТИФИКАЦИИ В ФЕРГАНЕ (I ТЫС. ДО Н.Э - СЕРЕДИНА I ТЫС. Н.Э.)

Самые ранние оборонительные сооружения Ферганы обнаружены на 2 поселениях чустской культуры эпохи поздней бронзы - Дальверзинском и Чустском (кон. II-нач. I тыс. до н.э.). Укрепления Дальверзина (25 га) представляют сложную систему из двух внешних стен и одной внутренней, опоясывающей цитадель. Все стены построены в один период и, следовательно, разделение поселения на три части было преднамеренно запланировано. Это были отнюдь не примитивные, а мощные стены толщиной 4-6 м и более, при высоте не менее 5-6 м. В Дальверзине использованы три разных приема строительства стен, что указывает на сравнительно высокий уровень фортификационного дела в первобытной Фергане (Заднепровский 1976). На Чустском поселении (меньшего размера) выявлена одна стена (Спришевский 1972).

Вопрос о происхождении фортификации в Фергане остается открытым. Ферганские укрепленные поселения резко отличаются от предшествующих и синхронных поселений андроновской общности по размерам, мощности стен и строительным материалам. Поселения степ-

ных племен - около 20 укрепленных поселений на Южном Урале, в том числе, уникальные Аркаим и Синташта (Генинг и др. 1992), в Северном Казахстане - Новоникольское I (Зданович 1973) и другие, были окружены земляными, реже глинобитными, стенами (валами) с деревянным частоколом и рвами. Они отличаются малыми размерами (1,5-3,5 га). Можно отметить лишь некоторые черты сходства: на поселении Синташта стены не выделяются в рельефе современной поверхности; земляные стены с глинобитным панцирем Синташты по конструкции близки восточной стене Дальверзина, перекрыты кладкой кирпича; Синташта, как и Дальверзин, состоит из трех частей. Одна из них - без строительных остатков, возможно, также служила загонem для скота. Круговая планировка поселения Синташта напоминает цитадель Дальверзина, но все поселение меньше площади этой цитадели.

Использование при сооружении стен кирпича и пахсы явно заимствовано ферганцами от земледельцев южных областей Средней Азии. Во II тыс. до н.э. в Маргиане и Бактрии уже известны прямоугольные крепости: с одной-тремя стенами, с прямоугольными и круглыми башнями - Келлели (Масимов 1986), Тоголок (Сарианиди 1990) и Сапалли (Аскарлов 1973). Ничего подобного нет в Фергане и прямое заимствование фортификационных традиций исключено. Вместе с тем, ферганские укрепления ничуть не уступают синхронным поселениям - Елькен-Депе (Марущенко 1959) и Яз-Депе (Массон 1959). Наличие в Дальверзине стен трех конструкций, отсутствие искусственного стилобата на цитадели и трехчастная планировка - все это служит показателем самобытности начального этапа фортификации в Фергане.

Дальнейшее развитие фортификации отмечается во 2-ой пол. I тыс. до н.э., в период становления первого в Фергане государства - Даваньского царства. Происходят изменения количественные и качественные. Во много раз возросло количество крупных поселений. Все 70 больших и малых городов Давани имели укрепления. Оборонительные стены окружали и сельские поселения. Многие сельские дома представляли собой настоящие замки - Гайрат-Тепе (Козенкова 1964), Арал-Тепе (Горбунова, Оболдуева 1988) и др. Впервые появляются крепости - укрепленные поселения, предназначенные для длительной круговой обороны на важнейших рубежах - Кзыл-Октябрь, Кошбулак, Южноузгенское (Заднепровский 1960), Мыкты-Курган в Керкидоне (Горбунова

1987). Можно отметить значительное разнообразие поселений по форме, размерам, характеру укреплений и функциональному назначению. На оборонительных стенах появляются башни (опорные узлы обороны), наиболее ранние - на Эйлатане (Оболдуева 1981); наиболее монументальные - на Мархамате (Заднепровский, Матбабаев 1991). На ряде поселений открыты бойницы - Биловур-Тепе (Заднепровский 1985), Арал-Тепе, Арк-Тепе, Каламыш-Тепе (Горбунова 1988). Совершенствуются цитадели, их стены дополнительно укреплены регулярно расположенными башнями.

На ферганских укреплениях выявлены все элементы, свойственные развитой фортификационной системе древности. Однако, материалы недостаточны для обобщающих выводов и сравнения с передовыми областями Средней Азии. Высокое качество и совершенство фортификации древней Давани документировано тем, что столичный город Эрши успешно выдержав длительную осаду войск Ханьской империи, возглавляемой опытным военачальником Ли Гуанли. С городом Эрши принято сопоставлять городище Мархамат, величественные руины которого позволяют составить представление о былом характере фортификации. Своей правильной прямоугольной планировкой крепостных стен с многочисленными башнями это городище выделяется среди ферганских памятников. Тип планировки явно заимствован у земледельцев южных областей (Массон 1985). На остальных укрепленных поселениях Ферганы времени Давани (по китайским хроникам - II в. до н.э.-IV в. н.э.) не прослежено каких-либо следов влияния и заимствования.

В.Ю.Зуев

(Санкт-Петербург)

**УКРЕПЛЕННЫЕ ГОРОДИЩА ЛЕСОСТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ
И НОМАДЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА "ЧУДАКИ" В ЮЖНОМ
ЗАУРАЛЬЕ)**

Для истории древнего населения Евразии скифо-сарматской эпохи большое значение имеет проблема связей подвижного степного населения с жителями лесных и лесостепных регионов, живших оседло в укрепленных поселениях по берегам больших и малых рек. Практически

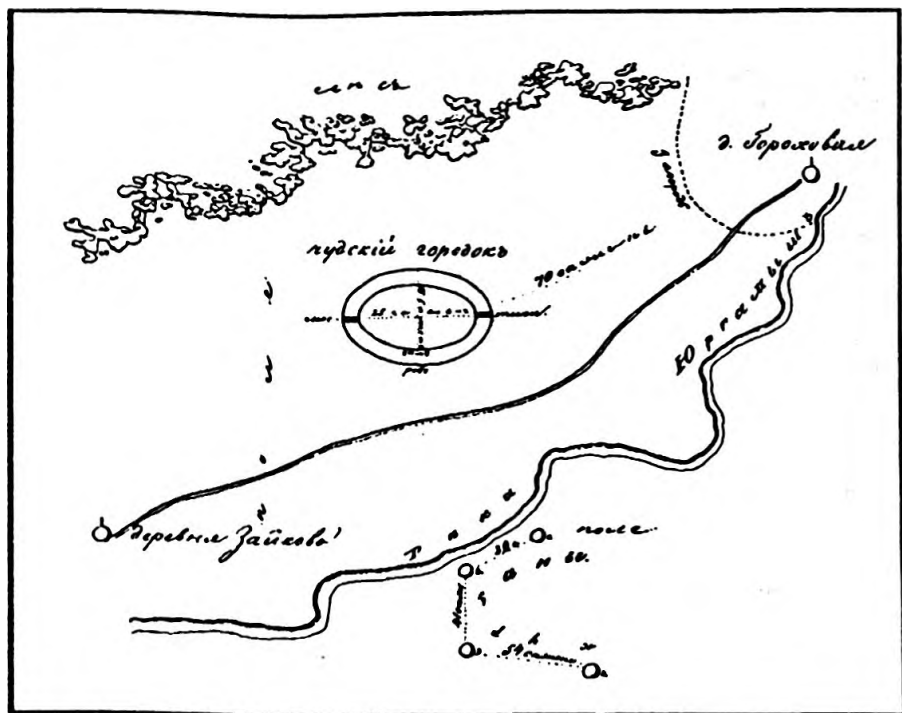
на всем протяжении лесного пояса - от Западной Сибири до Карпат - археологическими исследованиями были выявлены многочисленные локальные зоны, в которых регулярные контакты степных кочевников с их северными соседями приводили к образованию различных по своей структуре социально-экономических и политических объединений, вероятнее всего, протогосударственного характера. Комплексный и многоукладный хозяйственно-культурный тип экономики степного и лесного населения Евразии, основанный на принципах "международного" разделения производства и обмена, был причиной того, что на протяжении многих веков носители принципиально различных по своему духу и экологии культур взаимодополняли друг друга в сложном и противоречивом единстве, следы которого достаточно хорошо выражены в археологическом материале.

Одной из областей, где активно происходило слияние и взаимодействие кочевого и оседлого населения, был регион Южного Зауралья, на территории которого археологами выделены и активно изучаются памятники так называемой *гороховской* культуры. Свое условное название она получила от памятника, расположенного недалеко от с. Горохово Юргамышского р-на Челябинской обл. В 2,5 км от села, на левом берегу р. Юргамыш находится укрепленное городище "Чудаки", которое было частично исследовано в 1937-39 гг. и 1949 г. К.В.Сальниковым. Городище расположено на вершине 20-ти метровой возвышенности, имеет неправильно-овальную форму и окружено двумя рядами невысоких валов и рвом между ними. Исследованиями было установлено наличие деревянных оборонительных конструкций, защищавших внутреннюю площадь укрепления, на которой по окружности внутреннего вала были расположены просторные земляночные жилища с достаточно сложными деревянными конструкциями перекрытия и входа в жилище. К ЮВ от внешней линии укреплений, вокруг главного въезда на городище была создана незамкнутая линия укреплений, охватывающих территорию так называемого посада (предместья) (Сальников 1940:69-71; 1947:221-237; 1951:88-92; 1956:119-121). К.В.Сальников в результате раскопок пришел к выводу, что в укрепленном поселении "Чудаки" жило оседлое население, занимавшееся земледелием и ремеслом (остатки бронзо- и железоделательных производств). Судя по обилию костных остатков домашних животных большую роль в их хозяйстве играло скотоводство, причем, лошадей по

своей породе явно использовали, прежде всего, как верховых животных (Сальников 1947:233). Определяя хронологию поселения "Чудаки" К.В.Сальников на основании находок и параллелей им, прежде всего в курганах южноуральских кочевников скифо-сарматской эпохи, относил его по времени существования к сарматскому периоду (IV-I вв. до н.э.). Основываясь на раскопках двух близлежащих от городища курганов, разграбленных еще в древности, он считал, что основу населения городка составляло угорское племя с ярко выраженными монголоидным антропологическим типом. Относительно последнего утверждения следует заметить, что аргументация К.В.Сальникова не выдерживает критики (погребальный обряд исследованных им курганов ничем не отличается от погребений кочевой знати Южного Приуралья скифо-сарматской эпохи, заимствовавшей у лесостепных племен многие традиции архитектурного решения своих погребальных сооружений: дромосные могилы для коллективных захоронений, сложные радиальные конструкции надмогильных сооружений и т.п.). Что касается монголоидного облика погребенных в одном из курганов, то во-первых, ни числа обследованных особей, ни детальных характеристик К.В.Сальников в своей работе об этническом составе "чудаковского" населения не приводит, а во-вторых, в некоторых курганах скифо-сарматской эпохи (Пазырыкские курганы, Александропольский курган и др.) такие наблюдения также были сделаны, что не говорит вовсе об угорском происхождении погребенных в них людей. Проведенные в 1975 г. Г.В.Бельтиковой дополнительные исследования на городище (1976:159) позволили ей уточнить и хронологию поселения "Чудаки" в сторону ее удревнения (VI-IV вв. до н.э.). Все это позволяет считать, что население гороховского городища было смешанным, или, как минимум, в его составе присутствовал кочевой компонент, тесно связанный своим происхождением с номадами Южного Приуралья скифо-сарматского времени. Присутствие этого компонента хорошо фиксируется в погребальном обряде гороховской и саргатской культур Южного Зауралья и Западной Сибири, сарматоидный облик которых настолько силен, что заставляет невольно считать эти культуры практически неразличимыми (Полосьмак 1987:97-101).

Любопытно также отметить, что помимо важного статуса эталонного памятника гороховской (или саргатской) культуры, которое имеет городище "Чудаки", оно является одним из первых памятников

Южного Зауралья, обследованных с археологической целью. Честь открытия и первого описания этого городища принадлежит неутомимому исследователю истории и культуры края, пионеру южноуральской археологии Руфу Гавриловичу Игнатьеву (1829-86). В 1863-67 гг. Р.Г.Игнатьев при поддержке Статистического комитета впервые организовал комплексное историко-археологическое исследование Оренбуржья. Разослав в уезды и волости губернии специальные опросные листы относительно памятников древности, он, пользуясь полученными сведениями, совершил обстоятельные археологические разведки, подробно описывая все зафиксированные им памятники. Свои материалы и путевые зарисовки он планировал впоследствии (при финансовой поддержке Императорской Археологической Комиссии) зафиксировать подробными планами южноуральских древностей и создать таким образом первую в России археологическую карту. К сожалению, в те годы столичные археологи оказались глухи к инициативе неутомимого краеведа. Записки Р.Г.Игнатьева, однако, не пропали для науки. В 1873 г. ими пользовался Д.Я.Самоковасов, а в начале этого века часть их была издана А.А.Спицыным и И.А.Кастанье. В Архиве ИИМК РАН хранятся несколько отчетов Р.Г.Игнатьева о проведенных им в 1864 г. разведках в Южном Зауралье. Среди огромного количества памятников, которые он посетил и описал, в отчете от 18 августа Р.Г.Игнатьев приводит сведения и о городище "Чудаки", которые он сопровождает одним из немногих рисунков, составленных им самим. "В 205 верстах от Челябинска, близ деревни Гороховой, на выезде из деревни - городище - "Чудской городок". Городище состоит из круглого рва и вала с двумя земляными как бы мостиками через ров. Вот примерный чертеж самой местности. Окружность вала и рва $47 \frac{1}{8}$ саж., высота вала 1 и 0,5 саж., ширина рва - 1 саж., глубина $1 \frac{3}{4}$ саж., длина мостиков 1 саж., ширина мостиков - $2 \frac{1}{4}$ и 2,5 аршина. Преданий никаких нет. Раскопок и находок вещей также не было. За рекой Юргамыш отмечено мною 4 кургана. Высота - $1-2 \frac{1}{4}$ саж., окружность - 9-14 саж. Диаметр - 5-7,5 саж. Ямы 0,5, $\frac{3}{4}$, $1 \frac{1}{4}$ саж. Курганы расположены в $1 \frac{3}{4}$ верстах от деревни Гороховой" (РАИИМК, Ф.1, 1864, № 21, л. 27-об).

Схематичный рисунок городища "Чудаки" Р.Г.Игнатьева.

Несмотря на условность рисунка, чертеж Р.Г.Игнатьева интересен тем, что доносит до нас не только ряд деталей (наличие двух въездов на городище - в существовании одного из них - западного - в 30-х г. из-за разрушения части памятника сомневался К.В.Сальников), но и содержит данные о самой местности, где расположено городище "Чудаки". Более точный, хотя и условный план укреплений городища, составленный в 1937 г. К.В.Сальниковым (1947:222), к сожалению, не дает представления о соотношении городища с некрополем.

В заключение необходимо подчеркнуть характерное соотношение стоящих на водоразделе р. Юргамыш памятников - городища и курганного некрополя, в устройстве которого явно ощущается доминирующая традиция кочевого погребального обряда скифо-сарматской эпохи. В

этом планиграфическом распределении памятников очень удачно выражена, на мой взгляд, не только идея противостояния жизни и смерти как таковых (город-река-некрополь), но и извечного противостояния жителей города той смертельной опасности, которая временами исходила из степи. Рассматривая в таком аспекте соотношение частей гороховского археологического комплекса, следует отметить в то же время, что это противостояние разделяло жителей городка отнюдь не со всеми номадами, тесная связь с которыми хорошо документирована археологически. Фортификационные сооружения городищ, подобных гороховскому, являлись не столько местом убежища от любых кочевников (для этой задачи они все же были достаточно слабы), сколько служили оборонительными при условии их защиты той частью кочевников, которые были уже тесно связаны своей жизнью и бытом с населением этих городков. Таким образом, потенциальная опасность непредсказуемой степи угрожала не только оседлым жителям лесостепной зоны, но и тем кочевникам, которые оседали вокруг опорных пунктов обороны своих северных соседей. Этим, видимо, и объясняется наличие по всей пограничной зоне лесов и степей в скифо-сарматскую эпоху различного вида фортификационных сооружений (городищ, валов и т.п.), по соседству с которыми были расположены дружинные кладбища кочевой знати, стоявшей при жизни и после смерти на защите общих с оседлым населением интересов перед лицом чужеземных пришельцев.

АНТИЧНОСТЬ

Ю. В. Андреев

(Санкт-Петербург)

УКРЕПЛЕНИЯ В АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ РАННЕГО ПОЛИСА

Решая вопрос о политическом статусе того или иного греческого поселения, археологи нередко используют такой критерий, как наличие или, наоборот, отсутствие оборонительных сооружений. Так, открытие массивной крепостной стены в Смирне II на эолийскоионийском побережье Малой Азии подтолкнуло некоторых исследователей (Снодграсса, Колдстрима) к мысли о том, что уже в столь раннее время (в сер. IX в. до н.э.) это поселение достигло в своем развитии стадии полиса. Таким образом, казалось бы, получила новое подтверждение старая теория (ее отстаивали такие авторитетные историки, как Бенгтсон, Тойнби и др.), согласно которой греческий полис в двух основных его ипостасях - как город и как государство - впервые зародился именно в восточной, ионийской части греческого мира, которая в течение ряда столетий опережала в своем развитии его западную часть.

Но Смирна II была отнюдь не единственным укрепленным поселением, существовавшим в Греции в хронологических рамках геометрического или раннеархаического периода (IX-VIII вв. до н.э.). За последние десятилетия XX в. целый ряд таких поселений был открыт на островах Эгейского моря. В их числе Эмпорио на о. Хиос, Загора на Андросе, Ксоборго на Темносе, Кастро на Сифносе, Цикаларио на Наксосе, Лефканди (Ксерополь) на Эвбее, Фест на Крите. Некоторые из них, как, например, Врулия на Родосе, Врокастро и Кавуси на Крите, были известны еще в начале века. Показательно, что все эти поселения, за исключением Смирны, были покинуты своими обитате-

лями приблизительно на рубеже VIII-VII вв. до н.э. А так как этому не сопутствовали ни разрушения, ни пожары, то кажется вполне резонным предположение, что эти поселения просто слились с какими-то другими соседними поселениями в ходе серии локальных синойкизмов, происходивших в этот период на островах центральной и южной Эгеиды. В свою очередь это может означать, что поселения типа Загоры, Эмпорио или Смирны еще не были настоящими полисами и, тем более, городами и, следовательно, наличие оборонительной стены даже таких внушительных размеров, как стена Смирны II, само по себе еще не может считаться вполне надежным критерием, позволяющим точно определить политический статус той или иной жилой аггломерации.

Однако, с другой стороны, нельзя не считаться и с тем очевидным фактом, что по мере своего развития и совершенствования фортификационные сооружения постепенно превращались в чрезвычайно важный организующий и консолидирующий фактор, который во многом способствовал обособлению раннегреческого полиса от окружавшей его со всех сторон массы рядовых земледельческих поселений (ком или демов) и его становлению в качестве города или, скорее, все же прото-города и государства или гражданской общины. И здесь необходимо учитывать не только чисто стратегическое значение фортификаций, благодаря которым полис превратился в главный опорный пункт общины и, следовательно, в залог ее выживания в борьбе с враждебно настроенными соседями, но и их, так сказать, социально-символическое значение в качестве демаркационной линии, разделяющей полис и хору, то есть, полноправное гражданское население общины, концентрировавшееся в раннее время по преимуществу в черте городских стен, и неполноправное, рассеянное по территории сельской округи.

Таким образом, укрепления раннего полиса могут считаться ответом не только на угрозу со стороны внешнего врага, но и на раздражавший его изнутри классовый антагонизм. По существу это была попытка, не устраняя сам этот антагонизм, так или иначе его упорядочить, установив для него определенные пространственные пределы. Осознавая себя своего рода сакральным пространством полис, стремился с помощью кольца стен отделить себя от мирового хаоса, о котором ему напоминало в первую очередь окружающее его "поле" с его полудикими обитателями-агрояками (в этом смысле оборонительные сооруже-

ния ранне-греческого полиса выполняли функции, сходные с функциями римского померия). Ясно, что проблемы такого рода имели особую актуальность и остроту для граждан сравнительно небольших греческих государств, в которых, вследствие обычной для Греции земельной тесноты, хора непосредственно соседствовала с городскими кварталами. Занимавшие большую территорию полисы-гиганты вроде Афин, Аргоса, Спарты могли позволить себе роскошь в течение долгого времени обходиться вообще без городских стен, довольствуясь лишь укреплениями акрополя. Центр государства находился здесь на довольно значительном удалении от границ и от моря, чтобы можно было не опасаться внезапного вражеского нападения, и, вместе с тем, в его пределах было достаточно места для того, чтобы господа могли жить спокойно, не смешиваясь с рабами. Поэтому в Афинах первая городская стена была построена только в эпоху греко-персидских войн. В Спарте она появилась лишь в кон. IV в. до н.э.

Итак, городские фортификации не могут считаться обязательным внешним признаком греческого полиса, хотя потребность в них была заложена в самой его природе.

М. Ю. Вахтина
(Санкт-Петербург)

О ДРЕВНЕЙШИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ АНТИЧНОГО ПОРФМИЯ

Благополучное существование греческого города Порфмий, расположенного в непосредственной близости от переправ, соединявших Керченский и Таманский полуострова, было неразрывно связано с наличием стабильной обстановки в районе Пролива. Несмотря на наличие несомненных выгод, определивших, в конечном счете, выбор места для выведения поселения, жизнь здесь, по всей вероятности, не всегда была безопасной. Последнее соображение подтверждается открытием на этом памятнике достаточно мощных оборонительных сооружений, связанных с древнейшим периодом истории Порфмий.

В 1984 г. на восточном склоне плато, где расположено городище, были обнаружены остатки древнейшей оборонительной стены (№ 23), раскрытой на протяжении 12,8 м. Цоколь ее лежал на материке, без каких-либо следов подсыпок или нивелировки поверхности, имеющей в

этой части холма значительный естественный уклон к югу. Основание цоколя было сложено из крупных известняковых блоков (длиной до 1 м и шириной до 0.5-0.6 м). На этот нижний ряд кладки были уложены камни меньшего размера; кладка рядовая, пространства между камнями забутованы землей и каменной крошкой. Стена была ориентирована по линии СЗ-ЮВ и сохранилась на высоту до 1.2 м; ширина ее основания достигала 1.1 м. Южный конец был пристроен к естественному скальному выходу, выступавшему под углом за пределы стены и образуящему что-то вроде бастиона (?).

В Ю части в основании стены открывался выход водостока, шедшего вдоль внутренней ее части и, очевидно, в древности выводившего сточные воды за пределы городища.

Двумя годами позже на памятнике была выявлена трасса южной оборонительной стены, сохранившейся гораздо хуже. По-видимому, эта стена городища была возведена на природных выходах скальных глыб, часто встречающихся в Ю части холма. Были зафиксированы следы кладок, как бы соединявшие естественные выходы известняка, и многочисленные сырцовые развалы с вкраплениями древесного угля, что, по-видимому, дает возможность высказать предположение о деревянно-сырцовой конструкции верхней части стены.

Зачистка нижней части культурного слоя по всей трассе восточной оборонительной стены (№ 23) выявила слой золы до 0.03 м, лежавший на материке. При его разборке были найдены 15 мелких обломков человеческого черепа, разбросанных на большой площади.

К сожалению, в нашем распоряжении нет закрытых археологических комплексов, которые позволили бы с большой точностью судить о времени возведения и функционирования оборонительных стен городища. Однако, античная керамика из нижней части слоя по трассе стен достаточно однородна и позволяет предположить их сооружение и существование в пределах 2-ой пол. VI в. до н.э. В заполнении водостока была обнаружена фрагментированная ионийская "полосатая" амфора этого же времени. О какой-то катастрофе, разразившейся на городище в эту эпоху, могут свидетельствовать и развалы архаических амфор в горелом слое в непосредственной близости от восточной стены.

Terminus ante quem для времени возведения оборонительных сооружений Порфмрия может дать датировка большого позднеархаического наземного комплекса, раскрытого на площади 16x10 м внутри горо-

дища и непосредственно примыкавшего к его стенам. Керамический материал из этих помещений позволяет сделать вывод о его существовании в 1-ой тр. V в. до н.э. Основания его стен лежали на горелом слое; погибло это сооружение также в результате катастрофы, о чем наглядно свидетельствует второй горелый слой, его перекрывший. Хотя ориентировка комплекса увязывается с ориентировкой восточной оборонительной стены городища, но заметно наличие некоторого временного разрыва между возведением оборонительных сооружений и его постройкой. Зафиксированная раскопками единовременная засыпка древнего водостока и закладка его "выхода" большим камнем, очевидно, могут быть соотнесены со временем возведения наземных строений, вплотную пристроенных к внешней стене. В связи со всем, изложенным выше, перед исследователями, занимающимися ранней историей боспорских городов, встают два основных вопроса:

1. Если пожар, зафиксированный на Порфмии в кон. 1-ой тр. V в. до н.э. имеет аналогии на многих памятниках Европейского Боспора и может быть соотнесен с определенной исторической ситуацией, сложившейся в это время как в Крыму, так и в целом в Северном Причерноморье, то катастрофа, произошедшая здесь в более ранний период, представляется пока достаточно загадочной. Какую историческую реальность отражают следы пожарищ 2-ой пол. VI в. до н.э.?

2. И, наконец, напрашивается естественный вопрос - что же защищали древнейшие стены Порфмия? Каков был облик первоначального греческого поселения?

Ответ, очевидно, могут дать только дальнейшие археологические исследования. Нам представляется, что с большой степенью вероятности можно ожидать открытия здесь сооружений земляночного типа, аналогичных тем, которые в последнее десятилетие были выявлены при раскопках многих античных поселений Европейского Боспора.

Ю.В.Виноградов
(Санкт-Петербург)

УКРЕПЛЕНИЯ АКРОПОЛЯ МИРМЕКИЯ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ)

В настоящее время наиболее ранние надежно датированные укрепления греческих городов Боспора Киммерийского относятся к 1-ой тр.

V в. до н.э. (Фанагория, Мирмекий, Тиритака). В научной литературе они чаще всего трактуются как проявления оборонительных акций объединения Археанактидов (480 г. до н.э.), направленных на отражение скифского натиска. Этот крупный конфликт обычно рассматривается как первый в истории греко-варварских взаимоотношений в данном районе. В пользу такого предположения неизменно привлекается и факт отсутствия фортификации более ранней, чем время Археанактидов. Приведенная точка зрения стала почти хрестоматийной, однако в последние годы появились археологические факты, которые ей явно противоречат. Такие факты, в частности, были получены при раскопках городища Мирмекий.

К 1991 г. раскоп С, заложенный на западной окраине городища, вплотную приблизился к скальному выступу, который обычно именуется акрополем Мирмекия. Основные задачи раскопок в районе акрополя 1991-94 гг. сводились к поиску остатков самого раннего греческого поселения на данном месте. И такие остатки были открыты - серия неглубоких ям, содержащих материалы 2-ой четв. VI в. до н.э. Следует обратить внимание на то, что многие обнаруженные здесь керамические находки побывали в огне, вероятнее всего, в пожаре. Собственно говоря, заполнение ряда ям представляет собой ни что иное, как сброс мусора, образовавшегося в результате этого события. О пожаре свидетельствует также тонкий слой гари, фиксируемый в некоторых частях раскопа над материком. Есть веские основания считать, что на раннем поселении сильный пожар произошел ок. сер. VI в. до н.э. Причина его пока не ясна, но сам факт, безусловно, заслуживает внимания.

Некоторые из ранних ям, а также упоминавшийся слой гари перекрыты каменной стеной № 37 (шириной 1 м), которая препятствовала доступу на акрополь по пологому склону. Общий археологический контекст, а также достаточно архаичный, необычный для Мирмекия облик стены позволяют предполагать, что она была возведена вскоре после пожара, то есть во 2-ой пол. VI в. до н.э. В высшей степени любопытно, что в совокупности с остатками двух других стен (№№ 57 и 58), она образует конструкцию типа уступа или бастиона с изломом основной линии длиной ок. 4 м.

Стена № 58, в свою очередь, имеет непростую структуру, состоящую из двух панцирей - раннего и более позднего. Поздний панцирь

поставлен на культурный слой 2-ой пол. VI в. до н.э., и его возведение, вероятно, относится к кон. VI-нач. V вв. до н.э. Ранний панцирь покоится на материковой скале, кладка его вполне аналогична № 37 и сооружена, очевидно, одновременно с ней. Во всяком случае, представляется логичным, что культурный слой, на который уложен поздний панцирь, мог образоваться на данном месте тогда, когда ранний уже существовал. Иными словами, датировка раннего панциря стены № 58 2-ой пол. VI в. до н.э. вполне допустима.

Охарактеризованная стена в восточной части примыкает к обрывистому выходу скалы, основание которого имеет каменную обкладку. Эта обкладка вместе со стеной № 58 образует еще один уступ или бастион. На этот раз длина излома составляет всего 1.2 м.

Еще один участок укреплений акрополя был выявлен в 1994 г. около СЗ обрыва скалы. Небольшая стена (№ 72), очень близкая по конструкции описанным выше (№ 37, ранний панцирь № 58), перекрывала пологий подъем на акрополь между двумя крутыми скальными выступами. Стену подстилает культурный слой, который по амфорным находкам может быть отнесен к 1-ой пол. VI в. до н.э. Соответственно, ее возведение логично датировать второй половиной этого столетия. Как видим, строительство всех открытых сейчас участков укреплений акрополя можно достаточно уверенно признать одновременным.

Проведенные исследования позволяют сделать несколько выводов: 1) Мирмекий имел каменные или сырцово-каменные оборонительные сооружения уже во 2-ой пол. VI в. до н.э.; в настоящее время это самая ранняя античная фортификационная система, открытая в Северном Причерноморье; 2) укрепления мирмекийского акрополя в своей основе представляли обкладку скалы; 3) строители явно придерживались бастионной системы фортификации, используя при строительстве укреплений защитные свойства местности, прежде всего, крутые обрывы скалы; 4) укрепления акрополя, разумеется, не были рассчитаны на отражение систематической осады или штурма; они защищали небольшую часть поселения (около 320 м²) и были предназначены для укрытия жителей в случае нападения сравнительно небольших отрядов неприятеля, налетов кочевников и т.п.

Приблизительно в сер. V в. до н.э. данная фортификационная система, в основном, уже не существовала или, по крайней мере, утратила

свое оборонительное значение, - к ее стенам пристраивали обычные жилые комплексы. Скорее всего, в конце этого столетия с поверхности городища исчезли и остатки ранних укреплений - они были перекрыты культурными напластованиями.

В контексте изложенного можно указать на следующее наблюдение. Раскопками достаточно надежно установлено, что Мирмекий подвергся нападению варваров, очевидно, скифов, в кон. 1-ой тр. V в. до н.э. Следы пожаров и разрушений этого времени хорошо прослежены на участке Р, приблизительно в 40 м к С от акрополя. В противоположность этому, здание 1-ой тр. V в. до н.э., расположенное непосредственно у подножия акрополя (участок С), оказалось по существу "чистым", не имеющим признаков разрушения, которые можно было бы связать с нападением неприятеля. Совсем не исключено, что нападавшие на Мирмекий просто не рискнули приблизиться к данному месту. Относительную безопасность, скорее всего, обеспечивали укрепления акрополя, которые давали убежище жителям поселения, а также позволяли наносить урон неприятелю посредством его обстрела из луков и т.п. Т.е., и на этих материалах имеются основания полагать, что к моменту греко-скифского конфликта кон. 1-ой тр. V в. до н.э. мирмекийский акрополь уже имел укрепления.

**Ю.В.Горлов,
Ю.А.Лопанов
(Москва)**

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КИММЕРИКА

Остатки оборонительных сооружений на м.Опук еще в XIX в. были идентифицированы И.Бларамбергом с греческим городом Киммерик благодаря свидетельству Псевдо-Арриана (Ps.Arr., 76). Основываясь на планировке и особенностях строительных приемов, И.Б.Зеест рассматривала киммерийские укрепления как единый оборонительный комплекс, существовавший в I-IV вв. н.э. И.Т.Кругликова отнесла время его возникновения к I в. до н.э.

Результаты исследований строительных остатков на плато Опук, предпринятые в начале 90-х гг., позволили несколько пересмотреть существующую точку зрения. Нам удалось выделить, по крайней мере, два строительных периода в этом оборонительном комплексе. К пер-

вому принадлежат остатки оборонительных стен, расположенных на западном и восточном склонах плато, а также стена, которая тянется по косе от "Змеиного" холма до Кояшского оз. Характерной особенностью этого строительного периода является отсутствие фундаментов. Стены лежат на открытом грунте или на подтесанных выходах известняка. Сохранившиеся цоколи стен представляют собой двухпанцирные кладки, выполненные насухо из крупных, грубо обработанных кусков известняка. Между панцирями - забутовка из мелкого камня и глины. Определенным исключением является стена на косе. Она заглублена в грунт и лежит на слое дитритусовой ракушки.

Другая особенность этого строительного периода - при сооружении стен в значительной степени использованы естественные защитные свойства рельефа. Стены были проложены по гребням холмов на склонах плато. Для сооружения башен использованы скальные выступы, обрывы служили естественными рвами. Ради использования преимуществ рельефа, в систему обороны включена огромная территория (ок. 3 км²), подавляющая часть которой никогда не была застроена. Еще одна особенность - отсутствие рвов на пологих участках обороны.

Подобные принципы создания фортификационных сооружений складываются в Греции в V-IV вв. до н.э. Система обороны больших территорий встречается в греческих колониях и ранее - в условиях враждебного окружения и постоянной опасности нападения. Результаты археологического изучения этого района Керченского п-ова позволили связать оборонительную систему Киммерика 1-го строительного периода с Узунларским валом и отнести ее существование к IV-II вв. до н.э., что соответствует замечанию Страбона о Киммерике (Strabo, XI, 2,5).

Вероятно, к этому строительному периоду относится еще одна стена, расположенная в С части плато. Эта стена (шириной ок. 1 м) выполнена в технике, аналогичной вышеописанной. Она повторяет все изгибы С края плато; сохранились следы проезда или ворот, к которым от подножия плато вдоль С склона поднимается дорога, защищенная внизу башней. Мы не исключаем возможности, что это могут быть остатки самой древней части укреплений на м.Опук. Археологические исследования на плато показали, что оно было обжито греческими поселенцами, по крайней мере, со 2-ой пол. VI в. до н.э.

Стена на С краю плато была разрушена при сооружении цитадели 2-го строительного периода в В части плато. Она представляет собой самостоятельную фортификационную единицу, не являясь естественным продолжением развития предыдущей системы обороны. Это наблюдение подтверждается особенностями строительных приемов. В отличие от предыдущего периода, стены этой цитадели представляют собой двухпанцирные кладки, сложенные из крупных фрагментов известняка с применением строительного раствора и перевязок между панцирями. Они возведены на фундаменте по регулярному плану без учета особенностей рельефа. Наоборот, в фортификационных целях сделаны многочисленные подтесы края плато и сооружен ров. Башня в С части укрепления имеет противотаранный пояс. Результаты раскопок зольника к З от цитадели позволяют датировать ее существование вплоть до VII в. н.э. Время строительства определить сложнее, но мы предполагаем, что это произошло не ранее 63 г. до н.э., поскольку к последствиям землетрясения этого года геологи относят последние крупные сейсмодислокации на склонах плато Опук.

А.А.Масленников
(Москва)

СЕЛЬСКАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Сама постановка проблемы, т.е. анализ укреплений разнообразных и разновременных сельских поселений Керченского п-ова, стала возможной лишь после широкомасштабных археологических исследований ряда экспедиций, в первую очередь, Восточно-Крымской (1953-94 гг.).

Раскопками в той или иной степени были затронуты десятки объектов. Однако мы сознательно оставляем в стороне чрезвычайно важный и интересный вопрос об эволюции самой системы организации обороны сельской территории европейского Боспора, хотя он непосредственно связан с фортификацией. Многие аспекты фортификационного дела все еще неясны, но уже накопленная информация позволяет выявить некоторые его характерные черты и особенности.

В отношении самого раннего периода (посл. тр. VI-1-ая четв. V вв. до н.э.) можно говорить лишь о следовании греческих поселенцев принципу "естественной безопасности" (берег, мыс, скалы и т.п.) и,

вероятно, особой планировке жилых и хозяйственных помещений (мыс Зюк, Киммерик-холм А).

В последующие полтора-два столетия картина существенно усложняется. С одной стороны, существует множество неукрепленных, вероятно, варварских деревень в глубине полуострова. С другой - на побережье нам известны постройки, близкие к классическим греческим усадьбам с башнями (на "ближней, городской" хоре), а также большие по площади и сложные по планировке и функциональному назначению комплексы типа Генеральского-Западного, укрепленные башнями, валами и рвами и, расположенными на вершинах близлежащих холмов, "фортами". Кроме того, здесь существовали крупные усадьбы с мощными стенами и небольшие неукрепленные хозяйства-ойкосы, вблизи которых имелись сторожевые башни-убежища (Чокракский мыс, Пустынный берег).

При этом использовали чисто античные строительные приемы и фортификационные традиции, характерные именно для этого времени: сочетание передовых земляных укреплений и каменных сооружений; активное повсеместное использование рельефа местности; охрана дальних земельных наделов отдельно стоящими башнями и т.п. Вместе с тем, небольшая толщина стен, несложное устройство ворот и относительно невысокие боевые качества башен (следовательно, отсутствие на вооружении метательных машин) лишний раз подчеркивают сельский характер этих сооружений и ограниченность тактических задач. Ок. сер. III в. до н.э. они не смогли выполнить своего предназначения, были разрушены и, за немногим исключением, не восстановлены.

Следующий этап - 2-ая пол. III-нач. I вв. до н.э. Имеющиеся материалы свидетельствуют, что на поселениях существовали простые варианты укреплений основного въезда-прохода: без башен и пилонов, но с помощью специальных уступов в оборонительной стене, снабженных к тому же калитками (Крутой берег). Но самым ярким в смысле фортификации является городище Золотое-Восточное, с мощными стенами, удачно размещенными воротами и т.д. Наиболее примечательный элемент оборонительной линии - различные по размерам выступы-бастионы. Теоретически, их могли использовать для установки метательных машин. Имелись передовые земляные укрепления и, прикрывавший дальние подходы к городищу, форт на соседней вершине. В этом ощущается влияние соответствующих эллинистических традиций. Но невы-

сокое качество кладок свидетельствует о недостаточной квалификации строителей.

Существовали и снабженные башнями усадьбы "дальней" хоры, еще более близкие классическим греческим оригиналам (Ново-Отрадное I-II СП).

В последующие столетия фортификация сельских поселений становится значительно многообразнее и внушительнее, но ее рассмотрение уже выходит за рамки данного сообщения.

В.И.Денисова
(Санкт-Петербург)

К ФОРТИФИКАЦИОННЫМ СООРУЖЕНИЯМ ОЛЬВИИ **V в. до н.э.**

В отечественной специальной литературе давно утвердилось мнение, что в 1-ой пол. V в. до н.э. Ольвия была защищена оборонительными стенами. Однако десятилетия крупномасштабных археологических исследований это мнение не подтвердили. Оборонительная стена, крайне фрагментированные остатки которой в 50-е гг. были обнаружены на западном склоне Заячьей балки (К.Э.Гриневич) и ошибочно датированы "концом VI или началом V в. до н.э.", в действительности возведена не ранее кон. IV в. до н.э. (С.Д.Крыжицкий).

Говоря об оборонительных сооружениях Ольвии V в. до н.э. исследователям приходится основываться на изложенной Геродотом (IV:78-80) новелле о скифском царе Скиле. Целиком примыкая к сложившемуся еще на заре отечественной археологии представлению о личном посещении Геродотом Ольвии ок. сер. V в. до н.э., исследователи используют эту предполагаемую дату в качестве исходного репера для своих хронологических построений.

Однако археологические исследования последних четырех десятилетий как городской территории Ольвии, так и ее периферии, не дав материала для однозначного решения этого вопроса, позволяют под иным углом рассмотреть проблему существования ольвийских оборонительных сооружений в V в. до н.э.

Планомерным изучением ольвийской периферии установлено, что многочисленные аграрные поселения, возникшие во 2-ой пол. VI в. до н.э., прекратили свое существование примерно на протяжении 2-ой

четв. V в. до н.э. Выдвигая различные гипотезы для объяснения данного явления, исследователи почти единодушно полагают, что жители этих поселков переселились в Ольвию (по одной точке зрения, под давлением военной угрозы со стороны активизировавшихся скифов, по другой - ввиду большой потребности в рабочей силе в Ольвийском полисе, якобы вступившем к этому времени в полосу экономического подъема). С этого момента, согласно той же распространенной точке зрения, начинается расширение границ города, переход к наземно-сырцовому (взамен земляночного) типу строительства, а также возведение оборонительных стен.

Однако эти выводы в значительной степени умозрительны. Так, расширение города именно со 2-ой четв. V в. до н.э. не прослежено, сооружения V в. до н.э. представлены крайне фрагментарно, что препятствует их надежному датированию. С другой стороны, раскопками установлено, что, например, плотность застройки центрального района Ольвии не была максимальной вплоть до кон. V в. до н.э., поскольку многие сооружения этого времени возведены непосредственно на поверхности древнего гумуса (Н.А.Лейпунская).

Сопоставляя результаты этих археологических работ, нелишне вспомнить, что ученые, занимавшиеся периодизацией монетного дела Ольвии V в. до н.э., при попытках установить хронологию ранних ольвийских монетных выпусков сталкивались с труднопреодолимыми противоречиями, а также, что первые ольвийские монеты с названием города относятся к рубежу V-IV вв. до н.э. К V в. до н.э. может быть отнесен только один памятник ольвийской лапидарной эпиграфики (НО,1). К сказанному следует добавить зафиксированный исследователями факт сокращения в нач. V в. до н.э. объема греко-скифской торговли. Интересные результаты дают и наблюдения над ольвийским некрополем. Именно со временем запустения ольвийской периферии и прекращением в самой Ольвии использования земляночных и полуземляночных построек совпадает не только исчезновение богатых погребений, но, по сравнению с предыдущим периодом, сокращается и общее число погребений.

Совокупность этих данных позволяет поставить под сомнение господствующую в настоящее время точку зрения о расцвете Ольвии на протяжении всего V в. до н.э.

Что касается предшествовавшего периода (начало которого отмечено прекращением жизни на поселениях ольвийской хоры и уже упомянутым прекращением функционирования в Ольвии земляночных и полуземляночных сооружений), то он был в истории развития Ольвии несомненно кризисным, и вряд ли у ольвиополитов была тогда возможность окружить городскую территорию оборонительными стенами.

Е.Я.Рогов
(Санкт-Петербург)

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ НА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ХОРЫ ОЛЬВИИ В ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

После редукции сельской территории Ольвии в кон. 1-ой тр. V в. до н.э. первые признаки возрождения аграрных поселений проявляются только в последней четверти этого столетия. Лишь с рубежа V-IV вв. до н.э. начинается новый этап интенсивного освоения сельской округи Ольвии. В течение довольно короткого времени густая цепь поселений вновь покрывает берега Бугского, Днепровского и Березанского лиманов. Территория ольвийской хоры достигает наибольших размеров.

Большинство ольвийских поселений этого времени также привязаны к берегам лиманов. Поселения (кроме временных пастушеских становищ) располагаются на коренных плато берегов, на мысах, образованных балками, отрогами балок, оврагов и коренным берегом. Очевидно, что факторы естественной защищенности (глубокие овраги, балки, перепады рельефа) играли важную роль при выборе места для поселения. Изрезанное побережье предлагало широкий выбор таких мест.

Использование природных рубежей защиты и малая изученность поселений привели исследователей к заключению о том, что сельские поселения ольвийской хоры не имели искусственных рубежей обороны.

Между тем, за последние годы появилось достаточно данных для пересмотра этого устоявшегося мнения. Речь идет о материалах пока только двух поселений - Глубокая пристань и Козырка XII. Последнее из них на протяжении ряда лет исследовала Нижнебугская античная

экспедиция ИИМК РАН; полученные в ходе раскопок этого памятника материалы положены в основу настоящего доклада.

Поселение Козырка XII расположено в 10 км к С от Ольвии, на мысу, образованном разрушающимся коренным берегом Бугского лимана и древней балкой. Восточный склон мыса крутой, обрывистый, высотой ок. 30 м; ЮЗ склон также обрывистый, но, из-за повышения дна балки, менее глубок - высотой 5-20 м.

Поселение занимало всю площадь мыса (ок. 2500 м²), изучалось с 1985 г. (на протяжении 7 лет) и раскопано полностью. На хоре Ольвии это пока единственное поселение, исследованное целиком. Установлено, что существовавшее на мысу еще в эпоху архаики небольшое поселение прекратило свое существование, как и большинство остальных на хоре Ольвии этого времени, в кон. 1-ой тр. V в. до н.э.

После перерыва жизнь на мысу возобновляется в кон. V в до н.э. С этого времени и до кон. 1-ой тр. III в. до н.э. поселение функционировало непрерывно. Для 2-го периода жизни на поселении Козырка XII отчетливо фиксируется два этапа, отражающие характер застройки памятника: первый, продолжавшийся, видимо, до сер. IV в. до н.э., связан со строительством исключительно землянок и полуземлянок; следующий, продолжавшийся до конца жизни поселения, характеризуется застройкой наземными домами на каменных цоколях.

Большая часть остатков жизнедеятельности относится к 1-ой пол. IV в. до н.э. Основное количество землянок, полуземлянок и хозяйственных ям сосредоточено в Ю части мыса, где землянки и полуземлянки располагаются как бы в два ряда по линии СВ-ЮЗ. В С и З частях поселения подобной плотности и регламентации не наблюдается.

Отсутствие жилых и хозяйственных комплексов к С от основного ядра построек связано с наличием в этой части поселения искусственных оборонительных рубежей, защищавших его со стороны степи. Здесь, к В и З от въезда на поселение, ширина которого - до 5 м, последовательно существовало не менее 6 рвов, причем более поздние частично прорезали более ранние. В сечении рвы имели V-образную форму; ширина у дна - 0.4-0.5 м, по верху - 1.5-2.0 м. На востоке рвы были доведены до обрыва коренного берега Бугского лимана, а в западном направлении выведены в древнюю балку.

Наблюдения, сделанные в процессе раскопок, позволяют заключить, что правильнее рвы все же называть траншеями, поскольку они служили котлованами для установки деревянного частокола из бревен: пространство между бревнами и бортами траншеи было тщательно утрамбовано глиной с большим количеством керамических обломков, реже для забутовки использовали камень. Обилие керамики позволяет точно датировать время существования всей оборонительной системы 1-ой пол. IV в. до н.э., то есть, она связана исключительно с 1-ым этапом, когда на поселении существуют землянки и полуземлянки.

По обе стороны от въезда одновременно существовало по две линии частокола, расстояние между которыми было не менее 4-6 м. Недолговечность материала, из которого была построена система, требовала постоянного ремонта, а то и замены всей системы, которая и была проведена не менее трех раз за половину столетия.

Открытие искусственных рубежей обороны на рядовом сельском поселении хоры Ольвии заставляет по иному взглянуть на начало вторичного освоения всего Ольвийского региона в 1-ой пол. IV в. до н.э.

А.Н.Щеглов
(Санкт-Петербург)

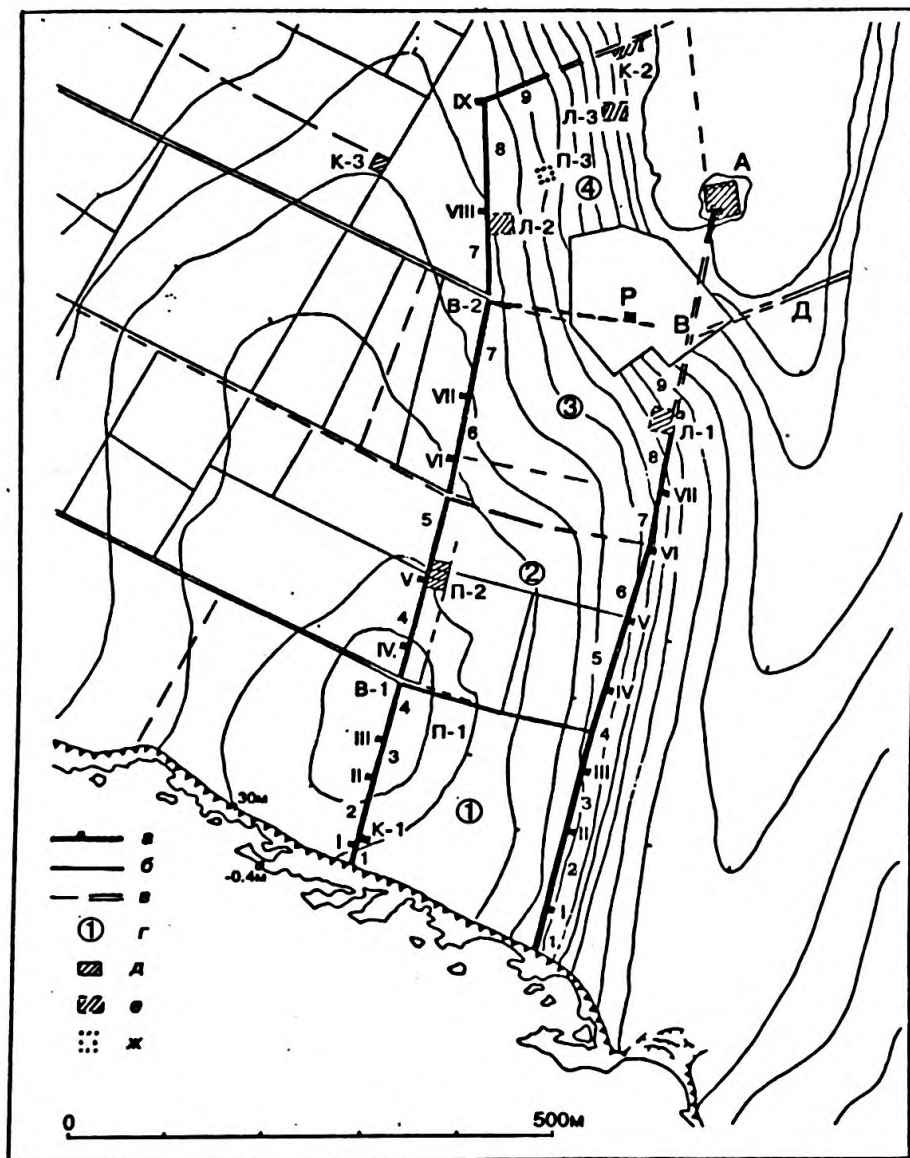
КРЕПОСТНЫЕ СТЕНЫ "СТАРОГО" ХЕРСОНЕСА

Следы древнего укрепления на перешейке Маячного п-ова (ЮЗ оконечность Крыма) давно привлекают внимание в связи с локализацией, определением даты и выяснением характера того пункта, который у Страбона (VII,4,2) обозначен как разрушенный до основания старый (или древний) Херсонес. Крепость, возведенная поперек перешейка и перекрывшая доступ на территорию полуострова, интерпретируется как остатки древнейшего Херсонеса - города, который предшествовал "новому" Херсонесу у Карантинной бухты (А.Л.Бертье-Делагард); как одно из херсонесских укреплений IV-II вв. до н.э., упомянутых в Присяге (Э.Р.Штерн); как городище-убежище для окрестного сельского населения (В.Ф.Гайдукевич); как просто двойная ограда, защищавшая густо населенный полуостров (К.Э.Гриневич). Столь разные точки зрения существуют не только потому, что памятник и, особенно, его фортификация мало изучены. Раскопки башен и небольших отрезков крепостных стен предпринимались трижды: К.К.Косцюшко-Валю-

жиничем в 1890 г., Н.М.Печенкиным в 1911 г. и Р.Х.Лепером в 1914 г. Но материалы их работ, равным образом как и новейших раскопок А.А.Зедгенидзе в кон. 80-х годов, не опубликованы. Поэтому обсуждающиеся в литературе гипотезы вынуждено базируются более на общих соображениях и логике, чем на детально проработанных конкретных исходных данных, которые были получены в результате раскопок.

Предлагаемое сообщение основано на изучении архивных материалов К.К.Косцюшко-Валюжинича, Н.М.Печенкина и Р.Х.Лепера (чертежи, фотографии, рукописи), хранящихся в ИИМК РАН и Херсонесском заповеднике, соответствующих коллекций Херсонесского музея, а также материалов вертикальной аэрофотосъемки, топографических карт и собственных наблюдений на местности. Изучение находок из раскопок Р.Х.Лепера у Казачьей бухты, в северном "портовом" районе городища, позволило выделить группу предметов, которые должны быть отнесены к кон. VI-пер. пол. V вв. до н.э. В состав этого раннего комплекса входят фрагменты так называемой "ионийской" или "полосатой" керамики, коринфского сосуда, а также монета-стрелка - литой медный архаический денежный знак. Несмотря на относительную малочисленность находок, комплекс весьма однороден и представительен. Он позволяет предполагать, что греческое поселение в верховье Казачьей бухты, вероятнее всего, появилось примерно в том же промежутке времени, что и архаическое Херсонесское поселение (по М.И.Золотареву) у Карантинной бухты. Которое из них возникло раньше, сказать пока нельзя. Неизвестно также, было ли архаическое поселение у Казачьей бухты укрепленным. Дошедшие до нас остатки крепостных стен относятся к более позднему времени.

Известно, что крепость на перешейке Маячного п-ова образована двумя параллельными линиями стен - восточной и западной, которые шли поперек перешейка от обрывистого берега моря на юге до вершины Казачьей бухты на севере. Но опубликованные от Н.М.Печенкина (1911) до Ю.М.Сапрыкина (1994) планы являются не более чем условными схемами, не соответствующими реальной топографической ситуации. В настоящее время составлен точный топографический план укрепления с нанесением на него оборонительных сооружений и раскопок. Огражденная стенами территория находилась в самой узкой части перешейка на В склоне, обращенном в сторону Гераклеяского п-ова. Расстояние между линиями стен - 200-210 м.

Более мощная В стена (толщ. 2.75-2.8 м, дл. - ок. 900 м) возведена вдоль бровки З борта Казачьей балки. Мощные квадратные башни поперечником ок. 7 м стояли на расстоянии ок. 60-70 м одна от другой. Единственный въезд в крепость находился в С (пониженной) части, недалеко от вершины бухты. К нему подходила магистральная дорога, соединявшая "старый" Херсонес с Херсонесом. Трасса З стены, обращенной фасадом внутрь Маячного п-ова, проложена по самой высокой части плосковершинного плато. Ее длина до северной фланговой башни IX - ок. 900 м. Толщина куртин 1.6 м. Из 9, расположенных вдоль стены башен, раскопано 5. Они не столь мощны как башни В стены, но близки по размерам. В З стене раскопаны двое ворот, от которых огражденные дороги уходили внутрь полуострова. Блестящий образец строительного искусства дают южные ворота. Их проем (шир. до 3.25 м) был оформлен обращенными внутрь крепости пилонами (дл. 2.2 м, толщ. 1-1.1 м). На месте сохранились каменные подпятники для валов двустворчатых полотнищ. От северной фланговой башни куртина (дл. ок. 200 м) поворачивала к СВ и, пересекая склон, шла к берегу Казачьей бухты.

Типологически кладка стен и башен относится к кон. V-1-ой пол. IV вв. до н.э. Датирующими находками из раскопок возле куртин являются фасосское клеймо гончара 1-ой пол. IV в. до н.э. Клеофана (по Дебидуру) и монеты Византии чеканки между 411 и ок. 387/6 г. (по Шенерт-Гейсс). Они коррелируют с найденными в раскопках внутри крепости фрагментами краснофигурных сосудов кон. V-нач. IV и 1-ой четв. IV в. до н.э., а также синопскими черепичными и амфорными клеймами самых ранних астиномов I-ой группы Б.Н.Гракова. С названными согласуются материалы из раскопанных Н.М.Печенкиным сельских домов, которые позволяют датировать их возникновение не позднее кон. 1-ой-нач. 2-й четв. IV в. до н.э.

Особое внимание следует обратить на то, что в планировке и стеностроительстве использована та система линейных мер, основанная на футе длиной 0.35 м, которая, как показано Г.М.Николаенко, типична именно для Херсонесского полиса. Например: расстояние между линиями крепостных стен составляет 1 стадий (400 локтей, 100 оргий), толщина В стены - 8 футов, а западной - 4.5 фута (3 локтя); план ворот построен на соотношении 3, 6 и 9 футов (2, 4 и 6 локтей).

Ту же систему мер применяли при разбивке дорожной сети и делении земли на стандартные участки внутри полуострова.

Можно утверждать, что возведение крепостных стен на перешейке и межевание территории внутри полуострова по херсонесским стандартам было осуществлено в одно время и по единому плану. При этом, фортификаторы преследовали цель не только перекрыть доступ на полуостров наиболее надежным образом, но и создать внутреннее защищенное со всех сторон пространство. Крепостные сооружения на перешейке представляют примечательный образец греческого фортификационного искусства. Суммарная длина оборонительных стен, оснащенных почти двумя десятками башен, достигала более 2 км. Главная восточная линия обороны превосходила своей мощностью крепостную стену Херсонеса примерно того же времени, отрезок которой был открыт К.Э.Гриневичем. Линия, обращенная внутрь полуострова, соответствовала по толщине стенами Керкинитиды, открытым Л.А.Моисеевым и В.А.Кутайсовым. Хотя крепость была обращена фронтом в сторону Гераклейского п-ова, она была приспособлена для круговой обороны и с достаточными основаниями может рассматриваться как одно из укреплений в составе Херсонесского полиса.

Следует отказаться от общепринятого убеждения, что крепостные сооружения на перешейке перестали существовать в кон. II в. до н.э., скорее всего, в период скифо-херсонесских войн и действий понтийского войска Диофанта. В материалах из раскопок башен и остатков построек внутри укрепления нет находок этого времени. Младшие образцы керамики и керамические клейма из слоя, жилых и хозяйственных помещений, раскрытых Н.М.Печенкиным и Р.Х.Лепером, датируются не позднее 1-й тр. III в. до н.э. Ту же дату дают почти все сельские усадьбы, раскопанные Н.М.Печенкиным на Маячном п-ове, что хорошо согласуется с общей картиной на всех поселениях территории Херсонесского государства в Западном Крыму. Но судьба фортификаций на перешейке, по-видимому, была иной.

В раскопанных К.К.Косцюшко-Валюжиничем и Н.М.Печенкиным башнях Э и В линий дверные проемы были заложены, а в помещениях нижнего яруса кроме керамики и херсонесских монет, обнаружены наконечники стен и ядра для баллист. Причем, в одной башне, метательные камни были сложены кучкой. Результаты раскопок позволяют предполагать, что башни перестали существовать в результате осады,

которая велась как со стороны Гераклеяского п-ова, так и со стороны Маячного п-ова. Похоже, башни стали последними узлами обороны.

Для определения даты разрушения крепости (или, по крайней мере потери ею функций крепости) наиболее важными являются монеты, которые относятся только к IV в. до н.э., а также наблюдения Н.М.Печенкина, что пристроенный к 3 стене у башни V дом 5 (с наиболее поздними материалами 1-ой тр. III в. до н.э.), был сооружен после того, как крепостная стена перестала играть оборонительную роль. Есть и другие косвенные свидетельства, которые вместе с названными позволяют предполагать, что оборонительная система на перешейке Маячного п-ова прекратила свое существование в результате военных действий либо в самом конце IV, либо на рубеже IV-III вв. до н.э. Эти действия предположительно могут быть связаны с той херсонесской политической смутой, которая вызвала появление таких документов, как Присяга и закон об амнистии. Она нашла отражение и в археологических свидетельствах.

Дополнительными свидетельствами сказанному служат зафиксированные старыми раскопками М.Н.Печенкина и новейшими - Ю.М.Сапрыкина следы перестройки усадеб на Маячном п-ове именно на рубеже IV-III вв. до н.э. Эти усадьбы, как и остальные херсонесские поселения разных типов в Северо- и Юго-Западном Крыму, спустя некоторое время (в пределах 1-ой тр. или 1-ой четв. III в. до н.э.) были разрушены или спешно покинуты обитателями в результате опустошительного внешнего вторжения, прокатившегося сокрушительной волной по степям Северного Причерноморья. Но крепость на перешейке Маячного п-ова к этому моменту уже представляла заброшенные и полуразрушенные старые руины. Все изложенное, однако, не только не снимает, но ставит новые вопросы к пониманию памятника, описанного Страбоном как "старый /древний Херсонес, разрушенный до основания".

М.И.Золотарев
(Севастополь)

К ХРОНОЛОГИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЛИНИИ ОБОРОНЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Среди замечательных памятников древностей Северного Причерноморья настоящей жемчужиной являются оборонительные сооружения

античного Херсонеса. После блистательных работ о херсонесской обороне А.Л.Бертье-Делагарда, к различным вопросам стеностроительства обращались К.Э.Гриневич, А.Л.Якобсон, С.Ф.Стржелецкий, И.А.Антонова. В докладе мы коснемся только одного участка оборонительной системы херсонесской крепости - юго-восточного фланга.

В последние годы при исследовании большого общественного здания (т.н. "казарма") нами был открыт отрезок хорошо сохранившейся древнейшей оборонительной стены, возведенной (по нашему мнению) в кон. V-нач. IV вв. до н.э. Вместе со стеной открыты фундаменты, которые мы предположительно атрибутируем как остатки левого пилона городских ворот, соответствующих этой древнейшей линии обороны. Внутри пилона была устроена цистерна для хранения воды.

Открытие новой оборонительной стены позволяет сделать предварительные выводы относительно хронологии оборонительного строительства в Портовой части Херсонеса в кон. V-IV вв. до н.э. Первоначальная оборонительная стена возведена на рубеже V-IV вв. до н.э. При этом городские ворота с устроенной в левом пилоне цистерной для хранения стратегического запаса воды находились в ЮВ части будущей "казармы". В 1-ой пол. IV в. до н.э. (вероятно, ближе к середине столетия) сооружается новая линия оборонительных стен (т.н. "стена Гриневича") и, возможно, возникает большое общественное здание (т.н. "казарма"). При этом сохранившиеся участки древнейшей оборонительной стены предшествующего периода частично использованы в новой постройке. И, наконец, хрестоматийно известная оборонительная стена с городскими воротами, открытая здесь еще К.К.Косцюшко-Валюжиничем, относится к заключительному этапу стеностроительства в первом столетии жизни этой Гераклейской колонии в Таврике, приходящемуся на посл. тр. IV в. до н.э.

А.С.Голенцов
(Санкт-Петербург)

ФОРТИФИКАЦИИ ГОРОДИЩА КУЛЬЧУК

Кульчукское городище расположено на обрывистом берегу Черного моря в 2 км к Ю от с. Громово Черноморского р-на Крыма. В результате абразии южная его часть погибла. Ныне площадь

поселения, одного из крупнейших в Северо-Западном Крыму, равна 1,4 га.

В 1929 г. Л.А.Моисеев открыл на Кульчуке развал греческой оборонительной стены. В 1933-34 гг., составляя археологическую карту СЗ Крыма, П.Н.Шульц описал памятник. Исследователь отмечал, что, в отличие от других поселений, Кульчук "имеет двойную внутреннюю и внешнюю линию обороны в виде каменных валов". Позднее памятник обследовали А.Н.Щеглов, О.Д.Дашевская и автор. С 1989 г. под руководством последнего ведутся планомерные охранные раскопки городища и могильника. За пять полевых сезонов вскрыто ок. 1000 м² (мощность слоя 1.2-3.8 м). Установлено, что Кульчук является греко-скифским городищем. Наиболее ранние материалы относятся к сер.-3-й четв. IV в. до н.э., наиболее поздние - к I в. н.э.

На раннем этапе существования поселение представляло собой блок укрепленных усадеб. Греческие фортификации представлены остатками двух укрепленных усадеб. На ЮЗ склоне вскрыта башня 2. Ее СЗ часть уничтожена абразией берега. Башня квадратная, длина стен 9.5 м, толщина 1.1 м. Кладки сложены по двуслойной двулицевой системе из прямоугольных плотно притесанных плит. На некоторых сохранились русты, фаски, риски каменотесов. Из трех помещений исследовано одно; выявить полную планировку усадьбы 2 не удалось из-за перекрывающих ее скифских строительных остатков. При зачистке пола башни найден керамический материал (в том числе клейма на ручках амфор) 3-й четв. IV-нач. III вв. до н.э.

После разрушения усадьбы 2, греки использовали камень для постройки однобашенной усадьбы 1 в центральной части городища. Эта усадьба возникла в 1-ой четв. III в. до н.э. и просуществовала до захвата поселения скифами в 1-ой пол. II в. до н.э. Реконструируемые размеры усадьбы - 34x23 м. Башня расположена в СЗ углу. Раскрыта ее восточная стена, в кладке которой обнаружены квадры с пиронами, рустами и фасками; длина стены 10.1 м, ширина 2 м.

В связи с угрозой нападения скифов ок. сер. III в. до н.э., к башне пристроен пирамидальный противотаранный пояс, выложенный из огромных, грубо обработанных камней, сохранившийся на высоту 1.8 м.

Раскоп Л.А.Моисеева, заплывший до современной поверхности, локализуется в СЗ части городища. Вскрытый им небольшой участок оборонительной стены может относиться к усадьбе 3.

На городище у ЮВ угла усадьбы 1 обнаружены следы скифских фортификаций - вал и ров, облицованные камнем. Внешняя сторона рва не имела каменной облицовки. По периметру оборонительных греческих стен скифы построили дополнительную стену в один ряд. Образовавшееся пространство было забутовано землей с камнями. На получившуюся стену (толщ. до 2.5 м) опирался вал. Скифское укрепление на Кульчуке появилось на рубеж. II-I вв. до н.э. после походов Диофанта и просуществовало не более столетия.

Исследования городища Кульчук показывают, что различия между греческим и позднескифским градостроительством особенно ярко проявляются в фортификациях.

**В.А.Кутайсов
(Симферополь)**

ФОРТИФИКАЦИЯ ХЕРСОНЕССКОЙ ПЕРИФЕРИИ

Выбор вынесенной в заглавие тематики вряд ли случаен уже в силу того, что освоение Херсонесом СЗ побережья Таврики - независимо от того, как оно протекало - носило характер военной колонизации, типа афинской клерухии. Сами оборонительные сооружения интересующего нас региона, как наиболее впечатляющие и выразительные памятники, являются объектом пристального внимания в процессе археологических раскопок. Тем не менее, ныне мы неизбежно сталкиваемся с отсутствием, за редким исключением, подробных публикаций элементов фортификационной архитектуры, со слабым отражением инженерно-строительных аспектов их изучения.

С сер. IV в. до н.э. все это побережье Крыма было покрыто сетью укрепленных или открытых поселений; в настоящее время их известно ок. 80. Среди такого количества памятников с фортификационной точки зрения можно выделить четыре типа: I - малые города; II - крепости, контролирующие отдельные территории, своего рода локальные центры небольших сельскохозяйственных округов; III - отдельно стоящие укрепленные усадьбы; IV - куст нескольких укрепленных усадеб, обнесенных единой оборонительной оградой. А priori можно предполагать существование тут укрепленных маяков, большая часть которых, по всей видимости, безвозвратно погибла в процессе прогресси-

рующей абразии берегов. Роль таковых несомненно выполняли также и крепостные башни.

Все оборонительные сооружения распадаются на 2 хронологические группы: памятники V-нач. IV и IV-II вв. до н.э. Первые из них связаны с ионийской колонизацией побережья, вторые - с территориальной экспансией Херсонеса. Для крепостных строений нижнего горизонта Керкинитиды и укрепления у Ярылгачской бухты характерны относительно скромные (чуть более 1 м толщиной) сырцовые стены на каменных цоколях, без достаточно глубокого фундамента или вообще без такового. И, напротив, херсонесские фортификационные объекты в сравнении с ними очень массивны, имеют большой запас прочности и рассчитаны на значительно большую, по сравнению с реальной, нагрузку. Бесспорно, эти различия отчасти объясняются хронологией памятников и определяются происшедшими на рубеже V-IV вв. до н.э. изменениями самой структуры оборонительных сооружений в связи с усовершенствованием осадной техники и достижениями военной тактики. Представляется, что здесь мы наглядно сталкиваемся с проявлением двух строительных традиций - более ранней, ионийской и, привнесенной позже, дорийской. Естественно, более многочисленный херсонесский поток переселенцев отчасти ассимилировал более мелкие группы колонистов. Но там, где последние проживали компактно, продолжали сохраняться укоренившиеся строительные навыки. Вспомним, к примеру, насколько разнятся по своей капитальности синхронные башни и стены на западной оборонительной линии Керкинитиды и аналогичные сооружения Калос-Лимена и других памятников.

В заключение отметим, что, несмотря на размах фортификационных работ, херсонесская хора не имела линейной обороны: типа римского лимеса или системы обороны Боспорского царства, где целые аграрные области обносили валами и рвами. В Северо-Западном Крыму безраздельно господствовали локальные системы обороны. Однако, сплошная цепочка разнохарактерных синхронных поселений, покрывающих все побережье, могла обеспечить решение общей стратегической задачи: все вместе взятые они рассредоточивали внимание и распыляли силы неприятеля, который должен был учитывать также и активную деятельность военного флота.

О ХАРАКТЕРЕ ФОРТИФИКАЦИЙ СЕЛЬСКИХ УСАДЕБ
ХЕРСОНЕСА НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ
В IV-II ВВ. ДО Н.Э.

На современном этапе изучения памятников ближней хоры Херсонеса на Гераклейском п-ове для IV-II вв. до н.э. удастся выделить несколько этапов их существования. На каждом из этапов характер укреплений усадеб специфичен.

I этап существования Херсонесской хоры (2-3-я четв. IV в. до н.э.) связан с укреплением на перешейке Маячного п-ова. Многобашенное укрепление, перегораживавшее перешеек полуострова, дополняемое выгодным для обороны рельефом местности надежно защищало Маячный п-ов от нападения, что определило характер памятников в этом районе. Все усадьбы Маячного п-ова на I этапе своего существования (IV-нач. III вв. до н.э.) имели неукрепленный характер. В архитектурном ансамбле памятников отсутствовал такой обычный для аграрной архитектуры Херсонеса элемент как башня. Башни на части усадеб Маячного п-ова появляются только с кон. III в. до н.э.

II этап функционирования ближней хоры Херсонеса (с посл. четв. IV в. до н.э.) характеризуется размежеванием основной площади Гераклейского п-ова на стандартные наделы (ок. 26 га) и строительством на них усадеб. Обязательным элементом этих усадеб (за редчайшим исключением) была многоярусная башня из рустованных блоков. По-видимому, основной функцией башни была функция убежища для обитателей усадьбы на случай неожиданного нападения неприятеля.

Варварская экспансия против Херсонеса (кон. 1-ой четв.-1-ой тр. III в. до н.э.) показала неэффективность фортификационных сооружений херсонесской хоры. Поселения и отдельные усадьбы дальней хоры Херсонеса в СЗ Крыму (аналогичные по архитектуре усадьбам Гераклейского п-ова), первыми испытавшие натиск скифов, погибли в огне пожаров. По-видимому, события на дальней аграрной периферии Херсонесского государства вынудили население ближней округи полиса оставить свои усадьбы. Рустованные блоки из кладок башен и других сооружений усадеб Гераклейского п-ова использовали для укрепления куртин и башен Херсонесской крепости.

III этап (ок. нач. посл. тр. III-2-ое десятилетие II вв. до н.э.) характеризуется строительством на Гераклейском п-ове новых усадеб (как правило, на местах прежних). Техника кладок стен усадебных построек претерпевает большие изменения. Вместо рустованных блоков используются крупные, грубо обработанные камни. Вновь построенные башни на всех усадьбах укреплены дополнительными поясами, как правило, из очень крупных камней. Толщина стен башен (с поясами) в основании - до 3 м. С двух сторон (по фасаду усадьбы) пояса башен имели пирамидальную форму. Вероятно, справедлива точка зрения, согласно которой строительство столь монументальных сооружений явилось реакцией херсонеситов на появление у скифов осадной техники. Тем не менее, в пределах 2-ого десятилетия II в. до н.э. усадьбы Гераклейского п-ова прекратили существование. Вопрос о причине их гибели остается открытым.

IV этап (сер.-2-ая пол. II в. до н.э.) выделен предположительно. Возможно, в это время на Гераклейском п-ове, на месте прежних усадеб, возникло несколько небольших хорошо укрепленных крепостей (комплексы в балке Бермана и на наделе 150).

И.А.Антонова, А.А.Няконов
(Севастополь, Москва)

СЛЕДЫ СЕЙСМИЧЕСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ХЕРСОНЕСА

Авторы поставили задачу выявить следы именно сейсмических воздействий на оборонительные сооружения. В отличие от прошлого, когда такую задачу даже не ставили, ныне имеются необходимые предпосылки для ее решения: 1) Гераклейский п-ов относится к районам возможных землетрясений высокой балльности и энергии; 2) разработанная одним из авторов методика позволяет среди повреждений выделять те, что порождены сильными землетрясениями.

Для выявления сильных землетрясений прошлого в Херсонесе применены следующие подходы: 1) анализ археологических данных совокупно с косвенными письменными указаниями; 2) метод аналогий с памятниками, воздействие на которые конкретных землетрясений зафиксировано историческими описаниями (стены Константинополя); 3) актуалистический подход, а именно систематизация характера и

степени воздействия на фортификационные сооружения Крыма землетрясений разной балльности за последние 150 лет; 4) привлечение к рассмотрению данных по гражданским сооружениям как в самом Херсонесе, так и в близких сельских поселениях.

В докладе приводятся и анализируются известные и заново вводимые в оборот сведения о событиях кон. V, XI и сер. XVII вв. н.э. Совместный анализ данных и рассмотрение возможных в каждом случае вариантов привели авторов к отклонению других вариантов объяснения фактов, кроме признания сильных землетрясений в указанное время в Херсонесе и на Гераклеяском п-ове.

Датировки событий основываются на независимо полученных археологических свидетельствах и радиоуглеродных определениях.

Конкретные следы сейсмических повреждений в интервале между I-м вв. н.э. и VI в. на башне Зенона, также как следы перестроек стен и базилик и разрушение города в V-VI вв. согласуются со сведениями известной Херсонесской надписи о восстановлении стен. И все это вместе находит объяснение именно в местном разрушительном землетрясении около 487 г.

Разрушение, пожар, внезапный упадок города, соотносимые ранее с завоеванием его князем Владимиром в конце X в., ныне датируются XI в., в согласии со следами разрушений в окрестных сельских поселениях. Объяснение всей совокупности данных разрушительным землетрясением представляется наиболее приемлемым.

Наконец, очень сильное землетрясение сер. XVII в., когда Херсонес уже был заброшен, должно было сильно повредить его стены, как это отчетливо устанавливается на позднесредневековых стенах близлежащих крепостей Каламита и Чембало. Все указанные землетрясения имели разрушительную силу, в отличие от землетрясений XIX-XX вв., которые на Гераклеяском п-ове не превышали 7 баллов и практически не затронули древние оборонительные сооружения.

Новая интерпретация открывает путь как к переосмыслению важных периодов истории Херсонеса и округи, так и к серьезному уточнению сейсмической истории и опасности региона.

АНТИЧНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Территория СЗ побережья Крымского п-ова была занята поздними скифами к сер.-2-ой пол. II в. до н.э. после вытеснения отсюда херсонеситов. На протяжении двух столетий здесь существовало не менее 11 скифских укрепленных поселений.

Крепость Калос-Лимена (ок. 3 га) - важнейшего города херсонеситов на С оконечности хоры, с фронтально-фланговой системой главной линии обороны и цитадели, с мощными стенами и башнями, возведенными из обработанного известняка-ракушечника, перешла в руки скифов. Наиболее значительное укрепление в новом анклаве Крымской Скифии являлось одним из лучших образцов херсонесского военного зодчества (Кутайсов, Уженцев 1994). Несмотря на позднейшие перестройки, этот объект оставался крепостью, созданной с учетом достижений позднеклассической и эллинистической полиоркеттики.

Иной тип укрепления - городище Тарпанчи (Щеглов 1978) - небольшое (0.15 га), с фронтально-фланговым способом обороны, построенное во 2-ой пол. II в. до н.э., сооружено и усилено в традициях сложившихся в это время в Крымской Скифии под прямым влиянием военно-инженерного дела Боспора и Херсонеса. Крепость обладала достаточно эффективной системой обороны, однако, заметно уступала греческим аналогам из-за низких качеств бутовых стен с иррегулярной кладкой, возведенных без фундаментов на слабом растворе.

Более оригинально скифское городище Чайка. Это в достаточной степени импровизированное укрепление (0.7-0.8 га ?) в основном с фронтальным способом обороны, состояло из кварталов-блоков, внешние стены которых образовывали оборонительный периметр. Подобный способ защиты населенных пунктов был изложен Платоном, а на Боспоре применен жителями Тиритаки еще в V в. до н.э. Однако, в нашем случае этот принцип заимствован, скорее всего, у херсонеситов, построивших на хоре такие укрепленные поселения как Маслины и Беяус, представлявшие собой блоки из нескольких усадеб. Интересно, что оборонительные сооружения херсонесского Беяуса скифы использовали без перестройки вплоть до I в. до н.э.

Однако, основным типом позднескифских укреплений здесь стали небольшие городища (менее 1 га) с фронтальным способом обороны - Кульчукское, Южно-Донузлавское, скифский Беляус, системы обороны которых были созданы во II-I вв. до н.э. достаточно простым способом. Вокруг занятых скифами херсонесских поселений сооружали трапцевидный ров, а вал присыпали к внешним стенам усадеб. Структура не предусматривала бермы, крутой эскарп непосредственно переходил в столь же крутой откос вала. Для предотвращения разрушения участок полностью облицовывали камнем. На валу возводили парапеты или стены из бутового камня. Укрепления этого типа О.Д. Дашевская (1990) охарактеризовала как особый вариант позднескифской фортификации. Однако, общее решение вряд ли является скифским. Скорее всего, идея восходит к приему обваловки поселений, широко распространенному на Европейском Боспоре в IV-III вв. до н.э. Он применялся и на хоре Херсонеса (поселение Вилино, усадьба в бухте Ветреная).

Итак, основные принципы создания системы обороны позднескифских поселений СЗ Крыма были либо собственно херсонесскими (Калос-Лимен), либо базировались на решениях уже апробированных в военно-инженерном деле.

С.Б. Буйских
(Киев)

АНТИЧНАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Ни один из этапов, которые прошли в истории своего развития античные государства Северного Причерноморья, не отмечен таким осложнением военно-политической ситуации, как рубеж и 1-ые вв. н.э. Этот период характеризуется значительно возросшей военной экспансией сарматских племен, обострением взаимоотношений Ольвии, Боспора и Херсонеса с другими варварскими племенами; активным военным вмешательством в дела Северного Причерноморья Рима, а позднее - нашествием готских и гуннских племен.

Все это побуждало северопонтийские государства к проведению крупных оборонительных мероприятий, в том числе и фортификационных. В силу этого военно-инженерное искусство античных государств Северного Причерноморья в 1-ые вв. н.э. получило значительное развитие. Его основу составили выработанные ранее позднеэллинистичес-

кие традиции, а также новые принципы планировочных и конструктивных решений в устройстве оборонительных сооружений, принадлежавших провинциально-римской военно-инженерной школе.

Современный анализ реальных остатков крепостного зодчества Тира, Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства 1-ых вв. н.э. позволяет отнести к первым планировочные схемы куртин и квадратных башен, казематированные конструкции, приспособленные для размещения метательных машин, конструктивный тип крепостной стены со средним слоем из бута на глинистом растворе (между панцирями), сырцово-кирпичные конструкции, протейхизмы и противотаранные пояса.

Ко вторым можно отнести вытянутые прямоугольные и полукруглые башни, тип крепостной стены с утрамбованной глиной между панцирями, применение известкового раствора, конфигурацию и размеры земляных укреплений, сочетание в городских укреплениях рвов и стен, применение аркообразных конструкций, принципы устройства ворот, вылазные калитки, редкие тактические приемы, применение типа римского кастелля и ряд более общих конструктивных и объемных решений фортификационных систем.

Помимо значительного прогресса в фортификационной технике, выразившегося в применении новых конструкций и материалов, расширении номенклатурного набора фортификационных элементов, в наиболее рациональном выборе формы плана для крепостей разных типов, расцвет оборонительного зодчества античных государств Северного Причерноморья ярко отразился в воплощении самой идеи использования фортификационных комплексов или систем в целях обороны.

В городах это привело к созданию внутри территории, окруженной обводными крепостными стенами, автономных от них, имеющих мощные укрепления, тактически самостоятельных узлов долговременной обороны - цитаделей, что потребовало коренной реконструкции всей системы городской обороны крепостей предшествующего времени.

На сельских территориях античных государств северопонтийского побережья, для которых в это время отмечен уже сам факт значительного расширения фортификационного строительства, получают повсеместное распространение стратегические системы обороны. Они включали в себя протяженные заградительные валы и сеть взаимосвязанных укрепленных пунктов различных типов, что особенно хорошо прослеживается на материалах Ольвии и Боспора.

Несмотря на то, что региональные фортификационные школы (ольвийская, херсонесская, боспорская) имели между собой ряд отличий, связанных со спецификой местных условий, в целом их развитие полностью шло в общем русле сугубо античных (средиземноморских и северопафийских) традиций, не испытав каких-либо существенных варварских влияний. Вместе с тем хорошо фиксируется обратный процесс - глубокое влияние античной военно-инженерной практики и ее основополагающих принципов на оборонительное зодчество варварского населения Северного Причерноморья.

В целом, анализ основных составляющих северопричерноморской фортификации I-ых вв. н.э. позволяет заключить, что она полностью отвечала требованиям своего времени и являлась своеобразной, но несомненной и, по ряду показателей, передовой частью античного военно-инженерного искусства. Наиболее важные достижения античной фортификации Северного Причерноморья были восприняты другими племенами и "народами", его населявшими, и получили свое дальнейшее развитие в позднеантичную и раннесредневековую эпохи.

В.А.Горончаровский
(Санкт-Петербург)

КРЕПОСТЬ ИЛУРАТ В СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА В I-III ВВ. Н.Э.

В I в. н.э., когда Боспор, войдя в сферу влияния Римской империи, переживает новый расцвет, на западной границе государства проводилась продуманная программа фортификационных мероприятий. Она была направлена на усиление позиций Боспора в войнах с поздними скифами. Первой линией обороны служил Узунларский вал с передовым рвом, протянувшийся от Азовского до Черного моря на расстояние ок. 30 км. К В от него, создавая своеобразный второй эшелон обороны, укрепляются города и поселения, расположенные в зоне прямой видимости друг от друга, что обеспечивало тактическую поддержку и, очевидно, связь с помощью световой и дымовой сигнализации. Наиболее важную роль среди них играла мощная крепость Илурад на подступах к столице Боспора - Пантикапею.

Многолетние раскопки Илурата позволили выявить основные элементы фортификации и этапы строительства этой боспорской крепости

I-III вв. н.э. Постройка здесь первых оборонительных сооружений относится ко времени ок. сер. I в. н.э. От них сохранились только основание башни размерами 4.4x2.8 м и участок стены с рустованной кладкой, вскрытые на северо-восточном склоне городища. В данном случае стена была вынесена вниз по склону таким образом, что после нивелировки строительным мусором перепад уровня основания башни и вымосткой более позднего жилого комплекса III в. н.э., расположенного выше, составил 3.5 м. Согласно правилам античной фортификации башня и стена возведены на подтесанной скальной поверхности из крупных, хорошо обработанных квадров известняка со следами распилов и отески. Кладка по фасаду уступчатая, без применения связующего раствора. На участке оборонительной стены при толщине 2.4 м она имеет трехчастную структуру: два панциря, в которых блоки уложены рваной поверхностью внутрь, и забутовка из грубо обколотых камней между ними. Прочность подобной кладки достигалась как за счет собственной тяжести, так и за счет деревянных балок, уложенных на всю ширину стены в специальные вырубы. Сходные строительные приемы отмечены в кладке потайного колодца, сооруженного у подножия СВ склона городища. Он соединялся с крепостью подземным ходом, что было совершенно необходимо для снабжения укрепления водой в случае осады. Последнее, скорее всего, просуществовало недолго и подверглось разрушению где-то на рубеже I-II вв. н.э.

Восстановление и перестройка крепости проводятся во 2-ой четв. II в. н.э. (фрагментированная строительная надпись). При этом нижние ряды кладки ранней СВ оборонительной стены надстраивают в совершенно другой технике из грубо обколотых крупных блоков известняка.

Третий строительный период падает на кон. II в. н.э., когда Савромат II предпринимает энергичные меры по укреплению границ государства. Происходит коренная перестройка всей территории Илурата. Дополнительно усилены наиболее уязвимые напольные линии обороны. Толщина ЮЗ стены достигает в основании 8.2 м - с внешней стороны пристроен слегка наклонный противотаранный пояс, дополненный рвом, выдолбленным в скале на глубину до 1.5 м. Здесь же сохранились ворота (камера-шлюз дл. 10.2 м и шир. ок. 4 м).

Заключительным этапом развития фортификационной системы Илурата явилось возведение в 1-ой пол. III в. н.э. протейхизмы на пологой террасе за пределами СЗ оборонительной стены, отстоящей от

нее на 30 м. Место для постройки было выбрано чрезвычайно удачно. Как указывает Филон Византийский, "система "двойных стен" пригодна тогда, когда город, в котором надлежит возвести укрепления, имеет выступающие вперед и отступающие назад части" (Philon XI). Два рубежа обороны связывала калитка, расположенная приблизительно посередине СЗ стены.

К настоящему времени на линии протейхизмы обнаружено основание башни (6х6 м), которая фланкировала проход через передовые укрепления, очевидно, также запиравшийся калиткой. Так как ниже по склону открыты два жилых дома III в. н.э., общая длина этого прохода с лестницей из девяти ступеней составляет 19 м. Узкий коридорообразный вход в один из домов был заложен несколькими крупными квадратами известняка, по-видимому, в момент военной опасности. Скорее всего, это связано с событиями периода готских походов, когда между 267 и 275 гг. н.э. крепость прекращает свое существование.

**В.М.Зубарь
(Киев)**

ПО ПОВОДУ ВОПРОСА О ТАВРИЧЕСКОМ ЛИМЕСЕ

С.Б.Буйских в своих работах указывал, что уже в коню I в. до н.э. -нач. I в. н.э. вокруг Ольвии создается единая оборонительная система, которая позволяет говорить если не о самостоятельном лимесе, призванном обеспечить прикрытие Дунайской границы Римской империи, то о его составной части, относившейся к Таврическому лимесу (1989:66; 1991:108-117). Иными словами, С.Б.Буйских вернулся к выводам М.И.Ростовцева и В.Н.Дьякова о существовании специального Таврического лимеса, подобно Дунайскому, Сирийскому, Британскому и др. Он пишет о том, что "тезис М.И.Ростовцева о Таврическом лимесе, несмотря на свою давность и отчасти теоретический характер, в настоящее время получает свое конкретное воплощение" (1989:67).

Не умаляя ни в коей мере заслуг М.И.Ростовцева и В.Н.Дьякова в деле изучения римских древностей Северного Причерноморья и Таврики в частности, все же нельзя согласиться с выводом С.Б.Буйских о существовании особого Таврического лимеса. Скорее наоборот, еще в 60-70-х гг. было убедительно доказано, что предположение М.И.Ростовцева и В.Н.Дьякова о Таврическом лимесе не подтвердилось (Кадеев

1981:30-31). Кроме того, нельзя признать корректной атрибуцию системы городищ в Нижнем Побужье и Таврике в качестве лимеса. Лимес - это укрепленная линия, сооруженная именно на границе Римской империи, которая представляла собой систему пограничных укреплений, с помощью которых охранялась территория государства. Следовательно, для того, чтобы говорить о существовании специального Таврического лимеса, видимо, по меньшей мере, нужно сначала доказать, что Таврика и территория Ольвийского государства являлись составной частью Римской империи, так как именно исходя из этого М.И.Ростоццев и В.Н.Дьяков употребляли термин лимес, полагая, что Рим оккупировал Таврику и она являлась составной частью империи. Однако, в настоящее время с этим согласиться нельзя, так как греческие государства Северного Причерноморья находились вне официальных границ империи и по своему статусу были союзными Риму государствами. В связи с этим, Херсонесу в правление Антонина Пия были дарованы права элевтерии, а Ольвии, видимо, при Септимиусе Севере - автономии.

Правда, размещение в Таврике римских войск, с помощью которых контролировалось не только побережье, но и значительные территории в ЮЗ Крыму, позволяет говорить об использовании здесь типично римских приемов военной организации, хорошо известных на территории Римской империи. Однако в данном случае римские войска защищали не границы империи, а лишь подступы к ней. Поэтому говорить о наличии в Северном Причерноморье Таврического лимеса в настоящее время нет оснований, так как римские войска в Таврике охраняли территорию фактически дружественной империи Херсонесского государства, а также морские коммуникации вдоль побережья Таврики.

А.А.Филиппенко
(Севастополь)

ОРГАНИЗАЦИЯ РИМСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ ХЕРСОНЕСА

Открытия последних лет дали новые памятники, связанные с пребыванием римских войск в окрестностях Херсонеса. В результате их исследования удалось в общих чертах проследить организацию

системы обороны вокруг города в 1-ые вв. н.э. Главной базой римских войск в Таврике был Херсонес. Здесь находился штаб и стояли части римского военного флота. Для защиты Херсонеса римляне создали на его подступах систему фортификационных сооружений: крупные пункты, небольшие крепости, сторожевые посты и заградительные стены. Эта система была организована с учетом рельефа местности, по краю Гераклейского полуострова и имела черты классического римского лимеса.

На м.Ай-Тодор находилась значительная крепость римлян (Харакс?), соединенная дорогой с Херсонесом. Между ними, в верховье Балаклавской бухты, существовал еще один крупный пункт стоянки римских войск, а бухту использовали для базирования военного флота. Этот крупный пункт, видимо, можно отождествить с Таврорум цивитас Плакиа Плиния Старшего, известного из эпиграфических источников.

К Херсонесу подходили две главные дорожные магистрали. Одна - со стороны Балаклавской бухты, а другая - из Инкерманской долины. Оба пути поднимались с разных сторон на кромку плато Гераклейского п-ова и затем, слившись в один, шли к Херсонесу. Контроль над первым проходом осуществляло укрепление на высоте Безымянной (10-й км Ялтинского шоссе). Укрепление 40х40 м с каменными стенами и фланкирующими выступами (башнями) по углам, окруженное рвом, относится к разряду небольших римских крепостей типа каструм. Второй проход контролировали посредством небольшого поста, занимавшего вершину высоты Казацкой. Сам проход был перегорожен стеной, отмеченной в 1925 г. Л.Н.Соловьевым. Им же на соседней высоте Суздальской обнаружены развалы строения, напоминающие остатки аналогичного поста. Эти два поста, расположенные друг от друга на расстоянии приблизительно равном римской миле, надежно контролировали и защищали дорогу, поднимавшуюся между ними на плато полуострова.

Во II - сер. III вв. н.э. римские войска на полуострове строят дороги и водопроводы, возводят разветвленную систему оборонительных сооружений. Вдоль дорог строятся сторожевые посты, бюро бенефициариев, служба которых замыкалась на более крупные пункты. Организация римской обороны вокруг Херсонеса отражает лучшие черты римского провинциального фортификационного строительства и содержит элементы классического лимеса.

**СЛЕДЫ ПЕРЕПРАВЫ ИМПЕРАТОРА ВАЛЕНТА ЧЕРЕЗ ДУНАЙ В
369 Г.(?).**

Переправа через Дунай в его нижнем течении всегда была не легкой задачей - широкая река со стремительным течением, обширная, покрытая плавнями заболоченная пойма. Более или менее подходящих участков сравнительно немного. Один из них находился в районе древнего Новиедунума (совр.Исакча в Румынии). На противоположном берегу, в 2-3 км выше по течению располагается с.Орловка (Картал), возле которого Р.Д.Бондарь в течение многих лет ведет раскопки римской крепости, прикрывавшей, очевидно, подступы к переправе.

В 8 км к В находится с.Новосельское, отстоящее от русла реки на 6 км. Плавни между Орловкой и Новосельским ныне культивированы - устроен ряд дамб и чеки используют для разведения рыбы. Участок напротив с.Новосельского тоже может служить местом переправы. Во всяком случае, в 1828 г. именно здесь форсировали Дунай войска Николая I, о чем свидетельствует установленный здесь памятник.

В 1987 г. В.М.Кожокару на участке к Ю от дамбы, отделявшей чеки рыбхоза от пограничной полосы Дуная, обнаружил следы каменной вымостки, напоминающей дорогу. В 1988 г. (совместно с А.В.Гудковой) здесь произведены небольшие раскопки - расчищен участок вымостки. Среди камней найдены фрагменты амфор римского времени (Гудкова 1989; Кожокару, Новицкий 1990). Из урочища Картал происходит также обломок каменной плиты с латинской надписью (Карышковский, Кожокару 1992).

В 1993 г. вода одной из чек рыбхоза к югу от с.Новосельского была спущена и В.М.Кожокару заметил на освобожденном от воды участке продолжение каменной вымостки, ведущей в СВ направлении - к бывшему пионерлагерю и базе охотничьего хозяйства, расположенных на коренном берегу в 4.5 км к югу от села.

В августе 1993 г. работами Славяно-Сарматской экспедиции Эрмитажа и Одесского охранный археологического Центра было произведено обследование этого участка. Трасса дороги отчетливо прослеживалась по растительности и подъемному материалу. Выявлено 6 участ-

ков дороги общей протяженностью ок. 800 м. Сделана топографическая съемка местности и на одном из участков - стратиграфический разрез.

Последний позволил установить последовательность сооружения насыпи этой, очевидно временной, дороги. Она проходила по урезу берега водоема, забросанного на ширину в 8 м строительным мусором - обломками камней, в том числе обработанных, черепицы и, что особенно важно, плинфы. Из более мелких фракций тех же материалов сооружена и верхняя вымостка дороги на две колеи с расстоянием в 1.6 м между ними (Щукин, Бейлекчи 1994). Среди находок мелкие выщербленные фрагменты амфор с двустольными ручками, вероятно, из строительного мусора, и обломки ручки красноглиняной амфоры IV в.

Как известно из свидетельств Аммиана Марцелина, Валент, совершая карательный рейд против вестготов Атанариха в 369 г., переправился через Дунай в районе Новиедунума. Фрагмент красноглиняной амфоры и обломки плинфы, получившей распространение именно в IV в., свидетельствуют, что событие могло иметь место в то же время. Остатков более поздних периодов - средневекового или эпохи Николая I, не выявлено ни раскопками, ни поверхностными сборами.

Таким образом, если наше предположение верно, угадывается тактический замысел Валента. Он не воспользовался традиционным путем на Орловку (сама крепость, разрушенная в середине III в., уже не существовала), а переправился несколькими километрами ниже по Дунаю, проложив через плавни временную дорогу, выводящую на коренной берег к Ю от с. Новосельского, обойдя тем самым силы поджидавшего его на традиционной переправе противника.

P. Dyczek
(Warsaw)

FORTIFICATIONS OF THE LEGIONARY FORTRESS AT NOVAE - MOESIA INFERIOR

In my paper I want to present relations between different defence constructions at Novae, and military and political reasons of its change.

Novae - was the roman fortress situated on the southern most point along body of Danube. The place was very important from strategically point of view, because relatively easy pass by river. In the first stage

fortress was constructed of timber and earth. Earth vellum, surrounded it. Tower were made of timber, the row of fossaw were dug for making defence stronger. Likely the most of military buildings in fortress were constructed of wood - only principia and termae legionis were built of stone.

When Dacian Wars of emperor Trajan started, the military position of Novae became more important. We knew that Trajan visited Novae - we can see that on the one of "metope" of the Trajan Column. Military activity on the end of the First century A.D., produced that fortress was rebuilt in stone. New constructions were made of stone and mortar, and replaced timber ones. Architects which planned this new fortifications, however, have taken into considerations new kind of fighting system applied by tribes.

In the later times - Justynlan - were taken up new works for accommodate defence constructions to the new military situation.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

А.В.Белый
(Бахчисарай)

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДИЩА КЫЗ-КЕРМЕН

Городище Кыз-Кермен расположено в 2 км к С от с.Машино Бахчисарайского р-на, на плато скалистого горного отрога Внутренней Крымской гряды, господствующего над долиной р.Качи. В наиболее узком месте была сооружена оборонительная стена, пересекающая его от западных до восточных обрывов. На протяжении 130 м раскрыта вся линия обороны мыса и соответствующие основным хронологическим строительным периодам культурные отложения.

Фрагменты стены 1 строительного периода представлены участком лицевого панциря, сложенного насухо из известняковых блоков и внутреннего - из бутового камня. Судя по обломкам лепной чернолощеной керамики с гребенчатым орнаментом из забутовки, древнейшее укрепление на перешейке мыса появилось в эллинистическое время. Подобная по способу и сюжетам орнаментации лепная керамика известна по находкам из эллинистических слоев Херсонеса, Керкинитиды и других поселений античного времени центрального и ЮЗ Крыма.

Дату сооружения стены 2 строительного периода, от которой уцелели остатки полукруглой башни из тесаного камня, определяют найденные в слое разрушенной кладки фрагменты амфор с двуствольными ручками руб. н.э. и лепных горшков и мисок без орнамента. Севернее городища расположено большое позднескифское поселение этого же времени, для населения которого, защищенная с напольной стороны, территория мыса служила в качестве укрепленного убежища.

Стена 3 строительного периода почти полностью сохранила свою планировку и только на флангах, у края противоположных обрывов плато, разобрана до основания. Она сложена насухо из разномерных

известняковых блоков и разделена на три куртины 2 полукруглыми башенными выступами. С тыльной стороны двухпанцирная конструкция стены укреплена мощным каменным валом. Керамический материал из слоя завала датируется VIII-IX вв.

При перестройке (4 строительный период) на значительных разрушившихся участках средней и В куртин внутренний панцирь из квадров был заменен кладкой из необработанного камня. В процессе реконструкции в забутовке стены совершено захоронение ребсика 9-10 лет, сопровождавшееся сероглиняным гончарным горшочком с ручкой.

Таким образом, 3 и 4 строительных периоды оборонительной стены хронологически соответствуют времени существования усадебных комплексов VIII-IX вв. на территории городища.

Последовательное возникновение крепостных сооружений Кыз-Кермена в эллинистическую, римскую и средневековую эпохи можно объяснить не только максимальной природной защищенностью выбранного места, но и стратегическим расположением укрепления на перекрестке древних сухопутных дорог из степей в Херсонес и на Южный берег Крыма.

С.Г.Бочаров
(Симферополь)

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КАФФЫ В КОНЦЕ XIII-XIV ВВ.

Историю крепостного строительства Каффы в период господства генуэзцев можно условно разделить на три основных этапа: I) 70-е гг. XIII в.-1307 г., II) 1316-1354 гг., III) 1382-1475 гг.

I. Появление генуэзской торговой фактории в Каффе относится к 70-м гг. XIII в. В письменных источниках отсутствует информация о каких-либо каменных оборонительных сооружениях. Поселение окружено земляным валом и рвом (Никифор Григора 1861). В 1307 г. молодая колония была захвачена золотоордынским ханом Тахту. Генуэзцы вынуждены покинуть Каффу.

II. После прихода к власти в Золотой Орде хана Узбека генуэзцы возвращаются в Каффу. В 1316 г. в Генуе вырабатывается Ordo de Caffa - план восстановления колонии, в соответствии с которым на месте оставленной фактории в 1340-52 гг. строится каменная крепость,

впоследствии именуемая цитадель (*castrum*) (Balard 1989). Согласно пяти генеральным планам Каффы-Феодосии конца XVIII в. (Халпахчян 1976), длина крепостной стены цитадели составляла ок. 1500 м, высота стен - 14 м, башен - 20 м. Площадь, защищенная стенами - 11,5 га, всего башен - 17: 15 - прямоугольные, 2 - круглые; 8 башен открытых в сторону цитадели, 9 - полностью закрытых. Из письменных источников известны названия башен: папы Климента VI (*Clementis*) (1340); Криско (*Crisco*), где были установлены часы и колокол (его удары возвещали о ежедневном закрытии городских ворот); башня Станталис (*Stantalís*) - городской арсенал; башня Стагнонум (*Stagnopum*), где находились общественные запасы зерна; башня св. Антония - хранилище архива Коммуны. Три башни цитадели - надвратные.

Крепость имела 5 ворот и калитку со стороны суши, ворота и калитку с приморской стороны: большие морские ворота, ворота Христа, ворота Стагнонум (*Stagnopum*), ворота св. Георгия с каменным барельефом святого покровителя Генуи.

III. Отстраивается внешний пояс крепостных стен, сооружается крепостной ров, производятся ремонтные работы по поддержанию укреплений. Территория города быстро разрастается и в 1382-85 гг. при консулах Пьетро Казано (*Pietro Cazano* - 1382; 1384 гг.), Джакомо Спинола (*Giacomo Spinola* - 1383 г.) и Бенедетто Гримальди (*Benedetto Grimaldi* - 1385 г.) возводятся две линии крепостных стен. Площадь укрепленной городской территории составляла ок. 90 га. Первая крепостная линия длиной 4800 м, включая береговую стену цитадели (580 м), укрепляла приморскую часть города на протяжении ок. 1700 м и опоясывала город со стороны суши на протяжении ок. 3700 м. На сухопутном участке было 21 башня (высота стен - 11 м, башен - 18 м): 19 - прямоугольные, трехстенные, 2 - полукруглые. Все башни открыты в сторону города. Полностью установить количество башен приморского участка крепостной стены (высота стен здесь достигает 9 м, башен - 16 м) в настоящее время трудно, так как ок. 780 м этой стены были разобраны до основания в 60-х гг. XVIII в. и не нанесены на русские генеральные планы. Известно точное местонахождение 8 башен, из которых до настоящего времени сохранились башня св. Константина (*Sancti Constantini*) и Доковая башня. Все они прямоугольные, четырехстенные. Со стороны суши в

город вели чеверо ворот, из которых известны ворота на предместья (Antiburgorum) и ворота Кайгодорские (Caihadores).

С конца 80 гг. XVII в. нового крепостного строительства генуэзцы не вели, финансовые средства направляли на поддержание уже имеющихся сооружений. Особую актуальность ремонтные работы приобрели после падения Константинополя в 1453 г. Так, только в 1465 г. крепостные ремонтные затраты составили 1.410906 аспров (Balard 1981). Но, несмотря на все усилия колониальной администрации, в 1475 г. Каффа была захвачена турецкими войсками визиря Гедик Ахмед Паши.

А.В.Иванов
(Севастополь)

УКРЕПЛЕНИЯ ИНКЕРМАНА И БАЛАКЛАВЫ В XVI-XVII ВВ. (ФОРТИФИКАЦИЯ ТУРЕЦКОГО ПЕРИОДА В ЮГО- ЗАПАДНОМ КРЫМУ)

В 1475 г., наряду с прочими укреплениями Таврики, турки овладели двумя приморскими крепостями в ЮЗ Крыму - генуэзским Чембалом и Каламитой, ранее принадлежавшей княжеству Феодоро. С начала XVI в. эти пункты известны под названиями Балаклава и Инкерман, ныне оба находятся в черте г.Севастополя.

В обоих случаях турки унаследовали сформировавшиеся укрепления недавней постройки. Последняя дотурецкая реконструкция Чембало-Балаклавы была произведена в 1464-67 гг. Каламита, отстроенная ок. 1427 г., была захвачена, когда в ней проводилась модернизация. Однако, оба укрепления к этому времени морально устарели.

Первое столетие своего господства в Крыму турки мало заботились об обороне прибрежных пунктов и поддержании прибрежных крепостей. За это время Балаклавская крепость приходит в совершенный упадок и в значительной мере разрушается. В Инкермане, по-видимому, сохранялся гарнизон, но фортификационных работ не вели.

Активизация казачества со 2-ой пол. XVI в. заставляет турецкую администрацию уделить внимание проблеме защиты побережья. В этот период рассматриваемые пункты регулярно подвергаются опустошительным казачьим набегам. Инкерман по меньшей мере трижды подвергался нападениям. Устаревшая фортификационная система не могла обеспечить защиты крепости и, тем более, препятствовать проникнове-

нию противника вглубь полуострова, вплоть до Мангуна (1629 г.) и Бельбекской долины (1634 г.).

Видимо, последний разгром Инкермана (по свидетельству д'Асколи -1634 г.) заставил приступить к реконструкции укрепления. Инкерманская крепость - уникальный для Крыма пример реконструкции укрепления доогнестрельной эпохи применительно к условиям XVII в. В ходе реконструкции турецкие инженеры употребили для совершенствования обороны укрепления комплекс разнообразных приемов - увеличение толщины куртин, усиление существовавших башен дополнительными поясами, приспособление их для установки артиллерии, устройство брустверов с бойницами в сочетании с сохранившимися зубцами-мерлонами. Наиболее радикальные нововведения - отсыпка валгангов и гласиса с устройством прикрытого пути между рвом и гласисом, усиленного плацдармами, прикрытыми новопостроенной башней, вынесенной за линию стен и выполнявшей роль редюита. Гарнизон Инкермана в мирное время составлял 50 янычар. В целом перечисленные мероприятия позволили сохранить боевую ценность крепости вплоть до ее занятия русским гарнизоном в 1773 г.

В Балаклаве фортификационные работы были менее значительны. Особенности топографии исключали возможность реконструкции всего периметра применительно к использованию огнестрельного оружия. Поэтому в турецкий период использовали и реконструировали лишь отдельные узлы обороны. На базе линии стен, контролировавшей вход в Балаклавскую бухту, и одной из башен этой линии была устроена брустверная береговая батарея на 20 орудий. После занятия Балаклавы русскими войсками, защита входа в бухту была дополнена аналогичным объектом на западном бухты. В цитадели 1467 г. отмечены следы реконструкции XVII в., выразившейся в устройстве ружейных бойниц в ее куртине и, возможно, бруствера, прикрывавшего боевой ход. "Дон-жон" цитадели продолжал выполнять навигационные функции в качестве маяка. Фортификационные работы турецкого периода в Балаклаве относятся к самому началу XVII в. Слабость сухопутных укреплений Балаклавы компенсировалась более многочисленным гарнизоном.

**О РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЕПОСТНЫХ СТЕНАХ МАНГУПА
(В СВЯЗИ СО ВЗГЛЯДАМИ А.Л.ЯКОБСОНА И
СОВРЕМЕННЫМИ ДАННЫМИ)**

В научном творчестве А.Л.Якобсона большое место занимали вопросы крепостного строительства в раннесредневековой Таврики. Особое его внимание привлекала Мангупская крепость, которую исследователь считал ключевым памятником для решения ряда сложных проблем (участие Византии в создании укрепленных пунктов, хронология крепостных сооружений, социально-экономическое развитие Юго-Западной Таврики). По мнению А.Л.Якобсона, крепость была создана византийцами наряду с другими укреплениями для защиты владений империи на полуострове, административным центром которых был Херсон. В отношении этого события и его связи с известным отрывком из трактата Прокопия Кесарийского "О постройках" мнение исследователя не было постоянным. Сначала он высказывался в пользу отождествления "пещерных городов" с "длинными стенами", но с 1-ой пол. 60-х гг. А.Л.Якобсон под влиянием публикаций Е.В.Веймарна постепенно пересматривает свою позицию, признавая невозможность соотнесения Мангупа и других памятников с "длинными стенами". К нач. 70-х гг. А.Л.Якобсон приходит к выводу о Мангупе как сильной крепости, созданной Византией для защиты подступов к Херсону.

В отношении остатков оборонительных сооружений Мангупа у А.Л.Якобсона установилось мнение о наличии раннесредневековых кладок на участке главных ворот в верховьях ущелья Капу-дере, в основании стен на плато и в ущелье Табана-дере. Датировка их проведена на основе аналогичных памятников Херсона, содержащих квадратную кладку, предположительно относимую к юстиниановскому времени.

Археологические исследования последних лет позволили по-новому представить оборонительную систему Мангупа. Она оказалась гораздо более значительной по масштабам, чем представлялось ранее. Установлено три защитных комплекса: главная линия обороны, вторая линия и цитадель. К раннему средневековью относится только первый

комплекс, обеспечивавший защиту всей территории плато. Длина оборонительного контура - 6.6 км, из них 1.5 км - искусственно созданные рубежи. Получен массовый археологический материал для установления хронологии этих памятников.

Несмотря на коррекцию датировок ряда памятников, рассматривавшихся А.Л.Якобсоном как раннесредневековые (нижняя стена в Табана-дере, кладка в основании второй линии обороны), новые материалы не противоречат его позднейшим выводам, касающимся обстоятельства создания Мангупской крепости. Сопоставление письменных и археологических источников сужает дату этого события до 2-ой пол. VI в. н.э.

В.П.Кирилко
(Алушта)

НАДВРАТНЫЕ БАШНИ УКРЕПЛЕНИЙ ТАВРИКИ

Крепостные ворота являлись наиболее уязвимым звеном оборонительных структур, а организация их защиты для средневековых фортификаторов была предметом первостепенной важности. Одним из простых и достаточно эффективных способов обеспечения безопасности въезда стало возведение надвратных башен, нижний ярус которых был проездным, а верхние служили для наблюдения, обслуживания ворот и ведения боевых действий. Число сооружений этого типа, получившего распространение на обширной территории средневекового мира, в военном зодчестве Таврики относительно невелико. В настоящее время въездные башни известны на пяти укреплениях - Эски-Кермене, Кыз-Куле, Фуне, Кермен-Кае и Каламите. Все они находятся в Юго-Западном Крыму и, за исключением последней, перестроенной генуэзцами, представляют провинциально-византийскую школу фортификации.

Рассмотрение всех известных и предполагаемых надвратных башен позволяет получить более или менее полное представление об этом типе сооружений в крепостном строительстве Таврики XIV-XV вв. Определяющее значение при выборе военно-инженерного решения имели особенности рельефа, максимальное использование которых позволяло не только рационально организовать контроль подхода к воротам, но также обеспечить им действенную защиту вблизи и на дальних подступах.

Планировочная схема развивалась в двух направлениях. Первое, основное, предусматривает размещение входов на одной оси с подъездом, второе, известное только на одном памятнике (Фуна), отмечает изменение направления движения внутри строения. В тех случаях, когда местоположение ворот не диктовалось особенностями рельефа (Кыз-Куле), предпочтение отдавали угловым башням, либо происходило смещение межстенного строения к краю оборонительной линии (Фуна). Въездные сооружения Таврики имеют преимущественно прямоугольную или полукруглую форму и относятся к простому типу. Первые в стратегическом отношении несколько уступали циркульным, V-образным и многогранным башням, но технически обеспечивали более простое и быстрое их возведение. К тому же, прямоугольный план был естественнее и удобнее, а, следовательно, предпочтительнее как для организации проседного пространства, так и устройства над ним закрытых помещений. Указанные факторы, несомненно способствовали преобладанию в крепостном зодчестве средневекового Крыма именно этой плановой схемы надвратных сооружений. Их объемная композиция за отдельными исключениями (Кыз-Куле, Каламита-II) решается в виде невысоких двухъярусных строений закрытого или открытого типа с боевой площадкой незначительно возвышавшихся над стенами.

Предназначение въездных башен не ограничивалось только выполнением их непосредственных функций по обеспечению надежной защиты ворот - они также являлись важными фортификационными узлами крепостных структур, а в отдельных случаях (Кыз-Куле) полностью замыкали на себе всю систему обороны укрепленной территории. Кроме возложенных на них военно-тактических задач, не менее существенной была репрезентативность сооружений. Она достигалась как пропорциональным соотношением отдельных элементов здания, так и декоративными средствами, в частности, установкой над входом богато украшенных плит с посвянительными надписями, наличие которых отмечено, либо предполагается на ряде памятников. Надвратные башни укреплений Таврики глубоко индивидуальны и свидетельствуют о творческом отношении инженеров к конструированию въездного объема в каждом конкретном случае. При этом, несмотря на отдельные сугубо местные черты, они обладают большим сходством с многочисленными аналогичными сооружениями обширного региона прибрежной зоны

Кавказа, Малой Азии и Балкан, следуя в своем развитии общим закономерностям крепостного строительства этого времени.

Ю.М.Могаричев
(Бахчисарай)

ИСКУССТВЕННЫЕ ПЕЩЕРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ФОРТИФИКАЦИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Проблемы использования пещерных сооружений в раннесредневековом крепостном строительстве Юго-Западной Таврики неоднократно привлекали внимание исследователей. Так, Н.И.Репников, Е.В.Веймарн и Д.Л.Талис считали, что роль "пещерных казематов" в обороне некоторых раннесредневековых крепостей - Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Мангуп - была значительной.

На городищах Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен нами выделены комплексы пещерных сооружений, входившие в первоначальные фортификационные сооружения этих крепостей (2-ая пол. VI-VII вв. н.э.). Их использовали для контроля подъемных дорог и подходов к поселениям, легко доступных расселин, в качестве наблюдательных пунктов, привратных помещений, укрытий для караульных у оборонительных стен. Ряд помещений одновременно выполняли несколько функций.

Оборонительные пещерные сооружения можно разделить на две группы: "боевые" и "подсобные". К первой относятся помещения для активной обороны, расположенные по краям плато и предназначенные для того, чтобы из них, а чаще, с боевых площадок рядом с ними, вести обстрел противника. К "подсобным" относятся пещеры, не имеющие непосредственного выхода на край плато и служившие временными укрытиями для сторожей расселин или для хозяйственных целей. В зависимости от топографических особенностей "пещерного города" преобладали помещения определенного функционального назначения.

Место оборонительных пещерных сооружений в активной обороне крепостей крайне незначительно, в основном их использовали в подсобных целях. Невелико и их количество: на Чуфут-Кале - около 30 помещений, Эски-Кермене - 25-30, Мангупе - 15-17, Тепе-Кермене - 10-15.

Таким образом, число раннесредневековых оборонительных пещерных сооружений в горном Юго-Западном Крыму не превышало 100. Они были небольших размеров и их использовали в основном в качестве дополнений к наземным фортификационным сооружениям.

В. Йотов
(Добрич)

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ ДОБРУДЖИ (НИЖНИЙ ДУНАЙ) X-XI ВВ.

Доклад представляет результаты исследования системы фортификации крепости на главном пути, связывающем столицы с Драстаром, а также обзор крепостей на этой дороге. Крепость Скала на основной дороге имеет фортификационную систему, связанную с другими крепостями раннего средневековья. Важно обратить внимание на некоторые новые данные. Фортификационные сооружения находятся на главной дороге. Наблюдения и находки, сделанные в последние годы, позволяют составить представление о крепостях, находящихся на главной дороге, как о части системы обороны Первого Болгарского царства.

Н. П. Тельнов
(Кишинев)

О СЛАВЯНСКИХ ГОРОДИЩАХ В МОЛДАВИИ

Городища в Молдавии количественно значительно уступают неукрепленным поселениям. Кроме того, из 24 городищ, на которых обнаружены следы жизни славян VIII-X вв., только десять сооружены славянами. Остальные были воздвигнуты в раннем железном веке. Однако, даже это сравнительно небольшое их количество дает возможность сделать некоторые выводы об их типологии. В основу классификации памятников положена группировка их по двум признакам - структуре плана оборонительных сооружений в порядке ее усложнения и использованным строительным приемам (П. А. Раппопорт).

На рассматриваемой территории в VIII-X вв. существовали два типа славянских городищ, отличающиеся системой плана укреплений и месторасположением. К первому типу относятся 6 городищ, укрепления которых не подчинены естественному рельефу местности.

Они расположены на пологих склонах и имеют в плане круглую форму. Ко второму типу относятся 4 городища сложно-мысового типа с несколькими защищенными площадками, устроенные с учетом защитных свойств рельефа местности.

Городища, сооруженные в более раннее время, также подразделяются на два типа и по основным параметрам приближаются к двум типам достоверно славянских городищ. Отличие ранних мысовых городищ в том, что они состоят из одной укрепленной площадки, круговые же - аналогичны славянским. Таким образом, славяне "обживали" те городища, которые по плановой структуре, местоположению, характеру укреплений, размерам походили на собственно славянские.

Оборонительные валы круговых городищ были сооружены с внутренним деревянным каркасом, заполненным глиной, землей, камнями. Сложно-мысовые городища имели оборонительные деревянно-земляные валы с основой из вкопанных столбов, использованных для сооружения тына или квадратных клетей. Валы круглых городищ были выше валов сложно-мысовых городищ, а по размерам площадок последние всегда превосходили первые. Иногда внутренние и внешние склоны валов были дополнительно укреплены невысокими стенками из камня или плетнем. Рвы укреплений имели треугольный или, реже, трапециевидный профиль и почти одинаковую крутизну склонов. На некоторых сложно-мысовых городищах наблюдалось эскарпирование склонов.

Простейшим типом наземных оборонительных конструкций были частоколы. Исследованы также столбовые стены и укрепления, состоявшие из двух рядов параллельных столбов, вкопанных в землю таким образом, что они образовывали квадратные в плане клетки. Четвертый тип представлен деревянными стенами в виде сплошного ряда срубных клетей, которые могли быть забиты землей или использованы в качестве хозяйственных или жилых помещений.

На маленьких по площади круглых городищах строения примыкали к внутренней стороне вала, либо непосредственно входили в его конструкцию. Сложно-мысовые городища были застроены полуземляночными жилищами, производственными и хозяйственными сооружениями. Вокруг круглых городищ всегда расположены большие неукрепленные поселения. Жилища и другие сооружения за оборонительными линиями сложно-мысовых городищ обычно отсутствуют.

ФОРТИФИКАЦИЯ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА (681-1018 гг.)

Болгарское государство в процессе образования на придунайской территории Византийской империи включило в свои границы многочисленные укрепленные поселения и города, которые в результате нападений славян, авар и праболгар в VI-VII вв. были заброшены и вплоть до кон. X в. военно-оборонительного значения не имели. Организуя оборону нового государства в непрерывной конфронтации с Византией, славяне и праболгары были вынуждены начать строить земляные укрепления примитивного типа в регионе, где традиции каменного строительства имели давнюю историю. Архаичность болгарской фортификации задерживала развитие оборонительного строительства, и только во 2-ой пол. IX в. появляются первые каменные крепости, которые сочетали принципы местоположения, планировки оборонительных элементов и кладки стен современных византийских крепостей с элементами привычного земляного строительства. В то же время появляются укрепленные дворцы болгарских ханов, крепостные стены которых отражают новые тенденции оборонительного дела. В X в. начался процесс восстановления некоторых заброшенных в VI-VII вв. крепостей. Ведущим типом в X в. стала крепость со стенами без фундамента - особенность, которая связывает болгарские крепости этого типа с крепостями на территории Хазарского каганата.

Таким образом, за три столетия Болгарией был пройден путь от земляного вала до крепостной стены монументального типа - путь, который римско-византийская фортификация уже прошла в этом регионе несколькими столетиями раньше. Этот процесс отражает на "фортификационном уровне" проникновение культурных традиций средиземноморского круга, которые Византия сохраняла, развивала и передавала своим соседям.

ФОРТИФИКАЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

Характер и специфика оборонного дела в Дунайской Болгарии в различные периоды ее истории не оставались неизменными. Параллельно политическим успехам и хозяйственному освоению интенсивно формировавшейся "Болгарской земли" поэтапно шел процесс становления и развития фортификационных систем, сочетающих в себе различного вида инженерные сооружения. Это позволяло контролировать все стратегические пути сообщения и направления, горные проходы, русла и переправы рек, морское побережье, рудные и соляные месторождения и т.п. Известны 21 оборонительная система и их составные звенья - укрепленные полосы, районы, зоны (Ангелов, Чолпанов 1989).

Важным источниковедческим аспектом представляется диалектический подход к изучению фортификационного искусства, рассматриваемого в контексте развивающегося социально-политического пространства Первого Болгарского царства.

Начиная с периода образования государства (ок. 670-81 гг.) проявляется идея концентрической упорядоченности колонизованного пространства и утверждается модель сильной унитарной власти. Это видно уже на примере организации исходного плацдарма протоболгарами хана Аспаруха для продвижения на Балканы - укрепленной местности "Огл", о которой сообщают Феофан Исповедник и патриарх Никифор (Theoph., Сроп. 679/680 - А.М. 6171; Niceph. Brev. 679/680 - А. М. 6171). Автор разделяет точку зрения П.Диакону, Д.Ангелова, С.Ваклинова, П.Петрова, Д.Димитрова на локализацию "Огла" на территории, ограниченной дельтой Дуная, нижним Прутом и Черным морем. Северный хазарский тыл был обеспечен возведением грандиозного по размерам оборонительного сооружения - Нижнего Траянова земляного вала длиной 126 км. Вероятно, вскоре вслед за этим на правом берегу Дуная в качестве аванпоста и, очевидно, ставки Аспаруха, был сооружен земляной лагерь в форме неправильного четырехугольника площадью 48 км². Остатки лагеря находятся возле с.Никулице южнее г.Исакча. Никулицкий лагерь - это типичный древнеболгарский

аул, который представлял одновременно и единую систему оборонительных сооружений, расположенных в три пояса: внешний земляной ров, внутреннее укрепление и цитадель (Миятев 1930).

В западном направлении система обороны была продолжена в виде так называемого Галацкого окопа - вала (27 км), соединившего низовья рек Сирета и Прута. Южная граница первых владений Аспаруха установилась по линии Черна-Вода - Кюстенджа, где был насыпан Малый земляной вал (61 км), обращенный фронтом на юг.

Необходимо подчеркнуть, что погранично-оборонительные валы и земляные крепости являются результатом широкой фортификационной практики на всем протяжении истории Первого Болгарского царства. Они - индикаторы его действительных границ и символы закрепления вновь обретенных территорий. Земляные сооружения имеют три основных элемента: насыпь, берму и ров общей шириной 30-40 м при глубине рва ок. 3 м и высоте насыпи до 4.5 м. Для укрепления вала применяли также деревянные и каменные конструкции (Рашев 1981).

Хорошо известно, что в языческий период (681-864гг.) Болгария имела характер славяно-болгарской "федерации". Центральное ядро государства составляли протоболгарские роды во главе с ханами из рода Дуло, а большую часть - окружающие его "Славинии" во главе с князьями "архонтами". Административным центром и федеральной столицей стала Плиска. Как резиденция хана и патрициата она представляла собой обширный укрепленный валом и рвом лагерь в форме неправильного четырехугольника 23.3 км². При хане Омуртаге в центре лагеря, на месте прежней земляной крепости, было воздвигнуто каменное укрепление в форме трапеции. Подступы к столице прикрывали три укрепления. К оборонительной системе Плиски относятся также Шуменская и Мадарская крепости.

Большое стратегическое значение имела Дунайская укрепленная система. По берегу Дуная между Тутраканом и Силистрой самостоятельную группу образуют земляные укрепления у сел Малый Преславец, Дунавец, Попино, валы у Белене и Брышляна. В нижнем течении земляные крепости известны при Расова, Сеймени, Гиздерешть, Печенияга, Туркоая и Жижила (Ангелов, Кашев, Чолпанов 1983). Горные проходы и перевалы Балканского хребта также контролировались валами и земляными укреплениями.

Оборону Западной Болгарии обеспечивали три вала между Дунаем и предбалканскими предгорьями, обращенные фронтом на З: Островский (58 км), Хайрединский (21 км) и Ломский (25 км). Отдельная группа - пять противодесантных валов Черноморского побережья, блокирующие удобные для высадки противника места.

Значительное территориальное расширение Болгарии в 1-ой пол. IX в. маркируется новыми валами. Так, на Ю пограничье с Византией, между р. Марица и лагуной Мандренского оз. возводится вал Еркесия (131 км) фронтом на Ю. На ЮЗ была присоединена Македония. Севернее Дуная, между низовьями рек Арджеш и Олт, сооружается вал Сюдик (100 км), а в зоне Южных Карпат, соединяя две излучины Дуная возле г. Брэила на востоке и г. Хиршова на западе, насыпается самое большое земляное укрепление Болгарии - Большая Новакова Борозда (300 км) фронтом на С (Рашев 1981). В Добрудже сооружаются Большой земляной и Большой Каменный валы между Кюстенджа и Черна-Вода фронтом на С.

В рассматриваемый период известны случаи освоения болгарами заброшенных античных и ранневизантийских крепостей и городов: Абритус, Ескус, Мадара, Дуросторум, Сердика, Месембрия, Дианосополя и др. (Овчаров 1982).

В христианский период (после 865 г.) происходит консолидация всей системы государственной, идеологической, экономической и культурной жизни страны. Административно страна разделена на надэтнические области-комитаты. Это означает, что военноплеменное управление было заменено территориально-административным контролем, подчиненным центральной военно-монархической власти. Постепенно преодолевался этнический дуализм и складывалось новое единство - славяно-болгарская народность - болгары. Новая христианская столица - Преслав - была укреплена двумя поясами стен. В центре находилась цитадель.

Каменное зодчество в это время вытесняет деревянное и земляное. Однако, земляная фортификация продолжает функционировать. Земляные валы сооружаются и в этот период. Вероятно, на руб. IX-X вв., в связи с нашествием венгров в 894-96 гг., между реками Прут и Днестр насыпают Верхний Траянов вал (138 км). На северном пограничье большую роль играли отдельные пункты-форпосты, такие как каменные крепости Преславец на о. Пэкуяллуй Соаре, Диногетия и

др. на Дунае (Barnea, Shtefanescu 1971), Слон в Карпатах (Comsa 1969), земляное городище Калфа, каменная крепость Аспрон (ныне г. Белгород-Днестровский) и еще 5 крепостей на Днестре у переправ, о которых сообщает Константин Багрянородный (Const. Porph. De Administrando imperio, cap.37).

В это время страна покрыта сетью небольших аграрных поселений.

В период политической дестабилизации (972-1018 гг.) многие земли Болгарии попадают в зависимость от Византии. Из Преслава столица переносится в крепость Охрид. В Западной Болгарии во 2-ой пол. X-нач. XI вв. строят новые каменные крепости - Перник, Преспа, Битоль, Костур и др. Активно функционируют крепости на Дунае. В стране сохраняется система комитатов как фактор централизованной власти.

В 1018 г. Первое Болгарское царство теряет свою самостоятельность - его земли становятся провинциями Византийской империи.

Изложенные данные и наблюдения позволяют заключить, что принципиальной основой организации обороны (Овчаров 1982), а также всего социального и политического пространства раннесредневековой Болгарии являлась идея концентрической упорядоченности. Это прослеживается как на макроуровне "Болгарской земли", так и на примере отдельных районов, применительно к столицам, отдельным крепостям, городищам, группам сельских поселений. Системы оборонительных сооружений, от самых грандиозных до самых малых, отражают общую идею и принцип сегментарности их структуры и предполагают высокую степень организации и управления общества, которое их создало. Общая модель формирования арен социальной власти имеет, вероятно, два полюса трансформации: от военно-племенной модели к территориально-административной.

Важно отметить, что, в известном смысле, модели политического контроля в Первом Болгарском царстве отражают идею понимания его населением своей территории как центра мироздания, что характерно как для языческого, так и для христианского периодов. Положительными центрами в ментальном оценочном плане являлись не только столицы и сакральные центры, но и все другие административно-демографические подразделения государства, каждое со своим социальным и духовно-значимым центром притяжения. Таким образом, можно резюмировать, полностью поддерживая концепцию А.Буровского (1993),

что универсальный архетип структуры обитаемого и контролируемого пространства в Первом Болгарском царстве - несколько концентрических кругов, объективно существующих в пространстве, в которых есть центр, а по направлению от него убывают степень измененности естественной среды, степень защищенности человека от природных и социальных негативных факторов и степень его уверенности в себе.

**А.В.Крыганов
(Харьков)**

ФОРТИФИКАЦИЯ ХАЗАРИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Хорошо известно, что всегда и у всех кочевников Евразии военное дело являлось одним из основных видов обычного существования их племен, союзов, раннегосударственных объединений. Для эпохи раннего средневековья юга Восточной Европы яркий тому пример - Хазарский каганат, который сразу же после своего возникновения в Каспийском предгорье Северного Кавказа смог захватить практически все степи от Волги до Днепра, а частично и юго-восток Крыма. При общих захватнических войнах по направлению к СЗ, относительно долгом нахождении в Таврии, существовании на своей территории в степном и частично лесостепном Подонье (салтово-маяцкая культура, СМК) племена хазарского каганата достаточно широко применяли фортификацию. Она включала военные лагеря, городища, крепости.

В редчайших случаях в некоторых письменных источниках есть информация о применении хазарами в различных местах военных лагерей, которые состояли из поставленных вокруг войска и связанных веревками повозок. Эти лагеря делали только прямо перед началом сражений с врагами и использовали уже во время боев.

Два хорошо известных, крупных археологических комплекса (Глодосы, Вознесенки) некоторыми археологами из-за их внешнего вида (наличия оборонительных сооружений) были названы долговременными военными лагерями. Не согласившись с этим, А.К. Амброз высказал к настоящему времени уже практически общепринятую точку зрения о том, что они были поминальными храмами. Не возражая против этого в целом, хотелось бы отметить, что эти храмы (?) находились не в центре Хазарии, а на самой З окраине, которая совсем недолго входила в ее состав и за которую шла постоянная борьба.

Хлынувшие в Таврию хазары вели борьбу с византийским Херсоном, в результате чего на некоторое время удалось взять и использовать несколько крепостей. Все они были сделаны не хазарами, а возникли и почти полностью были построены раньше. Крепости находились либо на пути к Херсону через крымские горы из центральной части Таврии, либо на морском берегу юго-востока полуострова. Все они были предназначены не для охраны живших в находящихся рядом поселениях СМК людей, а для размещения в крепостях хазарских гарнизонов. Исключение - городище "Чайка", которое отдельно находилось в совсем спокойной, западной части Таврии.

В Подонье фортификация СМК представлена очень большим количеством памятников. На наш взгляд, далеко не все оборонительные пункты следует называть "городищами". По многим признакам их можно разделить на городища, цитадели и крепости.

Городища - это крупные укрепленные поселения. Они достаточно велики (15-25 га) и имеют простые оборонительные сооружения (земляные валы, рвы). Пока таких городищ известно мало: Верхнесалтовское, Маякское, Сидоровское, Новоселовское. Видимо, поселений такого типа было гораздо больше, но слабые оборонительные сооружения плохо сохранились. По месту нахождения городищами были хорошо известные крупные поселения СМК - Маяцкое, Сухогомольшанское.

Цитадели (центральные части городищ, охваченные мощными стенами из крупных каменных блоков) известны только в Верхнесалтовском и Маяцком городищах. В небольших (1,0-1,5 га) таких укреплениях при необходимости невозможно было разместить всех живших рядом людей СМК. Судя по всему, в них находились относительно небольшие военные гарнизоны Хазарии.

Подавляющее большинство фортификационных пунктов СМК - крепости. Их общие черты: небольшая площадь (0,36-3,0 га); культурный слой очень тонкий или полностью отсутствует; стены расположены по всему периметру площадки и частично сложены из камня. Сооружения такого типа сопоставимы с особыми памятниками 2-ой пол. VII-нач. VIII вв., не содержащими культурных слоев. К числу последних относятся Малое Перещепино, а так же Глodosы и Вознесенка, имеющие укрепления. Все комплексы этих памятников (погребения по обряду трупосожжения ?) обязательно включают полное военное снаряжение, которое, однако, различается по составу и богатству. В

Сухогомольшанской крепости в конце прошлого столетия при случайных обстоятельствах был обнаружен комплекс (?) вещей, состоявший также практически только из предметов вооружения и конского снаряжения. Представляется, что крепости СМК Подонья предназначены не для защиты жителей находящихся рядом поселений, а для размещения там отрядов хазарского войска. Так, по-видимому, не городищем, а крепостью был Саркел.

**С.В.Полян
(Киев)**

К ГИПОТЕЗЕ О НАЗНАЧЕНИИ Т.Н. МАЙДАНОВ В КАЧЕСТВЕ ВОЕННЫХ УКРЕПЛЕНИЙ

На Украине в лесостепи и прилегающей к ней степной полосе, а также в смежных областях России широко распространены т.н. "майданы" или "роблэни могылы". В своей основе классические майданы имеют мощные кольцевые сооружения с глубокой выемкой в центре, одним или несколькими проходами в кольцо и примыкающими к нему валами-крыльями. Количество и ориентировка последних различны. К.Мельник-Антонович насчитывала на Украине более 1500 майданов (1908). В.П.Андриенко обоснованно предполагает значительно большее количество (1971).

Вопрос о назначении майданов весьма широко обсуждался в науке в прошлом и начале нынешнего столетий. Основные точки зрения сформулированы В.П.Андриенко: майданы это - а) древние культовые сооружения; б) древние городища или укрепления запорожцев; в) сооружения, связанные со змиевыми валами; г) остатки кочевий - загоны-укрытия для скота; д) раскопанные кладоискателями XVII-XVIII вв. древние курганы; е) остатки селитряного производства.

Представляется, что синтетическая точка зрения о назначении майданов, объединяющая две последние позиции, является наиболее аргументированной (Андриенко 1971). Раскопки майданов в последние годы надежно ее подтверждают (Телегин 1984; и др.).

Хотя И.Фундуклей еще в 1848 г. проанализировал майданы с точки зрения фортификации и доказал невозможность их использования в качестве военных укреплений, эта гипотеза какое-то время оставалась достаточно популярной. К такой трактовке склонялись И.Срезневский

(1850), Г.Г.Суханов (1859), Н.Бублиев (1850). Последний описал несколько десятков подобных сооружений в окрестностях г.Александрии и современной Кировоградской обл. и назвал их укреплениями запорожцев. Позднее аналогичную интерпретацию для майданов и "робленых могил" предлагал Д.И.Яворницкий (1892). В то же время, характерные майданы, обнаруженные исследователем на предполагаемом месте битвы козаков с поляками у Желтых Вод в 1648 г., Д.И.Яворницкий ошибочно назвал польскими укреплениями. Их использование в качестве укреплений могло быть только вынужденным, вторичным. Для доказательства такой возможности также требуется определение времени их сооружения. Скорее всего, майданы у Желтых Вод, как и многие другие, возникли позднее, после вхождения этих территорий в состав Российских земель, когда стала возможной их безопасная хозяйственная эксплуатация.

Вспомнить эту достаточно архаичную точку зрения на назначение майданов, сегодня представляющую историографический интерес, меня побудили два обстоятельства. В современном переиздании "Истории запорожских козаков" Д.И.Яворницкого (Киев 1990-91), снабженном новейшими научными комментариями, упомянутые положения воспроизведены без замечаний. Кроме того, в 1990-91 гг. экспедицией НПК "Археолог" и Кировоградского краеведческого музея были проведены масштабные исследования курганных могильников южнее г.Александрии. При этом было раскопано пять майданов из числа описанных Н.Бублиевым. Подтверждено широкое распространение данных сооружений в бассейне р.Ингулец. В этом районе находятся также и Желтые Воды. Основой всех майданов являлись разрушенные большие курганы ямной культуры, первоначальная высота которых достигала 7-8 м. Характерные признаки, обнаруженные при раскопках - переработанность грунта в валах (смешанность с золой, органикой, глиной), ямы для поливки, следы огня (Полин, Николова, Тупчиенко 1992; 1993), позволяют высказаться в поддержку гипотезы о происхождении майданов в процессе разрушения древних курганов при производстве селитры.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЧЕРКАССКА XVII-XVIII ВВ.

Черкасск, построенный в 1644 г. на месте некогда существовавшего городка, сооруженного в кон. XVI в. запорожскими казаками, на протяжении 160 лет являлся главным городом Войска Донского.

Представление об укреплениях средневекового Черкасска дают сохранившиеся письменные источники и планы города, составленные в XVIII в. Черкасская крепость, представлявшая собой дерево-земляное укрепление, была построена в расчете на разного противника: легковооруженных татар и турок, хорошо оснащенных артиллерией и имевших сильный флот. В связи с этим, оборонительные сооружения Черкасска, повторяя очертания острова, образованного р.Дон и Протокой, имели в плане трапециевидную форму.

Опоясавший город земляной вал имел 6 бастионов, называемых казаками "раскатами". Земляная конструкция была дополнена деревянными башнями и срубными стенами, засыпанными песком и камнями, которые располагались до верха вала. Как показали исследования А.Н.Кирпичникова, такого рода крепости имели широкое распространение в позднесредневековой России.

В Черкасске наиболее сильно была укреплена южная стена, обращенная в сторону турецкой крепости Азов. Расположенные на берегу Дона, на углах крепости Ивановский и Даниловский раскаты и, находившийся между ними Донской, являлись основными узлами обороны, контролирующими вход в Протоку и рассчитанными на отражение вооруженных пушками судов. Со стороны степи городской остров был менее укреплен. В город вели 4 ворот и 10 "вылазных" калиток.

К кон. XVII в. на соседних островах и за Протокой образовались новые станицы, которые также нуждались в укреплениях. С этой целью вокруг предместья возвели "двойной палисадник" и 4 раската.

В 1-ые гг. XVIII столетия, по свидетельству Корнелия Крюйса, Черкасск был "изрядно построен, деревянной и укреплен по старинному устрою, с раскатами и башнями". Немногочисленные ремонты после пожаров не изменили планировки городских укреплений и в XVIII в. Регулярные нападения татар и турок на город и окрестности

(1645, 1647, 1655, 1660, 1691, 1708, 1717, 1738) заставляли постоянно держать крепость в удовлетворительном состоянии, что усложняли частые наводнения. В связи с этим, в 1741-43 гг. атаман Данила Ефремов начал строительство каменной стены вокруг города, но российские власти усмотрели в этом "своеволие". Ему позволили достроить возведенную до берега Дона стену, но "со стороны же российской каменного строения крепости повелели строить накрепко запретить.". Остальная часть укрепления была достроена деревом.

После строительства крепости св.Дмитрия Ростовского (будущего г. Ростов-на-Дону) Черкасск теряет к кон. 60-х гг. XVIII в. значение оборонительного сооружения.

С.Г.Попов

(Санкт-Петербург)

ГОРОДИЩА ВОСТОЧНОГО ПРИЧУДЬЯ

Городища - одна из сравнительно малочисленных категорий археологических памятников на севере Псковской обл. Так, в одном из наиболее полно исследованных в археологическом плане регионов Северо-Запада - Восточном Причудье - их известно всего 11 (9 - в Гдовском и 2 - на севере Псковского р-на). В то же время, только в Гдовском р-не насчитывается 256 могильников (считая разрушенные) и около 50 разновременных селищ. Из них в 82 могильниках (считая одиночные курганы) отмечены насыпи исключительно культуры длинных курганов, а в состав 25 могильников входят как курганы с сожжениями, так и древнерусские курганы и жальники. В этом районе уже сейчас зафиксировано 12 открытых поселений с материалами 2-ой пол. I тыс. н.э., в то время как с культурой длинных курганов возможно связать лишь 6 городищ (2 - без культурного слоя).

В рассматриваемом регионе 6 городищ из 9 ранних не имеют культурного слоя - т. е. относятся к разряду городищ-убежищ. Какими представляются до раскопок критерии для соотнесения их с одним из культурно-хронологических этапов развития региона? Во-первых, ландшафтная приуроченность или ситуация расположения. Во-вторых, археологический контекст окружения городища другими памятниками (с учетом возможного искусственного и, соответственно, ошибочного наложения памятников разных хронологических пластов). В третьих -

сама система оборонительных сооружений, насколько она визуально поддается оценке. В ряде случаев городища сочетают в себе внешние черты разных культурно-хронологических этапов, зачастую не связанных между собой. Но сам их внешний облик, как правило, тяготеет к позднему этапу, а ситуация расположения удовлетворяет или всем, или в наибольшей степени одному из них. Таково, например, городище Сторожинец, существовавшее в раннем железном веке (РЖВ), в эпоху длинных курганов и в древнерусское время.

Для городищ-убежищ на севере Псковщины, относящихся к РЖВ, можно считать характерным расположение в труднодоступных местах. Они занимают узкую гряду между болотом (низинной, оврагом) и ручьем/речкой (городище Люботешь на р. Лочкина и городище Слудка), или обрывистый мыс при слиянии рек, обычно густо поросли лесом. Как правило, городища-убежища РЖВ имеют мощную фортификационную систему из 2-3 торцевых валов и рвов (Люботешь). Городище Слудка у мызы Белой в излучине р. Черма имеет две площадки. Одна из которых является своеобразной "цитаделью". Со стороны въезда на нее можно попасть лишь преодолев тройную систему укреплений, а на мысу она защищена валом, рвом и эскарпом на склоне (Попов 1992). Городище у д. Б. Крюково занимает высокий мыс при впадении в р. Толбу руч. Дроздиhi. Площадка овально-треугольной формы защищена со стороны леса системой из двух валов (длина внутреннего ок. 50 м) и рва между ними. Площадки описанных городищ имеют сравнительно небольшие размеры (25x50-45x90 м), высота их над окружающей местностью - 15-25 м.

Городище-убежище близ д. Мда тяготеет по месту расположения к ранним городищам. Оно занимает холм среди болотистой местности с подходом по узкому боровому перешейку, имеет круглую площадку с кольцевым валом, прерывающимся с СЗ и ЮВ. С востока склон эскарпирован. Нижняя площадка - у основания склона - защищена рвом в 130 м от городища. Культурный слой на площадках отсутствует, и факт находки П.А. Раппопортом (1961) на нижней из них нескольких фрагментов керамики (X-XI вв. ?) пока не позволяет достоверно соотнести городище с финальным этапом культуры длинных курганов.

Три городища на средней Плюссе (Прибуж, Горка и Крапивно) служили опорными пунктами системы расселения 2-ой пол. I тыс. н.э.,

включавшей в себя кроме городищ, могильники и селища культуры длинных курганов и древние дороги (Попов 1992).

Одно из них, у д.Горка, расположено подобно городищу Б.Крюково - на мысу борового плато при впадении ручья в р. Стяглу. Площадка его (37х42 м) ограничена с напольной стороны валом и рвом, склоны к пойме очень круты - 30-35 м. На городище культурный слой не выявлен, но за ручьем, в непосредственной близости от него, находится селище с комплексами культуры длинных курганов и РЖВ. Ряд фрагментов лепных сосудов РЖВ имел ямочный орнамент по шейке и срезу венчика. Не исключено, что городище-убежище было сооружено еще в РЖВ, но использовалось и позднее - во 2-ой пол. I тыс. н.э.

Городище у с.Крапивно, в окрестностях которого зафиксированы 2 селища и могильники культуры длинных курганов, а также могильник древнерусского времени и селища XII-XVII вв. (Попов 1989; 1990), также лишено культурного слоя. Расположено на высоком (25-30 м) холме террасы у излучины р.Плюсса. Площадка (80х120 м) со стороны реки ограничена одним валом, а с напольной стороны отделена от продолжения террасы системой из 2 валов и 2 рвов (длиной по дуге около 210 м). Въезд на городище вел вдоль восточного склона и выходил к среднему рву. Городище некоторые исследователи идентифицировали чуть ли не с Ямом-Тесовым (Шмидт 1886; Глазов 1899). Три фрагмента керамики XV-XVII вв. найдены при обследовании на террасе за валами и не связаны с укреплениями.

Крапивенское городище могло возникнуть, как и городище Горка, в РЖВ, но входило, по-видимому, в упомянутую систему расселения, контролируя на СЗ границе ареала культуры длинных курганов мощную водную артерию - р.Плюссу.

3-е городище системы - в уроч. Подгородок близ пог. Прибуж на левом берегу р.Плюсса - в отличие от двух предыдущих, имело культурный слой. Городище сильно разрушено карьером, но его облик позволяет восстановить описание Н.В.Иванова 1928 г. Оно занимало холм, соединенный более узкой перемычкой с СЗ с общим надбереговым плато. По краю овальной площадки (30х80 м) по крайней мере с З прослеживается невысокий вал. На 2/3 высоты холма по склону были видны следы эскарпа - терраса со рвом. Никаких материалов в культурном слое - сильно гумусированном сером-черно-сером песке (до 0.3 м) - в обресе городища не найдено. Судя по системе

оборонительных сооружений и наличие культурного слоя городище может быть отнесено ко 2-ой пол. I тыс. н.э.

Городище у д.Сорокина Горка (близ заброшенной д.Городище) расположено на моренной возвышенности в холмистой местности в прямой видимости Чудского озера (Попов 1989). Площадка овальной формы (43.5x55 м) с сильным уклоном на З ограничена кольцевым валом (шир. 2-11 м, выс. 0.2-0.25 м). Городище с эскарпированными склонами (терраса на половине высоты ЮЗ склона) отделена на СВ, В и ЮВ от соседней возвышенной местности небольшим рвом (глубиной 6-7.5 м). Внешний С вал и ров плавно начинаются в нижней трети З склона городища. В культурном слое (гумусированный серый-черно-серый песок мощностью 0.2-0.4 м) найдены фрагменты керамики 2-ой пол. I тыс. н.э. С ЮВ к городищу примыкало селище этого же времени (13000 м²). Близ городища зафиксированы также 2 небольших могильника 2-ой пол. I тыс. н.э., по архивным данным известен длинный курган, наполовину раскопанный А.А.Спицыным в 1911 г.

А.А.Спицыным также был разрезан в 4 местах внутренний вал городища (ОАК за 1911 г.). Раскопки показали, что песчаный вал высотой до 1,75 м перекрывал погребенный дерн. В основании его зафиксированы остатки деревянных конструкций ("пропластки из дерева"), местами насыпь сверху укрепляли валунами. Укрепления, по-видимому, сооружали в два этапа - "угольные пропластки по середине высоты в валу" соответствуют, очевидно, погибшим в огне деревянным конструкциям одного из этапов. Кроме того, Спицыным отмечены на площадке у вала в трех местах каменные площадки (вымостки ?) из 2-3 хорошо уложенных валунов.

Расположенное близ Чудского озера на берегу оз.Речицкое городище Сторожинец, изучено раскопками в 1983-89 гг. Мысового типа, оно занимает небольшое моренное всхолмление с эскарпированными склонами. Площадка (2100 м²) окружена кольцевым рвом, наиболее ярко выраженным с ЮЗ, Ю и ЮВ. С севера она ограничена торцевым валом, за которым городище отделено от продолжения возвышенности глубоким рвом. Мощность культурного слоя 0.6 м. В один комплекс с городищем входят 2 поселения и могильник (37 курганов) 2-ой пол. I тыс. н.э.-XII-XIII вв.

Раскопками городища определено, что оно существовало в РЖВ, во 2-ой пол. I тыс. н.э. и в сер. XII-сер. XIII вв. Каждому из этапов

соответствуют определенные ярусы оборонительных сооружений, три из которых погибли в огне. Северный торцевой вал, частично насыпанный из культурного слоя, и верхняя часть песчаного вала, огибающего площадку с ЮЗ, Ю и ЮВ, относятся к древнерусскому времени. В сер. XII-сер. XIII вв. городище функционировало как опорный оборонительный пункт ("сторожница") на рубежах Новгородской земли.

Верхний ярус оборонительных сооружений представлял собой сруб-городни или навалы бревен, скрепленных поперечинами. Он относится к этану, связанному с культурой длинных курганов и датируется сер. УІ-нач. VII вв. (серия С¹⁴-датировок). С нижними 2 ярусами оборонительных сооружений соотносится керамика РЖВ с сетчатым или ямочным орнаментом или подлощенной поверхностью.

Средний ярус интерпретируется как наборная стена на основе столбовых конструкций, укрепленная с внутренней стороны камнями от разобранных очагов или печей. Нижний ярус может быть реконструирован как плетень или как навалы небольших лиственных деревьев и слок с ветками по краю площадки. По данным радиоуглеродного анализа 2 нижних яруса датируются II-I вв. до н.э.

При создании в рассматриваемом регионе двух поздних укреплений - псковского пригорода Кобылы (1462 г.) и Гдовской крепости (каменная стена заложена в 1431 г.) - проявились новые тенденции в строительстве оборонительных сооружений. Это - прямолинейность сторон, своеобразные "башни" по углам (Раппопорт 1961). Эти крепости возведены на сравнительно низких, ровных участках близ воды.

Таким образом, городища РЖВ в целом устраивали в более труднодоступных местностях, чем городища культуры длинных курганов и отличались от них более мощной системой укреплений (2-3 рва и вала). Кроме городища Сторожинец (на раннем этапе) они все лишены культурного слоя, открытых же поселений с керамикой РЖВ в рассматриваемом регионе известно лишь два - у дд. Горка и Мда.

Городища (как с культурным слоем, так и убежища) нехарактерны для СЗ части ареала культуры длинных курганов. В то же время, из рассмотренного материала становится очевидным, что их сооружали в этом регионе лишь на самой границе ареала для обороны территории, занимаемой носителями культуры (кривичами - по В.В. Седову) и для контроля за важнейшими путями водных сообщений. Именно таковыми

являются городища, расположенные непосредственно на В побережье Чудского оз. (Сторожинец, Сорокина Горка) и на р.Плюссе (Прибуж, Горка, Крапивно). В большинстве случаев близ городищ 2-ой пол. I тыс. н.э. располагаются 1-2 синхронные им селища.

Дальнейшие разработки в области фортификационных сооружений РЖВ и культуры длинных курганов возможны лишь при детальном изучении их раскопками.

Г.С.Лебедев
(Санкт-Петербург)

**"ГРАДКИ" НА ПУТИ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ
(К ПРОБЛЕМЕ ФОРТИФИКАЦИИ КАК ФАКТОРА
ДРЕВНЕРУССКОЙ УРБАНИЗАЦИИ IX-XI ВВ.)**

- *"Die Zeitstellung den Burgallen!"*
Holger Arbmán.

Обследование Всесоюзной экспедицией "Нево" в 1986-87 гг. Волховско-Днепровской речной трассы древнерусского "Пути из Варяг в Греки" (ПВГ) от Балтики до Черного моря на протяжении 2700 км позволило предложить ранжированную иерархию древнерусских поселений ПВГ (Лебедев 1990). Семь ранговых уровней охватывают "селищбу" различных классов, от развитого города "классической" схемы (детинец+посад) до рядовых сельских, а также архаических (возможно, соотносимых или типологически предшествующих древнерусским) поселений. Фортификация как определяющий признак в системе других атрибутов базовых составляющих "археолого-навигационной характеристики" ("территория+акватория") выступает типобразующей для "поселений III ранга", выделяемых как сторожевые укрепления ("градки") на речном пути.

"Градок" ("острожек") - городище на ключевом гидрографическом участке, в норме - мысовое или, по крайней мере, с удобной небольшой гаванью в излучине реки; иногда с небольшим разрастающимся возле укрепления "посадом". В общей сложности вдоль древнерусской части ПВГ их насчитывается, видимо, не менее 30 (а с учетом "поселений III ранга" в составе древнерусских "городов" ПВГ - до 40 пунктов). Общее число их в период функционирования ПВГ, скорее всего равно сумме поселений I и II ранга ("города" и "открытые торгово-ремесленные по-

селения"), безусловно характеризующих начальную фазу урбанизации Древней Руси.

"Градок", по-видимому, контролировал фиксированный отрезок водного пути. Частота этих пунктов на Волхове (Николо-Медведица?, Любша, Дубовик, Вельсы, Городище, Волхово?, Городок, Холопий Городок), примерно 1 на 30 км. На Ловати "градки" (Веряско, Рахлицы, Городок под Луками) обозначают границы участков нижнего, среднего и верхнего течения реки. Основной контроль водного пути, особенно в извилистом среднем течении Ловати, закреплен за "поселениями V ранга" - селищами и группами сопок "на луках". В днепровско-днепровском междуречье "градки" отмечают устье, границу нижнего и среднего течения и исток р.Каспли (Сурож, Ковали, Каспля). "Градки" Днепра от Смоленска до Любеча, видимо, кратны числу днепных переходов (предположительно, Орша, Могилев, Быхов-"Замчище", Рогачев-"Замковая Гора", Стрешин, Кордон, Речица-"Старая Крепость"). Особый контекст составляют укрепления "III ранга" в составе крупных градообразований ПВГ: Новгорода и округи, Смоленска (с учетом "триады городов" Смоленск-Полоцк-Витебск), Среднего Поднепровья ("Русской Земли" вокруг Киева).

Само по себе распределение свидетельствует о тесной связи и значении "градов" в процессе начальной древнерусской урбанизации. Типологически "чистые" начальные формы, видимо, представлены там, где этот процесс в XI-XII вв. сосредоточился в крупных центрах древнерусского урбанизма, "консервируя" ранние формы, оставшиеся неразвитыми. В противоположность днепровской части ПВГ, где "градки" лишь предположительно намечены как эмбрионы существующих ныне городов, волховский отрезок дает наибольшее количество таких объектов, доступных для перспективного изучения.

"Градки ПВГ" на Волхове в ряде случаев позволяют допустить существование некоторого "градостроительного стандарта". Мысовая площадка подтреугольной формы (до 50 м в поперечнике) защищена подковообразным валом и рвом с напольной стороны; склоны (обращенные к речной долине) выровнены на всю высоту; вдоль левого склона, как правило, трассирован протяженный въезд (от воды, вдоль укрепления, поднимающегося справа, с незащищенной для пришельца стороны, к напольным укреплениям входа). Топография создает оптимальные условия для дальнего обзора и обстрела речной трассы, и в то

же время предполагает сравнительно небольшую численность сил, необходимых для защиты "градка" (способного в норме разместить не более десятка постоянных обитателей-воинов).

Архаическая простота укреплений, почти не выделяющихся из контекста "родовых градков" раннего железного века, несет, однако, ряд отличий от архаики фортификации "городищенских культур". Прежде всего, неизвестны многорядные валы (частоколы) и рвы, весьма трудоемкие по условиям сооружения. Архаические городища нередко окружены обширными могильниками (в данной зоне - главным образом "культуры длинных курганов"), косвенно свидетельствующими о сравнительной многочисленности общин, способных сооружать и поддерживать эти укрепления. В отличие от них, "градки ПВГ" словно "вкраплены" в равномерный контекст равноценных сельских древнерусских поселений и не выделяются сопутствующими крупными могильниками. Зато с ними нередко связаны клады арабского серебра (Городок, Холопий Городок), иногда возникает небольшой "посад" (по наблюдениям В.М.Горюновой, он может быть этнокультурно обособлен от населения ближней округи).

Есть основания связать появление основной части "градков" с эпохой рубежа IX-X вв., когда Олег "нача города ставит". В этом случае понятен градостроительный стандарт, своего рода эпизодичность строительства, сравнительная немногочисленность сил, необходимых для постоянного поддержания фортификации.

Особый интерес в этом ключе представляют укрепления Большого Гнездовского городища: вал, по наблюдениям Т.А.Пушкиной, был сооружен здесь не позднее нач. X в. (перекрывая и, видимо, "вычленяя" отчасти слой поселения, функционировавшего уже в "первый период обращения арабского серебра"). В контексте отмеченных градостроительных мероприятий это поселение могло быть одним из центральных.

Лишь в последние годы исследованиями Е.Н.Носова открыты бесспорные элементы фортификации Рюрикова городища под Новгородом; по-видимому, они раскрывают предшествующий этап фортификации древнерусского урбанизма, создание его базовых и опорных центров на Северо-Западе Руси при Рюрике (862-64 гг., по летописи, создание укреплений в Ладоге и затем в Новгороде). Следующий, связанный с именем и деятельностью князя Олега (882-912) предпо-

жительно может быть заполнен созданием "градков", реализующих устоявшийся градостроительный эталон в условиях установления великокняжеского контроля над всей древнерусской трассой ПВГ. Судя по материалам Гнездова (реализующим тот же эталон), принимались меры и по преобразованию крупных и перспективных центров урбанизации (Смоленск).

Киев, возможно, также стал одним из объектов этого преобразования: давно уже обсуждается гипотеза о тождестве разрушенного городища на Лысой горе с "Самбатом" Константина Багрянородного, как особом укреплении Олега Вещего. Памятник, к сожалению, практически недоступен для непосредственного изучения. Однако гипотеза о его "северном" происхождении, возможно, приобретает новые косвенные подтверждения в связи с развернувшимся в последние десятилетия планомерным исследованием киевского Подола. Планиграфия, стратиграфия и хронология ранних горизонтов застройки Подола (работы М.А.Сагайдака), как и характер деревянной застройки, выявляют черты сходства с северорусскими ОТП ("поселениями II ранга") и древнесеверными "виками". Если эти инновации впервые фиксируются именно после похода Олега (ранние дендродаты - 880-е гг.), то нет ничего неправомерного в выделении подобных элементов и в ранней фортификации Киева.

Следующий этап древнерусского урбанизма связан в основном с деятельностью Владимира и Ярослава, именно в Киеве нашедшей наиболее полное выражение. Укрепления "Города Владимира" и особенно "Города Ярослава" отличаются повышенным монументализмом деревоземляной фортификации, дополняемой каменной архитектурой. Отзвуки этого этапа можно уловить и в характере других новооснованных укреплений: Ярославля, Юрьева (Тарту). На Пути из Варяг в Греки возможно к этому этапу следует отнести "Юрьевы Горы" на Усвятском озере (летописный Вьсвяч). Полукольцевой вал сравнительно обширного "посада", окружающего небольшой, овальный в плане "детинец", на озерном берегу дополнены трудоемким выравниванием берегового склона и по масштабам отличаются от "градков ПВГ", находя соответствие, скорее, в строительной деятельности Ярослава Мудрого.

Намеченные типологические характеристики раннего древнерусского урбанизма имеют, безусловно, лишь предварительное значение. Необходимо планомерное археологическое изучение фортификации

"градков", культурного слоя, элементов застройки, памятников ближайшей округи, древней гидрологии, микротопонимии. Первоочередными же, очевидно, являются меры по выявлению и сохранению этих памятников отечественной фортификации в ландшафте родной земли. Зброшенные и малозаметные, они сейчас оказались под резко возросшей угрозой необратимого изменения, а то и полного уничтожения.

Справедливости ради надо отметить, что наша народная память и раньше не слишком бережно относилась к этим местам: как правило, на них возникали сельские кладбища, церковная, иногда - усадебная застройка. В свою очередь, эти объекты культурного прошлого безжалостно уничтожались. Необходимо использовать, может быть, последний шанс "обращения" этого процесса.

В.Д.Белецкий, С.В.Белецкий, Е.В.Скрынникова
(Санкт-Петербург, Москва)

ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАСОВОЙ БАШНИ И ВЕЛИКИХ (ТЕМНЫХ) ВОРОТ ПСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Работы по изучению культурного слоя в районе восточного пилона Великих (Темных, Троицких) ворот Псковского кремля близ остатков Часовой башни велись в 1970-73 гг. Тогда был сделан ряд наблюдений по строительной истории этого участка фортификаций Псковского Кремля. Однако, оставался открытым вопрос о хронологии намеченных периодов истории фортификации, зафиксированных в летописи. Кроме того, требовалось уточнение стратиграфического соотношения разновременных кладок и культурного слоя в пространстве Темного захваба Кремля. Вторым обстоятельством, требовавшим продолжения исследований, стала необходимость уточнить реальные формы воротного проезда в Кремль в связи с возобновившимися реставрационными работами по воссозданию этого узла фортификаций в камне. Новые археологические исследования участка близ Часовой башни были проведены в 1990 г.

Полученные в результате работ 1990 г. данные можно суммировать в следующем виде:

Строительный период 1 (XIV в.) - возведение древнейших (из зафиксированных раскопками) крепостной стены и восточного пилона ворот.

Строительный период 2 (кон. XIV-нач. XV вв.) - перестройка восточного пилона ворот (вероятно - всего воротного узла) и, одновременно с этим, возведение угловой башни (т.н. "Часовой").

Строительный период 3 (XV в.) - возведение на месте разобранного прясла восточной стены захаба новой стены, в которой устроены "погреб".

Строительный период 4 (XVIII в.) - переустройство воротного проезда и разборка угловой башни Кремля.

Строительный период 5 (XIX в.) - реставрация воротного узла путем взятия в чехол из новой кладки разрушавшихся кладок 4 строительного периода.

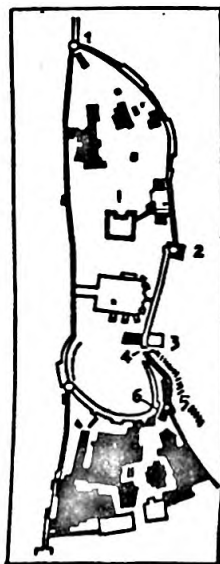
Строительный период 6 (XX в.) - реставрационные работы.

Строительные периоды 5 и 6 соответствуют двум этапам реставрации ворот и примыкающего прясла стены и имеют твердо установленные датировки - 1860-е и 1980-е гг. Строительный период 4 приходится на сер. XVIII в. Строительный период 3 зафиксирован в псковских летописях под 6960/1452 г. Два древнейших строительных периода относятся ко времени ранее сер. XV в.

Привлекает внимание, прежде всего, период 2, к которому относится возведение угловой башни. Сведения об этой башне и времени ее строительства, по мнению И.К.Лабутиной (1985:62,74), в Летописях нет, и о существовании башни мы знаем только благодаря плану 1740 г. Анализируя имеющиеся в летописях сведения о строительстве башен Кремля, И.К.Лабутина полагает, что с В стороны детинца, обращенной к р.Пскова, связаны сведения о пяти башнях (рис.): Кутний костер (костер "в куте/углу крома"), костер на Радчине всходе, костер против Лубянского всхода, Снетовой костер и костер на Кромю со Псковы. Из перечисленных объектов, локализация по крайней мере двух не вызывает возражений: Кутний костер размещается в С оконечности Псковского Крома, "являясь вершиной треугольного пространства возвышенной части мыса между Великой и Псковой" (Лабутина 1985:61,62); костер на Кромю со Псковы (т.н. "Средняя башня") безусловно локализован М.Х.Алешковским (1972).

Локализация трех других башен представляет некоторые сложности. По В стене детинца, кроме башни в куте Крома и "Средней башни", известна башня у Темных ворот ("Часовая") и предполагаемое место башни, занятое с XVII в. колокольней Троицкого собора. Иными

словами, на одну безусловную и одну вероятную башню Кремля приходится три микротопонима псковских летописей. Отождествление двух из трех микротопонимов между собой (костер против Лубянского вихода и Снетовой костра), предложенное И.К.Лабутиной (1985:74), представляется приемлемым; эта башня размещалась на месте колокольни Троицкого собора.

Псковский Кремль

(I - Кром, II - Довмонтов город)

1 - Кутний костер; 2 - костер на Крому со Псковы ("Средняя башня"); 3 - местоположение Снетового костра (костра против Лубянского вихода); 4 - Малые ворота; 5 - Радчин виход (виход у Великих ворот); 6 - Великие (Темные, Троицкие) ворота и Часовая башня.

Заливкой обозначены места раскопок разных лет.

Костер на Радчине виходе И.К.Лабутина отождествляет со Снетовым костром. Это отождествление сомнительно. Считая, что летописный Радчин виход и виход у Великих ворот на Крому - это один и тот же объект микротопографии городского ядра Пскова, мы вправе отождествлять с костром на Радчине виходе именно башню у Темных ворот: она находится на пути, ведущим в Кром со стороны берега р.Пскова, т.е. в буквальном смысле - "на виходе". Предполагаемое же место Снетового костра реально располагается не "на Радчине виходе", а "за виходом" - за Малыми воротами, сквозь которые идущий по виходе попадал в пределы вечевой площади Пскова в Ю части Кремля. Таким образом, строительный этап 2, выделенный по данным раскопок 1990 г., можно с известной долей гипотетичности отождествлять с летопис-

ным известием о строительстве в 1400 г. костра на Радчине всходе (ПЛ-2 1955:31).

Древнейший из намеченных раскопками 1990 г. строительных этапов относится к XIV в. Есть основания связывать возведение древнейших фортификаций на рассматриваемом участке Псковского Кремля со строительной деятельностью посадника Шелогы (1337 г.).

В настоящее время реставрационные работы по Часовой башне (башни на Радчине всходе) и Великим (Темным) воротам Кремля полностью завершены: фасады ворот восстановлены в формах ориентированных на проект реставрации 1860-х гг., башня возведена в формах, соответствующих иконографическим материалам XVII-XVIII вв.

С.В.Белецкий
(Санкт-Петербург)

О ЛЕТОПИСНОЙ ДАТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ИЗБОРСКОЙ КРЕПОСТИ

В литературе со ссылкой на сведения псковских летописей сосуществуют две различные датировки времени строительства каменной крепости на Жеравьей горе в д. Старый Изборск - детинца г.Изборска XIV-XVI вв.: 1303 и 1330 г. Первая из этих датировок справедливо отвергнута А.Р.Артемьевым как недостоверная. Общепринятой в настоящее время является вторая датировка - 1330 г. Однако представляется, что она должна быть уточнена.

В Псковских летописях в сообщении о строительстве псковским посадником Шелогой крепости на Жеравьей горе в Изборске, приведенном в летописной статье 6838 г. имеется существенная оговорка, фиксирующая, что строительные работы производились "еще при князе Александре" (ПЛ-1 1941:17; ПЛ -2 1955:23,92). Новгородская Первая летопись относит отъезд Александра Михайловича Тверского из Пскова в Литву к 6837 г., причем порядок событий, связанных с походом новгородско-московского войска на Псков, предпринятый для изгнания Александра Тверского, дает основание считать, что князь покинул Псков не позднее начала лета 1329 г. (НПЛ:342). Принимая в качестве достоверной даты отъезда Александра Тверского из Пскова 1329 г., я считаю возможным датировать строительные работы в Изборске тем же годом. В таком случае единственным объяснением

расхождению датировок Псковских летописей и Новгородской Первой летописи является следующее: статья 6838 г. в Псковских летописях датирована в ультра-мартовском стиле летоисчисления и также должна быть переведена как 1329 г. При этом необходимо подчеркнуть: в Псковской Третьей летописи статья 6838 г. дефектна, и к 1329 г. относится только первая ее часть - до слов "...при княжении Александрове" (ПЛ-2 1955:92).

А.Н.Кирпичников, С.В.Белецкий
(Санкт-Петербург)

ИЗ ИСТОРИИ ФОРТИФИКАЦИИ ОКОЛЬНОГО ГОРОДА ПСКОВА

История крепостных сооружений Окольного города Пскова достаточно подробно освещена в письменных источниках и неоднократно становилась предметом внимания исследователей. В 1465 г. деревянные стены Окольного города были возведены в короткие сроки (за неделю) в ожидании начала военных действий против Пскова со стороны Новгорода, причем "посажане" строили стены "своим запасом". С начала 1470-х гг. деревянные укрепления начали заменять каменными, и этот процесс завершился лишь в 1-ой пол. XVI в. В XVI - XVII вв. укрепления Окольного города модернизировались, но, как принято считать, строительные работы проводились, прежде всего в узловых, наиболее уязвимых местах (Верхние и Нижние решетки, башни).

Принципиально новые данные по истории фортификаций Окольного города Пскова получены раскопками 1983 г. (Толокнянский раскоп). В результате проведения охранных раскопок на Запсковье, вблизи Толокнянской башни Окольного города, было установлено, что городская застройка вплотную примыкала изнутри к крепостной стене, не оставляя свободного пространства, необходимого для перемещения защитников города в моменты осады. Траншея, прорезавшая предстенный участок и крепостной ров позволила установить, что здесь фиксируется по крайней мере 2 строительных периода сооружения каменных стен. Первоначальная стена датирована кон. XV в. Она была выстроена на фундаменте, сложенном из крупных блоков плитнякового камня. Дополнительный приклад на валунном фундаменте с внешней стороны крепостной стены был сооружен в 1-ой пол. XVI в. Ю берег

крепостного рва был первоначально укреплен деревянными конструкциями. Площадка между ними и крепостной стеной была подсыпана глиной для придания ей горизонтальной поверхности. Перед стеной был сооружен деревянный частокол, представлявший собой линию предстенных укреплений. Впоследствии он был заменен частоколом по внутреннему склону рва. Первоначальный ров был сооружен в кон. XV в., наиболее поздняя прочистка рва на исследованном участке относится к нач. XVIII в. Ров был заполнен водой.

Возведение одновременно с крепостной стеной предстенных деревянных укреплений и сохранение линии этих укреплений при позднейших усилениях фортификации вместе с наблюдениями за особым режимом содержания пространства между крепостной стеной и предстенными укреплениями позволяет считать, что это пространство использовали в моменты военных действий под стенами города как дополнительное место для защитников крепости. При этом есть основания полагать, что наличие предстенных укреплений не является особенностью только изучавшегося участка Окольного города.

В.И.Кильдюшевский, А.В.Курбатов
(Санкт-Петербург)

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕПОСТИ ЯМ

В 1994г., впервые после 1971г., в крепости Ям, расположенной на территории г.Кингисепп Ленинградской обл. на р.Луге, экспедиция ИИМК РАН проводила широкомасштабные археологические исследования, начатые в связи с реконструкцией моста через Лугу. Работы связаны с общими планами реставрации и консервации крепости. Полностью вскрыта ЮЗ (угловая) башня с прилегающими к ней участками двух прясел, а также часть 3 стены детинца. Раскоп I (50 м²) развернут вдоль берега Луги севернее существующего моста. На протяжении 22 м открыты сохранившиеся элементы крепостной стены. Выяснилось, что большая часть первоначальной стены вместе с краем известняковой скальной плиты обрушилась в реку. Только в Ю половине раскопа были открыты фрагменты нижних рядов кладки шириной 3.2 м. Однако на всей площади сохранился каменный приклад с нишами. Зафиксированы части опор (2.1-2.2х1.0-1.2 м), на расстоянии 3.4-3.6 м друг от друга. Они сохранились до высоты 1.6-1.7 м. Подобные "ниши" показ-

ны на шведских планах 1680 г. Судя по стратиграфии, эта кладка появилась в нач. XVI в. и служила прикладом к стене ранней новгородской крепости XIV-XV вв., в основном не сохранившейся. Стратиграфия на этом участке показывает 3 горизонта со следами пожаров, 2 горизонта строительной активности, насыщенные колотым камнем и строительным раствором, а также горизонт разрушения крепости. В нижних отложениях встречены фрагменты керамики кон. XIV-XV вв. и отдельные бытовые предметы. В верхних горизонтах присутствуют керамика XVI-XVIII вв., фрагменты "голландских" курительных трубок, железные изделия. Из наиболее интересных находок можно указать наконечник пики, арбалетный болт и бронзовый перстень.

Раскоп 2 (370 м²) охватывает ЮЗ башню детинца и прилегающие участки стен. Впервые башня раскрыта в 1975 г. экспедицией А.Н. Кирпичникова (ЛОИА АН СССР). Работами 1994г. были уточнены параметры башни и открыты интересные конструктивные детали. Внешний диаметр башни по верхнему уровню 1 яруса - 14 м, внутренний - 5.8 м. У подошвы башня расширяется до 14.6-14.8 м. Она сложена из крупных блоков известняка (20-30х40-60 см²), скрепленных известковым раствором желтого цвета. Толщина швов кладки - 0.04-0.05 м. Сохранилась обмазка и затирка швов. Выявлен полный ряд "пальцев" от лесов 0.2х0.2 м. Башня поставлена на скалу, которая и служила 1 ярусом. Со стороны реки (З часть) башня почти полностью разрушена. При строительстве скалу подрезали и облицовывали камнем на 1.2-1.5 м ниже поверхности. С Ю и В сторон башня сохранилась на высоту более 4 м., т.е. на 2.0-2.2 м ниже уровня скалы, что связано с приспособлением фортификации к рельефу. С СВ к башне под углом 80° примыкают остатки двух крепостных стен. Одна из них - З - проходит вдоль берега Луги и поставлена на скалу. Частично она перебита устоем современного моста. Высота сохранившейся стены - 2.0-2.2 м, ширина - 4,8 м. Лицевая кладка снаружи сохранилась на высоту 0.5-0.6 м и была перевязана с кладкой башни. Ю стена детинца шириной 3.2 м раскрыта на протяжении 10 м. Она имеет высоту 1.7-2.2 м. Стены сложены из более тонких, чем башня, известняковых плит (толщиной 0.1-0.2 м) на растворе, со швами ок. 0.02 м. В месте соединения стен с башней расчищены остатки двух лестниц шириной 1.2 м. Одна из них вела вниз - на 1 ярус башни, а другая - на 2 ярус и, вероятно, на боевой ход стены. В 2 м от внутреннего угла пересечения

стен зафиксирована опора лестницы, ведущей на 2 ярус башни и на боевой ход из внутреннего пространства детинца. Опора 2.2х2.2 м сохранилась в высоту до 2 м. Аналогичные входы с арочным оформлением прогонов между опорами можно отметить в соседней Ивангородской крепости. Опора примыкает к стене без перевязки. С В стороны в верхней части опоры имеется дверной проем 1.45 м. Культурный слой в башне и вокруг нее сохранился лишь в виде отдельных прослоек и пятен на материке; найдены фрагменты керамики XV-XVI вв. Башня и стены детинца неоднократно засыпались в течении XVIII-XX вв., в том числе - при строительстве моста в 1926 г. и благоустройстве территории в 60-70-е гг. XX в.

В раскопках открыты две интересные детали. Первая - конструкция участка З стены в месте стыка с башней. Основная часть кладки (внутренняя, шириной 2.4 м) соотносится по времени с наружной облицовкой стены. Внутреннее же заполнение представляет вид забутовки. Видимо, ранняя кладка была выбрана до основания, от которого сохранились отдельные камни и следы раствора. Другим элементом является амбразура башни. Ее щелевидная бойница (1.1х0.2 м) соответствует ранним подошвенным бойницам такого вида Ивангородской крепости.

А.В.Курбатов
(Санкт-Петербург)

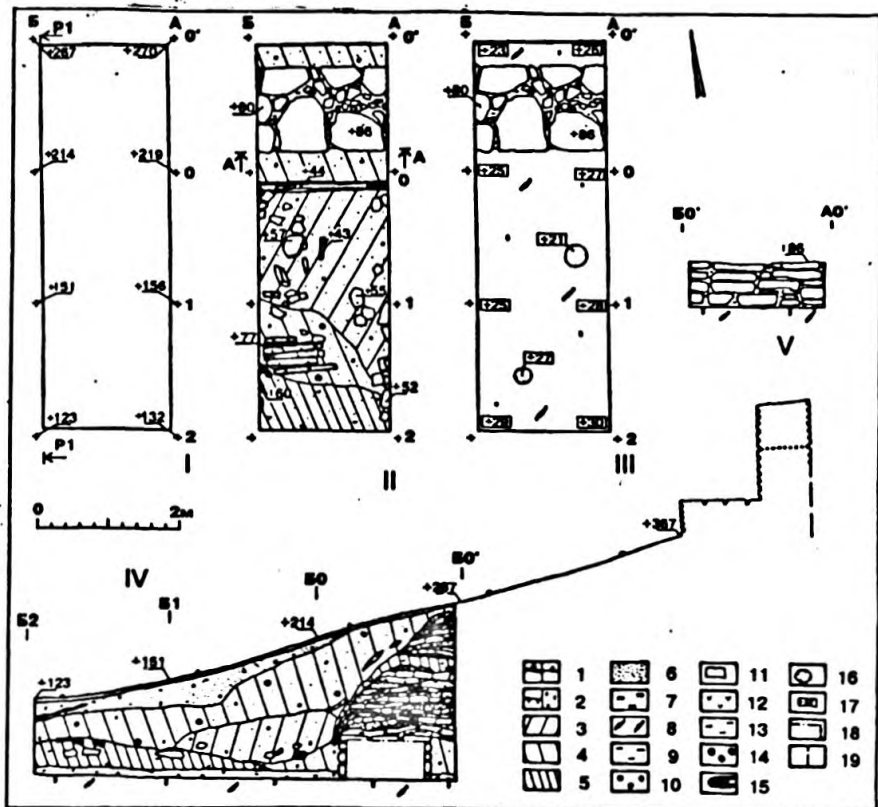
ИССЛЕДОВАНИЯ УКРЕПЛЕНИЙ ИВАНГОРОДСКОЙ КРЕПОСТИ

Исследования экспедиции ИИМК РАН на территории Ивангородской крепости ведутся на протяжении 14 лет (1980-93 гг.). Учитывая планы реставрации объектов, раскопкам подверглись участки оборонительных сооружений (башен и стен) во всех объемах крепости. Частично результаты наблюдений были опубликованы В.П.Петренко.

Представляют интерес наблюдения и выводы исследователя о несоответствии части особенностей и схемы обороны цитадели крепостям "кастельного типа", а также детальные подтверждения вероятности единого замысла строительства крепости 1492 г. и Большого Бояршего города. Указывалось на значительное вынесение наружу С и З башен первоначальной крепости (на 5.7-5.85 м) по сравнению с В и Ю баш-

нями, что связано, видимо, с их развернутостью в сторону крепости Нарвы, а также наличие фланкирующих щелевидных бойниц. Необходимо добавить, что все башни были не строго прямоугольными в плане, а с вытянутыми в сторону Нарвского замка фасадами, смыкающимися под углом ок. 87° , тогда как внутренние, т.е. не обращенные к Нарве углы тех же башен имеют сочленения фасов более 90° . Раскопки и наблюдения последних лет подтверждают данные выводы. Фланкирующие щелевидные бойницы подошвенного боя без следов перестройки или закладок встречены на В фаса С башни и на СВ фаса В башни. Их расположение и конструкция полностью соответствуют ранее открытым. Амбразуры (высотой 0.95-1 м, шириной 0.15-0.18 м) расположены на 1.28-1.44 м выше скальной поверхности и отстоят на 0.85-0.98 м от стен. По-видимому, аналогичной им была и бойница на СЗ фаса В башни, сохранившаяся в переделанном под арочную бойницу виде. Единая конструкция большинства выявленных бойниц (3 из них - в первоначальном виде), их одинаковое размещение на фасах, в том числе и фланкирующих Ширму, подтверждают ранние предположения.

Разведочная траншея 10х2 м была заложена на "Валу" - земляной присыпке к СВ стене Большого Бояршего города между Набатной и Верхней башнями. Здесь, у подножия сохранившейся насыпи вскрыты несколько ярусов с остатками деревянных сооружений (?), которые, судя по находкам из нижних отложений (т.н. "позднерейские сосуды", курительные "голландские" трубки, обувные подковки, монета 1-й пол. XVII в.), формировались не ранее кон. XVI- 1-ой пол. XVII в. в период шведского присутствия в крепости. В самой засыпке встречены части каменной постройки, сложенной из постелистых блоков известняка и оштукатуренной по всей поверхности. Основываясь на стратиграфических наблюдениях, можно предположить, что найденное каменное строение являлось длинной пристройкой к внутренней стене крепости, первоначально открытой. Вероятное время появления каменного сооружения - 1-ая пол. XVII в. Первоначальная засыпка ее может быть отнесена ко времени подготовки крепости для военных действий против России (80-90 гг. XVII в.), на что указывал А.Соом. Дальнейшую насыпку вала, выраженную стратиграфически несколькими прослойками, можно связать с вероятными работами после инспекторского осмотра укреплений генерал-инженером Боуром в 1781 г.

Ивангород. Траншея на склоне Боярского вала (Гонверка)

1 - уровень совр. поверхн.; 2-3 - планы 1 и 2 горизонтов; 4 - 3 профиль траншеи; 5 - Ю фасад каменной стенки. Условные обозначения: 1 - дерн; 2 - материк; 3-5 - гумус (светло-коричневый, коричневый и темнокоричневый); 6 - песок; 7 - глина; 8 - скала; 9 - строительный раствор; 10 - мелкие камни, галька; 11 - отдельный камень; 12 - уголь; 13 - зола; 14 - кирпичная крошка; 15 - дерево; 16 - яма; 17 - нивелировочная отметка по матерiku; 18 - неисследованный внутренний участок стенки; 19 - трасса каменной стенки.

В 1990 г. проведена прорезка внутренней части Бояршего вала - передового объема укреплений. В траншее 6х2 м вскрыта оригинальная конструкция многослойной земляной насыпи, положенной на край сниженного участка скального выступа. Открытая прорезкой на глубину 1.6 м насыпь достигала 2.5 м высоты и была сложена чередующимися прослойками песка, глины, дерна и гумуса толщиной 0.08-0.2 м. Крутизна склона достигала 45-50°. Для предохранения от расползания в основании вала с внутренней стороны на скалу положена каменная стенка (высотой 0.4-0.45 м, шириной 1.2-1.25 м), сложенная из известняковых постелистых плит толщиной 0.08-0.15 м, скрепленных известковым раствором. В кладке можно отметить подработку лицевых частей блоков на верхней и боковых сторонах стенки, а также заполнение внутренней части кладки более мелкими камнями. Реконструируемая ширина вала - не менее 8 м. Судя по вскрытой части, насыпь была сделана за один прием и могла быть ранней формой передового укрепления, получившего название "Главного вала", как отмечено на шведском плане 1649 г., а уже позднее - облицованная снаружи камнем.

Проведенные исследования позволяют выяснить некоторые конструктивные особенности укреплений и уточнить время формирования оборонительного комплекса на Девичьей горе.

Г.Н.Белорыбкин
(Пенза)

ТЕХНОЛОГИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ФОРТИФИКАЦИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ВЕРХНЕГО ПОСУРЬЯ

На территории Верхнего Посурья и Примокшанья в XI в. появляется большая группа поселений булгарского типа. Среди них более 30 имеют оборонительные сооружения: от простых мысовых до геометрических. Изучение валов со рвами на целом ряде городищ позволило определить наиболее характерные детали их конструкций и проследить эволюцию фортификации как в планиграфическом, так и в технологическом виде.

Решающее значение при изучении фортификации имели результаты специализированного исследования стратиграфии валов группой почвоведов из Лаборатории экологического проектирования (Е.В. Пономаренко, Г.Ю.Офман, С.В.Пономаренко). Было установ-

лено, что даже на одном городище использовалась различная технология отсыпки валов и строительства крепостных стен. Так например, на Садовском II городище внешний вал насыпался большой группой людей. Землю брали из рва небольшими порциями и разравнивали. Затем каждый слой поливали водой и утрамбовывали, покрывая его предварительно органическими остатками (трава, ветки, навоз). Верхний слой насыпали уже большими порциями, а на вершине вала поставили дубовую стену из срубов. В то же время внутренний вал строился не спеша. Сначала на земле была сделана ровная площадка, на которой построили деревянную стену из отдельно стоящих срубов. Затем основание стены стали засыпать землей, но из-за дождей, а позже - морозов - строительство вала было отложено до весны.

Необходимо отметить, что оборонительные укрепления строились по определенному плану. Это видно на примере фортификации Неклюдовского городища I, где насыпалось сразу два вала. Они строились летом и довольно быстро, в течение 1-2 месяцев: Внешний вал насыпали сразу из трех рвов, начиная с внутренней стороны, и затем наращивали внешний склон. Внутренний вал насыпали, наоборот, с внешней стороны. Землю насыпали большими порциями (корзинами или носилками) и хорошо утрамбовывали. На вершине внешнего вала была построена деревянная стена. На внутреннем валу стена из деревянных срубов была углублена на 0.7 м в насыпь и забита внутри землей. Все эти наблюдения, а также целый ряд им подобных позволили объединить в одну группу городища IX-X вв. и XI-XII вв., на которых использовали сходные технологические приемы строительства земляных насыпей, а также выделить особенности местной фортификации.

А.М.Губайдуллин
(Казань)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРТИФИКАЦИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

Фортификационные сооружения волжских булгар, в основном, являются дерево-земляными, что подчиняет их определенным закономерностям, присущим данной категории укреплений. Здесь присутствуют все типы конструкций, выявленные и на территории Древней Руси: тын, гиппы, столбовая конструкция, городни, тарасы.

Многие городища волжской Булгарии имеют укрепленные линии ломаной формы, образуя несколько колен, расстояние между которыми достигает 20-60 м. Величина углов - 150-160°. В подавляющем большинстве случаев это небольшие мысовые поселения.

Довольно интересно наличие у некоторых городищ с напольной стороны гласисообразной насыпи. Эту "отлогость" не принимали раньше во внимание или отмечали как дополнительный вал с внешней стороны рва. Аналогии ей имеются на Востоке, а наиболее ранний пример был приведен Л.Вулли при раскопках города Алаллах на СЗ Сирии.

Несомненно, что развитие фортификации шло от простого к сложному, однако считать частокол (без вала) и ров наиболее древними укреплениями волжских булгар, в свете имеющихся археологических данных, не вполне корректно.

Судя по некоторым материалам, укрепления типа городни в золотоордынский период уступают место тарасам, которые существуют до периода Казанского ханства включительно. По сведениям М.Богдановского в это время они заполняются "... камнем с глинистым илом, так что получалась как бы бетонная кладка...". Нужно отметить, что довольно простая конструкция стен, тын с боевой площадкой, существовала на протяжении всего исследуемого времени, включая период Казанского ханства. Налицо определенная универсальность, уходящая своими корнями в глубокую древность.

Д.Абдуллоев

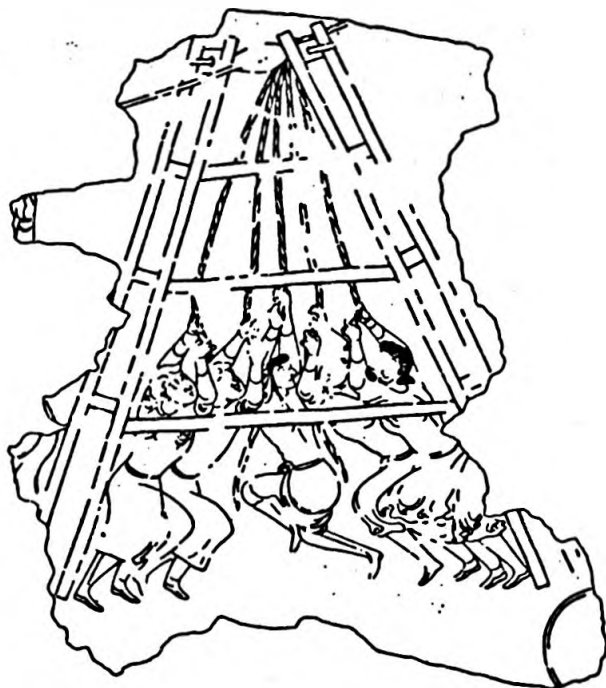
(Санкт-Петербург)

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ VII-X ВВ. В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Археологическая изученность значительной части территории Средней Азии позволяет поставить вопрос о влиянии конкретных политических и военных событий, известных по письменным источникам, на фортификационные сооружения. Прежде всего, необходимо указать на те из них, которые характеризуют активное сопротивление местного населения завоевателям.

В конце VII в. в Пенджикенте, на ряде участков городской стены (поверх остатков 2-ой городской стены и на месте снесенных комнат

между 1-ой и 2-ой стенами) была возведена массивная кладка из сырца и пахсы, после чего толщина стены достигла 11 м. К этому же периоду относятся укрепление крепостных стен поселений Тали-Барзу под Самаркандом, где толщина стен была доведена до 10 м и Варахша, где городская стена подвергалась значительной перестройке (она была выстроена из блоков пахсы, толщина у основания достигала 5 м). Усиление обороноспособности замков и крепостей наблюдается также в Хорезме. К этому времени относится и постройка 2-ой городской стены городища Кувы в Фергане. Факты свидетельствуют: в основных областях Средней Азии - Согде, Хорезме и Фергане в кон. VII-нач. VIII вв. были приняты меры для усиления крепостных сооружений, что связано с появлением арабских завоевателей.

Усиление оборонительных сооружений в Средней Азии было вызвано также тем, что арабы применяли осадные машины. В персидских средневековых толковых словарях осадная машина названа "*Фалохан*", а один из наиболее распространенных ее видов приводится как "*Манджаник*". В этих же словарях дана краткая характеристика осадной машины. Об использовании осадных машин при штурме городов и крепостей Средней Азии сообщают также письменные источники. Благодаря раскопкам в Пенджикенте стал известен облик этих машин. На одной из стен тронного зала дворца Диваштича была изображена сцена осады крепости воинами с осадными машинами (рис.). Как предполагают, этот сюжет отражал историческое событие, возможно, осаду Самарканда в 712 г. (Беленицкий, Маршак 1973; 1978). Следует отметить, что описание осадных машин в средневековых толковых словарях почти соответствует их изображениям в Пенджикенте. При археологических исследованиях во дворах замков Тешик-кала и Адамли-кала и донжоне замка Якке-Парсан были найдены каменные ядра для метательных машин.

Помимо городских, сельских и замковых оборонительных сооружений в Средней Азии существовали также стены, которые защищали целые оазисы от набегов извне. Остатки таких стен сохранились до нашего времени. В Бухарской обл. это Кампыр-Девор, а в Самаркандской - Девори Киемат. В средние века функцию защиты оазисов в какой-то степени выполняли и рабаты-каравансарай. Судьба стен зависела от политической и экономической стабильности в государстве. Чем сильнее государство, тем меньше внимания уделялось содержанию стен. Ярким примером могут служить высказывание Исмаила, одного из правителей династии Саманидов: "Пока я жив, я являюсь стеной Бухары". Здесь, видимо, имелось в виду государство вообще.

Е.В.Пономаренко, Г.Ю.Офман
(Москва)

ДИАГНОСТИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ УСТРОЙСТВА ЗЕМЛЯНЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ПО ПОЧВЕННЫМ МОРФОЛОГИЧЕСКИМ ПРИЗНАКАМ

Детальное изучение почвенных морфологических признаков земляных оборонительных сооружений дает возможность выявить некоторые

технологические приемы их устройства. На основании исследования валов IX-XII вв. в Пензенской обл., нами были разработаны почвенные диагностические признаки для следующих ситуаций:

- происходили ли изменения размеров и формы вала за время его существования, характер и причины этих изменений (оползание, проседание, деятельность землероев, вывалы деревьев и др.), восстановление первоначальной формы вала, если такие изменения имели место;
- характер изменений и восстановление первоначальной формы и размеров рва;
- наличие и характер подготовки поверхности к устройству вала (снятие дерна, выравнивание поверхности, вырубка деревьев и кустарников, корчевка пней);
- время года (зима, лето) и характер погодных условий (сухо, влажно, морозно) во время строительства вала;
- откуда брали материал для строительства вала (из одного рва, из нескольких углублений, с поверхности почвы);
- порядок насыпания вала: равномерно по всей длине или последовательно отдельными участками; сразу ли создавали нужную форму вала или путем последовательных выравниваний; восстановления последовательных профилей устройства вала;
- размер порций отсыпок при строительстве: мелкопорционные (соизмеримые с размером лопаты), крупнопорционные (соизмеримые с размером мешка, носилок, ведра, тачки);
- способ укладки материала: утрамбовывание, разравнивание порций отсыпки; полив порций отсыпки с последующим разравниванием в слой, разравнивание с последующим поливом; переслаивание слоев отсыпки органическим материалом (сухим, влажным или специально увлажненным);
- наличие перерывов в строительстве вала (длительность строительства) и сопутствующие им погодные явления (промораживание, дождь, дождь с последующим промораживанием);
- устройство деревянных конструкций: деревянные конструкции расположенные на валу (заполненные или незаполненные минеральным материалом, если конструкция типа сруба); деревянные конструкции, заглубленные в тело вала (установленные перед насыпанием вала или вбитые в уже построенную насыпь).

В докладе подробно рассматриваются почвенные морфологические признаки, по которым можно диагностировать вышеописанные ситуации и приводится несколько примеров расшифровки технологии устройства конкретных валов.

А.Н.Кирпичников
(Санкт-Петербург)

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ ХЛОПИН **И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ**

Яркий разносторонний ученый, И.Н.Хлопин известен своими трудами в области истории культуры древней Азии. Менее известны его научные разыскания, связанные с древнерусскими крепостями и вооружением. В 1953 г. после окончания исторического факультета ЛГУ нас, нескольких его выпускников, приняли на работу в Артиллерийский музей. Вскоре Игоря Николаевича и меня увлекла романтическая идея найти 8500 предметов старинного вооружения, исчезнувших в кон. XVIII в. в Кирилло-Белозерском монастыре. К нашему разочарованию, экспедиция музея, обнаружила в руинах Оружейной палаты лишь десяток ржавых стволов карабинов и мушкетов, а остальное, как выяснилось, разворовали и распродали еще в том же XVIII в. Дальнейший поиск привел в Ленинградский Государственный исторический архив, где хранились документы Кирилло-Белозерского монастыря. И вот неожиданность. Оказалось, что среди рукописей XVII в. - 44 книги "Городового и каменного дела", насчитывавшие 3000 страниц. С поразительными подробностями, в них описывалось, как вокруг Кириллова монастыря в 1653-80 гг. была построена одна из самых больших в России XVII в. крепостей. Строительная документация - случай для средневековой России беспрецедентный - уцелела полностью. И.Н.Хлопин прочитал все эти рукописные книги. Было чему удивляться. Крепость строили каменщики из Белозерского уезда, а также из Вологды, Ярославля, Костромы, др. городов; они изготовили 10 млн. шт. кирпича. Ежедневно на работу выходило до 700 человек. Открылись и имена зодчих крепости - это были мастера-простолюдины: Семен Шам, Иван Шабан, и Кирилл Серков. Новая крепость охватила территорию более 20 га, она во много раз превышала собственные оборонительные потребности кирилловских

иноков. Оказалось, что русское правительство задумало создать в Кириллове свою резервную укрепленную резиденцию на случай непредвиденных обстоятельств. Перед нами открылась одна из тайн русской истории, выраженная в архитектуре. Крушение мечты о монастырском арсенале обернулось для И.Н.Хлопина вдохновенным увлечением русской стариной. Он опубликовал более 10 работ на темы отечественной истории, но особенно важна его (совместно с А.Н.Кирпичниковым) книга "Великая государева крепость" (1972), в которой изложены открытия, обогатившие российскую медиевистику.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНОСТЬ

В.М.Массон.	Фортификация и общество в исторической перспективе.....	5
К.Х.Кушнарeva.	К вопросу об обороне поселений Южного Кавказа (IX-II тыс. до н.э.).....	7
И.Н.Хлопяв.	Оборонительные сооружения оседлых земледельцев Средней Азии.....	12
Л.Б.Кирчо.	К вопросу о начале фортификации в Южной Туркмении.....	13
М.Б.Рысия.	Фортификация Юго-Восточной Европы в эпоху бронзы.....	17
Ю.А.Заднепровский.	Развитие фортификации в Фергане (I тыс. до н.э. - середина I тыс. н.э.).....	21
В.Ю.Зуев.	Укрепленные городища лесостепной Евразии и номады скифо-сарматской эпохи.....	23

АНТИЧНОСТЬ

Ю.В.Андреев.	Укрепления в архитектурно-пространственной структуре раннего полиса.....	29
М.Ю.Вахтина.	О древнейших оборонительных сооружениях античного Порфмия.....	31
Ю.А.Виноградов.	Укрепления акрополя Мирмекия (предварительные итоги изучения).....	33
Ю.В.Горлов, Ю.А.Лопанов.	Оборонительные сооружения Киммерика.....	36
А.А.Масленников.	Сельская фортификация европейского Боспора в эллинистическую эпоху.....	38
В.И.Денисова.	К фортификационным сооружениям Ольвии V в. до н.э.....	40
Е.Я.Рогов.	Оборонительные сооружения на сельских поселениях хоры Ольвии в позднеклассическое время.....	42
А.Н.Щеглов.	Крепостные стены "старого" Херсонеса.....	44

М.И.Золотарев.	К хронологии юго-восточной линии обороны Херсонеса Таврического.....	49
А.С.Голенцов.	Фортификации городища Кульчук.....	50
В.А.Кутайсов.	Фортификация Херсонесской периферии.....	52
Е.Я.Туровский.	О характере фортификаций сельских усадеб Херсонеса на Гераклеяском полуострове в IV-II вв. до н.э.....	54
И.А.Антонова, А.А.Никонов.	Следы сейсмических воздействий на оборонительные сооружения Херсонеса.....	55
С.Г.Колтухов.	Античные принципы позднескифской форти- фикации Северо-Западного Крыма.....	57
С.Б.Буйских.	Античная фортификация Северного Причерно- морья в первые века нашей эры.....	58
В.А.Горончаровский.	Крепость Илурат в системе обороны запад- ной границы Боспорского царства в I-III вв. н.э....	60
В.М.Зубарь.	По поводу вопроса о Таврическом лимесе.....	62
А.А.Филиппенко.	Организация римских укреплений в окрест- ностях Херсонеса.....	63
М.Б.Щукин, В.В.Бейлекчи, В.М.Кожокару.	Следы переправы императора Валента через Дунай в 369 г. (?).....	65
П.Душек.	Оборонительные сооружения крепости легионеров в Нова (Нижняя Мезия).....	66

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

А.В.Белый.	Оборонительные сооружения городища Кыз-Кермен..	68
С.Г.Бочаров.	Оборонительные сооружения Каффы в конце XIII-XIV вв.....	69
А.В.Иванов.	Укрепления Инкермана и Балаклавы в XVI-XVII вв.....	71
А.Г.Герцен.	О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа (в связи со взглядами А.Л.Якобсона и современ- ными данными).....	73
В.П.Кирилло.	Надвратные башни укреплений Таврики.....	74
Ю.М.Могаричев.	Искусственные пещерные сооружения в ранне- средневековой фортификации Юго-Западного Крыма.....	76

В.Йотов. Раннесредневековая фортификация Добруджи (Нижний Дунай) X-XI вв.....	77
Н.П.Тельнов. О славянских городищах в Молдавии.....	77
Р.Рашев. Фортификация Первого Болгарского царства (681-1018).....	79
В.И.Козлов. Фортификация в социально-политическом пространстве Первого Болгарского царства.....	80
А.В.Крыганов. Фортификация Хазарии в Северном Причерноморье.....	84
С.В.Полян. К гипотезе о назначении т.н. "майданов" в качестве военных укреплений.....	86
И.В.Половинкин. Оборонительные сооружения Черкаска XVII-XVIII вв.....	88
С.Г.Попов. Городища Восточного Причудья.....	89
Г.С.Лебедев. "Градки" на пути из варяг в греки (к проблеме фортификации как фактора древнерусской урбанизации IX-XI вв.).....	94
В.Д.Белецкий, С.В.Белецкий, Е.В.Скрынникова. Исследования Часовой башни и Великих ворот Псковского Кремля.....	98
С.В.Белецкий. О летописной дате строительства Изборской крепости.....	101
А.Н.Кирпичников, С.В.Белецкий. Из истории фортификации Окольного города Пскова.....	102
В.И.Кильдюшевский, А.В.Курбатов. Новые исследования крепости Ям.....	103
А.В.Курбатов. Исследования укреплений Ивангородской крепости.....	105
Г.Н.Белорыбкин. Технология строительства фортификаций средневековых поселений Верхнего Посурья.....	108
А.М.Губайдуллин. О некоторых аспектах фортификации Волжской Булгарии.....	109
Д.Абдуллоев. Отражение политических событий VII-X вв. в оборонительных сооружениях Средней Азии.....	110
Е.В.Пономаренко, Г.Ю.Офман. Диагностика технологических приемов устройства земляных оборонительных сооружений по почвенным морфологическим признакам.....	112
А.Н.Кирпичников. Игорь Николаевич Хлопин и изучение древнерусской фортификации.....	114

CONTENTS

ANCIENT TIMES

V.Masson.	Fortification and society in historical process.....	5
K.Kushnareva.	On the question of South Caucasian settlements fortification (IX-II mill. B.C.).....	7
I.Khlopin.	Fortification of settled agriculturists in Middle Asia.....	12
L.Kircho.	In the question of the beginning of fortification in South Turkmenia.....	13
M.Rysin.	Fortification of South-Western Europe in Bronze Age.....	17
Ju.Zadneprovsky.	The development of fortifications in Ferhana (I mill. B.C.-middle of the I mill. A.D.).....	21
V.Zuev.	Fortified settlements at Eurasian forest-steppe zone and the nomads of scytho-sarmatic period (according the data of settlement "Chudaki" at South Trans-Uralian).....	23

CLASSICAL PERIOD

Ju.Andreev.	Fortifications in architectural-space structure of early Greek poleas.....	29
M.Vakhtina.	The earliest fortifications at Portmeion.....	31
Ju.Vinogradov.	The fortifications of Mirmekion acropolis. Preliminary results.....	33
Ju.Gorlov, Ju.Loponov.	The fortifications of Kimmerion.....	36
A.Maslennikov.	Country fortifications on the territory of European Bosporus in the Hellenistic Period.....	38
V.Denisova.	About the fortifications of Olbia in the 5th c. B.C.....	40
E.Rogov.	The fortifications at agricultural settlements of Olbian chorae in late Classic Period.....	42
A.Sheglov.	The defensive walls of the "old" Chersonessos.....	44
M.Zolotarev.	About the chronology of South-Eastern defensive line of Chersonessos.....	49
A.Golentzov.	The fortifications of Kulchuk.....	50
V.Kutaisov.	Fortification of the Chersonessos area.....	52

V. Turovsky.	About the fortifications of agricultural settlements at Heracleion peninsula in 4th-2d cent. B.C.....	54
I. Antonova, A. Nikonov.	The traces of seismic influence on the fortifications of Chersonessos.....	55
S. Koltuchov.	Classical principals in late Scythian fortification of the North-Eastern Crimea.....	57
S. Bujskikh.	Ancient fortification of the Northern Black Sea coast in the first centuries A.D.....	58
V. Goroncharovsky.	The Ilurat Fortress in the defensive system of Bosphorus in 1st-3d cent. A.D.....	60
V. Zubar.	On the question of Tauric limes.....	62
A. Philippenko.	Organisation of Roman fortifications in the environs of Chersonessos.....	63
M. Shchukin, V. Beilekchi, V. Koschokaru.	The evidences which show emperor Valens to ferry across the Danube in 369 (?).....	65
P. Dyczek.	Fortifications of the legionary fortress at Novae - Moesia Inferior.....	66

MEDIEVAL TIMES

A. Belyi.	The defensive structures of Kyz-Kermen fortress.....	68
S. Bocharov.	The defensive structures of Kaffa Fortress in the end of 13th-15th cent. A.D.....	69
F. Ivanov.	Fortification of Inkerman and Balaklava in 16th-17th c. A.D. (the fortification of Turkish period in South-Western Crimea).....	71
A. Gertsen.	On the early medieval fortress walls of Mangup (in connection with the ideas of A.L. Jakobson and the modern data).....	73
V. Kirilko.	The gate-towers in the fortresses of Tavrika.....	74
Ju. Mogarichev.	The artificial caves in the early medieval fortification of South-Western Crimea.....	76
V. Yotov.	The early medieval fortification of Dobrudza.....	77
N. Telnov.	On the Slavonic hill forts in Moldavia.....	77
R. Rashev.	Fortification of the First Bulgarian Kingdom (681-1018).....	79

V.Kozlov.	Fortification in the social and political space of the First Bulgarian Kingdom.....	80
A.Kryganov.	Khazarian fortification in the Northern Black sea coast.....	84
S.Polin.	On the hypothesis about the function of so-called "maydan's" as the military fortress.....	86
I.Polovinkin.	The defensive system of Cherkassk in the 17th-18th cent. A.D.....	88
S.Popov.	The hill forts of the Eastern coastal region of the Tchudskoe lake.....	89
G.Lebedev.	"Gradky" on the Way "from Varangians to the Greeks" (on the problem of fortification as a factor of Old Russian urbanisation).....	94
V.Beletsky, S.Beletsky, E.Skrynnikova.	The investigations of Chasovaya tower and Velikie (Temnye) gates at Pskov Kremlin.....	98
S.Beletsky.	On the chronicle date of the fortifications of the Izborsk fortress.....	101
A.Kirpichnikov, S.Beletsky.	On the history of "Okolnyi gorod" fortifications at Pskov.....	102
V.Kildyushevsky, A.Kurbatov.	New investigations at Yam-fortress.....	103
A.Kurbatov.	The investigations of Ivangorod fortifications.....	105
G. Belorybkin.	The technology of fortification of medieval settlements at the Upper Sura-river region.....	108
A.Gubaidullin.	On some aspects of fortification in Volzkaya Bulgaria.....	109
D. Abdulloev.	The reflection of the political events of the 7 th-10th cent. A.D. in fortification system in the Middle Asia.....	110
E.Ponomarenko, G. Offman.	The diagnostic of technological methods of the erection of the earth defensive constructions on the basis of soil morphology.....	112
A.Kirpichnikov.	I.N.Chlopin and Old Russian fortification researches.....	114

ОБРАЩЕНИЕ БИБЛИОТЕКИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Крупнейшая в Европе специализированная Библиотека по археологии при Институте истории материальной культуры Российской Академии Наук обращается ко всем археологам России, СНГ и стран бывшего СССР.

На протяжении многих лет в Библиотеке ведётся работа по составлению систематизированного указателя археологической литературы. Каждый археолог пользуется томами Библиографического указателя, охватывающими издания по археологии нашей страны с 1918 по 1981 гг. Сотрудники Библиотеки в рамках программы **"Российская археологическая библиография XX в."** продолжают работу по сбору и систематизации данных, каталог которых к настоящему времени доведён до 1993 г. Библиотека ИИМК регулярно издаёт обзоры периодической литературы, тематические и персональные библиографические сводки, а также готовит к печати очередные тома систематизированного указателя, которые должны продолжить серию изданий, широко известную во всём мире.

В последнее время из-за разрушения единой системы обеспечения научными изданиями библиотек Российской Академии Наук, а также из-за появления многих частных издательств, публикующих археологическую литературу, работа по составлению систематизированного библиографического указателя сопряжена со значительными трудностями. Количество изданий, которые не доходят до авторов Указателя и Библиотеки ИИМК катастрофически увеличивается с каждым годом.

Мы обращаемся ко всем археологам, публикующим свои работы частным образом, ко всем редакциям новых археологических журналов и сборников, ко всем издательствам, занимающимся публикацией археологической литературы с убедительной просьбой присылать в Библиотеку ИИМК по одному экземпляру отечественных изданий и, в случае невозможности присылки, исчерпывающую информацию о публикациях в зарубежной периодике. Отсутствие информации о новых публикациях, проверенной *de visu*, может повлечь за собой досадные пробелы в изданиях систематизированного указателя, что негативно отразится на его качестве. Мы убеждены, что в полноценной информации об изданиях археологической литературы заинтересованы специалисты по древней истории, археологии и культурологии всех стран.

Адрес Библиотеки: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, Новомихайловский дворец, Библиотека Института истории материальной культуры Российской Академии Наук.

Л.М.Всевиов, В.Ю.Зуев, Р.Ш.Левина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Вып.1 Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л. 1991

Вып.2 Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова). СПб. 1992

Вып.3 Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сборник статей молодых ученых. Л. 1991

Вып.4 Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции. СПб. 1992

Вып.5 Л.Я.Крижевская. Начало неолита в степях Северо-Восточного Причерноморья. СПб. 1992

Вып.6 В.Я.Шумкин. Каменный век Восточной Лапландии (в печати)

Вып.7 Г.Н.Курочкин. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. СПб. 1993

Вып.8 М.Д.Хлобыстина. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб. 1993

Вып.9 К.Х.Кушнарера. Южный Кавказ в IX-II тыс. до н.э. СПб. 1993

Вып.10 AD POLUS. Сборник статей памяти Л.П.Хлобыстина. Изд-во "Фарн". СПб. 1993

Вып.11 Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч.I-III. Материалы к конференции. СПб. 1993

Вып.12 Изучение памятников морской археологии. СПб. 1993

Вып.13 Взаимодействие культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. СПб. 1994

Вып.14 Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму 5-7 апреля 1994 г. СПб. 1994

Вып.15 Н.Ю.Кузьмин. Курганы у деревни Новомихайловка (проблемы изучения культуры степных племен Енисея V-III вв. до н.э.). СПб. 1994

Вып.16 New Discoveries in Asian Russia and Central Asia. СПб. 1994

Вып.17 М.Д.Хлобыстина. Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена. СПб. 1994

Вып.18 Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний "круглого стола" 22-24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург). СПб. 1994

Вып.19 А.В.Субботин. Основные принципы компьютерной обработки массового тагарского материала (реферативное изложение). СПб. 1994

Вып.20 Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб. 1995